

LEFT НАЧЕРТАНИЕ BEHIND[®]

ЗВЕРЬ

ПРАВИТ

МИРОМ

63 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND®

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-убийца сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ

Окончательная победа

Узнайте больше о серии **LEFT BEHIND®** на сайте www.Leftbehind.ru

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

НАЧЕРТАНИЕ

ЗВЕРЬ

ПРАВИТ

МИРОМ

«КНИГОВЕК»
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

- ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.**
Л29 Начертание: Роман / Пер. с англ. Ю. Дараган. —
М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 416 с. — (Left
Behind).

ISBN 978-5-4224-0439-1

В восьмой книге серии «Left Behind®» свершилось то, чего так долго боялись все верующие в мире — воскресший Николае Карпати, в теле которого теперь воплотился сам Люцифер, приказал клеймить всех своих подданных числом Зверя. И пока члены Отряда Скорби пытаются найти способ избежать смертоносного клейма, люди во всем мире разделились на тех, кто готов принять метку с радостью, и на тех, кто лучше взойдет на эшафот и погибнет как мученик.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #8: Начертание, Russian
Copyright © 2000 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0439-1

© Книжный Клуб Книговек, 2012

С благодарностью Линде и Ренни

СОРОК ВТОРОЙ МЕСЯЦ
ВРЕМЕНИ СКОРБИ,
ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВРЕМЕНИ
ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

Верующие:

Рэйфорд Стил, сорока с небольшим лет. Бывший капитан «Боинга-747» компании «Пан-Континентал». Потерял жену и сына во время Восхищения праведников. Бывший личный пилот потентата Мирового Сообщества Николае Карпати, один из первых членов отряда Скорби. Находится в международном розыске, бежал из Израиля с места убийства Николае Карпати. Находится в новом убежище — башне Стронга в Чикаго.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, тридцать с небольшим лет. Бывший старший репортер «Глобал уикли», бывший редактор «Глобал комьюнити уикли», издания Карпати. Один из первых членов отряда Скорби, издатель

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

интернет-журнала «Истина», находится в международном розыске. В данный момент живет в башне Стронга в Чикаго.

Хлоя Стил Уильямс, двадцати с небольшим лет. Бывшая студентка Стэнфордского университета. Потеряла мать и брата во время Восхищения праведников. Жена Бизона, мать Кенни Брюса, четырнадцати месяцев от роду. Заведует управлением делами Международного общества взаимной поддержки, подпольной сети верных. Один из первых членов отряда Скорби. Находится в международном розыске. В данный момент живет в башне Стронга в Чикаго.

Цион Бен-Иегуда, около пятидесяти лет. Бывший ученый теолог-иудаист и израильский политический деятель. Открыто выступил по телевидению с заявлением, что считает Иисуса Мессией. Его жена и двое детей-подростков были после этого убиты. Бежал в США. Духовный лидер и наставник отряда Скорби. Его интернет-аудитория составляет более миллиарда человек в день. Башня Стронга, Чикаго.

Доктор Хаим Розенцвейг, под семьдесят лет. Израильский ботаник и политический деятель. Изобретатель вещества, которое превратило израильскую пустыню в цветущий сад. Бывший «Персона года» по версии журнала «Глобал уикли». Подлинный убийца Николае Карпати. Башня Стронга, Чикаго.

Начертание

Мак МакКаллам, сильно за пятьдесят. Пилот Карпати. Новый Вавилон, Соединенные Карпатианские Штаты.

Давид Хассид, примерно двадцать пять лет. Высокопоставленный функционер Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Энни Кристофер, двадцать с небольшим лет. Капрал миротворцев Мирового Сообщества, ответственная за загрузку «Феникса-216». Влюблена в Давида Хассида. Пропала без вести. Новый Вавилон.

Лия Роуз, под сорок. Бывшая старшая медсестра Мемориального госпиталя Артура Янга, Палатин, Иллинойс. Находится на задании в Брюсселе.

Мистер и миссис Лукас (Ласлос) Миклос, около пятидесяти пяти лет, магнаты—производители взрывчатых веществ для горного дела, Греция.

Абдулла Смит, тридцать с небольшим. Бывший пилот иорданского истребителя, второй пилот «Феникса-216», Новый Вавилон.

Минь Той, двадцать два, вдова. Охранница в Брюссельской исправительно-реабилитационной колонии (Бирке). Находится на задании в Новом Вавилоне по случаю похорон Карпати.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Чань Вонг, семнадцать. Брат Минь Той. Родился в Китае (Соединенные Азиатские Шта-ты), прибыл на похороны Карпати в Новом Вавилоне вместе с родителями, которые не знают о его вере.

Называет себя верным:

Альби, под пятьдесят. Настоящее имя неизвестно, прозвище дано по названию аэропорта Эль-Басра на севере Кувейта. Бывший диспетчер вышки в Эль-Басре. Торговец черного рынка. Утверждает, что перешел в христианство из ислама, изучив послания Циона Бен-Иегуды в Интернете. На лбу видна печать верного. Помогает отряду Скорби в Северном Иллинойсе (Соединенные Северо-Американские Штаты).

Враги:

Николае Джетти Карпати, примерно тридцать пять лет. Бывший президент Румынии, бывший Генеральный Секретарь ООН, самоназначенный потентат Мирового Сообщества. Убит в Иерусалиме. Воскрес в дворцовом комплексе Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Леон Фортунато, пятьдесят с небольшим. Правая рука Карпати, верховный командующий силами Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Начертание

Колеблющиеся:

Хэтти Дюрхем, тридцать с небольшим лет. Бывшая бортпроводница компании «Пан-Континентал», бывшая личная помощница Карпати, находится в тюрьме в Бельгии.

ПРОЛОГ

— А теперь, дамы и господа, — объявил диктор, — Мировое Сообщество приветствует его святейшество Великого потентата Николае Карпати.

Николае шагнул вперед, и камера зажужжала, меняя фокусировку.

— Дорогие подданные, — начал потентат, не отрывая взгляда от объектива. — Неделя нам выдалась нелегкая. Я очень тронут тем, что миллионы людей приехали в Новый Вавилон, чтобы проводить меня в путь — как оказалось, не последний. Ваши чувства дороги мне.

Всем вам известно, что нашему делу, делу мира и гармонии, еще противостоят отдельные горстки мятежников. Некоторые нажили себе имя на мерзких, кощунственных и лживых обвинениях в мой адрес. Они бросаются такими ярлыками, которых не в силах вытерпеть ни один человек.

Думаю, вы согласитесь, что сегодня я показал, кем являюсь, а кем — нет. Прислушайтесь к зову разума и сердца — я верю, что они подскажут вам следовать за мной. Вы видели то, что видели, и глаза ваши не лгут. Я буду рад приветствовать в этом реальном и единственном мире тех доморошенных радикалистов, которых последние события убедили, что я не враг рода человеческого. Напротив, я могу оказаться тем, кому их вера учит поклоняться и служить. Уповаю на ясность их рассудка, чтобы они не отвергли эту возможность.

В завершение обращусь непосредственно к моим противникам. Я всегда без злобы и затаенной мести принимал несогласных. Но среди вас есть те, кто открыто называл меня Антихристом, а нынешние времена — днями Скорби. Что ж, считайте мои слова предупреждением вам.

Если вы и впредь продолжите клеветать на меня лично и на мировую гармонию, на создание которой я положил столько сил, то слова «скорбь» не хватит, чтобы описать то, что вам уготовано. Если вы считали днями Скорби последние три с половиной года, то подождите — и вы узнаете, что такое Великая скорбь.

Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени.

(Откр. 12: 12)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Новом Вавилоне перевалило за полдень, и Давид Хассид был близок к исступлению. Энни нигде не было, она так и не дала о себе знать, но он не мог отвести глаз от огромных мониторов на дворцовой площади. Неистребимый Николае Карпати, воскресший на третий день после гибели, переполнял экраны своей жизненной силой. Давиду казалось: будь он рядом, разряд демонической энергии оглушил бы его, как гром.

После пропажи любимой Давид очнулся и обнаружил, что ноги несут его мимо мониторов-гигантов, мимо охраны, мимо толпы к самому краю носилок. Всего несколько часов назад здесь лежало мертвое тело повелителя мира.

Как определить, правда ли этот человек теперь одержим сатаной? Его тело, волосы, сложение — вся внешность осталась преж-

ней. Но во взгляде сквозили беспокойство и неустанное напряжение.

Несмотря на улыбки и мягкие интонации, казалось, что Николае едва сдерживает монстра, сидящего внутри. Неестественно напряженные шея и плечи выдавали подавляемую ярость, жестокость и скрываемую до поры до времени жажду мщения. Давид мог представить, как сквозь костюм, сквозь человеческую плоть наружу прорывается мерзкая тварь, истинная сущность Великого потентата.

Давид отвлекся на кого-то из свиты, а взглянув снова на Карпати, вздрогнул. Глаза врага пронзали его душу. Николае, конечно, знал его, но сейчас в его взгляде не было привычных теплоты и ободрения. Фальшивая приветливость пугала Давида, но он предпочел бы ее этим леденящим лучам, просвещивающим его насеквоздь. Еще немного, и он шагнет к нему, признается в предательстве и назовет имена всех товарищей из отряда Скорби.

Разум твердил Давиду, что даже сатана не всеведущ, но тело отказывалось верить, что эти глаза не принадлежат тому, кто знает все. Хотелось убежать, но он не осмеливался и с облегчением услышал, как Николаеозвращается к основной задаче — возвеличиванию себя как объекта поклонения.

Давид поспешил к своему посту, но кто-то угнал его кар, и это разозлило его настолько, что он решил воспользоваться слу-

жебным положением. Он раскрыл мобильник, долго откашливался, не в силах сказать ни слова, и наконец прокричал менеджеру автопарка:

— Если через две минуты здесь не будет кара...

— Вам электрокар, сэр? — Судя по акценту, менеджер был австралийцем.

— Разумеется!

— Их тут не так много, господин директор, но...

— Да уж полагаю, а то мой бы не у gnali!

— Я хотел сказать, я с удовольствием одолжу вам свой, учитывая обстоятельства.

— Какие еще обстоятельства?

— Воскресение, конечно! Если честно, директор Хассид, я бы с радостью сам постоял в очереди.

— Мне нужен...

— Как думаете, может у меня выйдет, а?
Ну, то есть я же в униформе. Штатских, которые не успели зайти на площадь, они прогнали, но я же вроде как служащий...

— Понятия не имею! Мне нужен кар, и быстро!

— Может, подбросите меня до места сначала, а потом езжа...

— Хорошо, только быстрее!

— А вас тоже пробрало, господин директор?

— Что пробрало?!

Менеджер медленно, снисходительно повторил:

— Во-скре-се-ни-е!

— Вы сейчас за рулем? — спросил Давид.

— Да, сэр.

— Только это меня сейчас и пробирает.

Менеджер вроде ответил что-то, но Давид повесил трубку и набрал номер службы охраны:

— Я ищу Энни Кристофер.

— Сектор?

— Пятьдесят три.

— Пост пятьдесят три сняли, господин директор. Ее отпустили или дали другое задание.

— Если ее направили в другой сектор, вы можете ее найти?

— Минуту.

Подкатил сияющий парень из автопарка.

Давид сел в кар, не отрываясь от телефона.

— Едем на бога смотреть! — сказал парень.

— Да, — ответил Давид. — Погодите минуту.

— Вы подумайте, а? Он наверняка бог, кто же еще! Я своими глазами все это видел! Ну, по телевизору, но все равно! Он был мертвый, точно, а потом взял и воскрес. А если я живьем увижу, то это будет уже сто процентов точно, так?

Давид кивнул, зажимая свободное ухо пальцем.

— Сто процентов, говорю!

— Сто процентов! — крикнул в ответ Давид. — Погодите немного, ладно?

— Мы куда едем, брат?

Давид обернулся. Он не мог поверить, что парень все еще болтает.

— Куда едем, говорю? Я вас по пути подброшу или вы меня?

— Я вас. Едем куда хотите, а потом вы выметаетесь!

— Не понял?!

Обычно Давид был вежливее, даже с идиотами, но сейчас самое главное было узнать, получила ли Энни новое задание и если да, то где она.

Диспетчер наконец ответил:

— Никаких записей.

— Значит, ее отпустили? — Он немного расслабился.

— Похоже на то. По крайней мере, в базе на нее данных нет.

Давид подумал, не позвонить ли в медслужбу, но тут же обозвал себя паникером.

Парень-транспортник ловко лавировал в расступающейся толпе. Хотя некоторые отходили неохотно. Люди нервничали и сердились. Они проторчали тут несколько часов, чтобы попрощаться с телом, а теперь, когда Карпати воскрес, они ничего не увидят только из-за того, что оказались в очереди на неудачном месте.

— Ну вот, ближе не подберешься. — Парень остановил кар так резко, что Давид потерял равновесие. — Вы же вернете мне тачку потом, да, сэр?

— Конечно. — Давид постарался взять себя в руки и проявить благодарность. Он пересел на водительское место и спросил: — Бывали дома в Австралии с начала реформ?

Парень обиженno нахмурился:

— С вашей-то должностю могли бы и отличать австралийца от новозеландца!

— Виноват, простите. И спасибо за кар!

Он уже отъезжал, когда парень крикнул вслед:

— По-любому мы теперь все счастливые граждане Соединенных Океанийских Штатов!

Люди, пришедшие на площадь скорбеть, которых сейчас призывали радоваться, пытались остановить кар — просто ради информации. Давид отводил взгляд. Иногда ему приходилось тормозить, чтобы не сбить кого-нибудь — и каждый раз он слышал все тот же вопрос: «Можно все-таки как-нибудь увидеть потентата?»

— Ничем не могу помочь, — отвечал Давид. — Пожалуйста, дайте проехать, я выполняю служебное поручение.

— Это нечестно! Мы ждали тут всю ночь и полдня на этой жаре, и что теперь?

А другие в это время танцевали прямо на улицах, сочиняли на ходу песни и гимны в честь нового божества по имени Николае Карпати. Давид оглянулся на мониторы: Карпати приветствовал толпу, которая шла мимо, словно огромное стадо, и тянула руки к владыке. Часы ожидания на жаре ради короткого прикосновения. Слева от Давида охрана отгоняла людей, пытающихся попасть на дворцовую площадь.

— Нельзя, закрыто, — кричали охранники снова и снова.

Паломники на экранах впадали в исступление, приближаясь к катафалку, осененному славой Николае. Кому-то было достаточно оказаться рядом с повелителем, чтобы лишиться рассудка. Охрана держала таких под руки, не давая очереди остановиться, но когда потентат говорил с ними и касался их, они обессиленно оседали на руках у охранников.

Николае речитативом повторял: «Рад видеть вас, спасибо, что пришли, благословляю вас, благословляю...» На заднем плане слышны были возгласы Леона Фортунато.

— Поклонитесь владыке, — вещал он, — склонитесь перед царем. Славьте Николае, господа вашего!

Диссонансом звучали голоса охранников, которые подгоняли бесформенную, колышащуюся человеческую массу, подхватывая бьющихся в экстазе фанатиков.

Микрофоны улавливали их ворчание и окрики, смешивая с жалобами паломников, воркованием Николае и завываниями Фортунато. Динамики разносили эту какофонию по всей площади.

— Проходите, не задерживайтесь! Вот так! Вставайте! Двигайтесь вперед!

Наконец Давид добрался до сектора номер 53. Как ему и сказали, там никого не было. Ворота оцепления были сорваны и лежали на земле, большой плакат с номером втоптан в грязь.

Давид сидел неподвижно, не убирая рук с руля. Сквозь форменную фуражку

он чувствовал, как припекает солнце. Его руки были краснее вареных лобстеров, и он знал, что дорого поплатится за эти часы на жаре.

Но пока он не найдет Энни, тени ему не видать.

Люди толкались, спеша через покинутый пост Энни. Давид прищурился, разглядывая бликующий асфальт. В куче мусора среди оберточ от мороженого и одноразовых стаканчиков было и еще кое-что. Похоже на остатки аптечки. Он готов был слезть с тележки и взглянуть ближе, когда пожилая пара попросила его подвезти их до остановки аэроэкспресса.

— Это не общественный транспорт. — Давид из последних сил вытащил ключ зажигания.

— Грубиян! — обиделась женщина.

— Пошли отсюда, — сказал ее муж.

Жара отнимала последние силы. Давид добрался до сектора номер 53. Под ногами валялись вскрытые упаковки от повязок, марли, мазей, даже шприцев. Кому-то оказывали здесь первую помощь, но совершенно не обязательно, чтобы пострадавшей была Энни. Это мог быть кто угодно. Но он хотел знать точно. Давид протиснулся назад к кару, там, на всех местах, кроме его собственного, уже сидели люди.

— Если вы не из медслужбы, то вы сели не на тот кар, — сказал им Давид.

* * *

В Чикаго Рэйфорда Стила так порадовали находки на девятом этаже башни Стронга, что он отложил на время сомнения насчет Альби. Его смуглый друг скоро покажет, чего он стоит, — когда будет перегонять истребитель из Палуоки в Канкаки. Там Рэйфорд должен будет подхватить его на вертолете Мирового Сообщества.

Рэйфорд нашел не только комнату, заполненную нераспакованными компьютерами и ноутбуками, но и небольшую спальню, примыкающую к внушительному офису, похожую на номер в дорогом отеле. А когда он прошелся по этажам, то нашел еще четыре такие же.

— Шикуем, — объявил он усталым членам отряда Скорби. — Потом затемним окна, а пока придется вытащить кровати в коридор к лифтам, чтобы снаружи нас не заметили.

— Я думала, тут никого нет, — прошептала Хлоя.

Кенни спал у нее на коленях, Бизон дремал, положив ей голову на плечо.

— Кто знает, что можно засечь со спутника, — ответил Рэйфорд. — Мы будем спать, ничего не замечая, а разведка МС засечет нас прямо из космоса.

— Давай только уложим моих мальчишек, — сказала Хлоя. — Пока я сама не рухнула.

— Приходилось мне двигать мебель и раньше. — Лия медленно поднялась. — Где там эти кровати и куда их ставить?

— Простите, что не могу помочь, — подал голос Хаим сквозь сжатые зубы. Его нижняя челюсть по-прежнему была туго перевязана.

Рэйфорд остановил его жестом.

— Если вы с нами, сэр, то слушайтесь меня. Вы с Бизоном нужны мне здоровыми, насколько это возможно.

— А мне надо, чтобы мой ученик был в состоянии учиться, — сказал Цион. — Я по вашей милости зубрил уйму материалов к экзаменам. Считайте, что теперь вы на ускоренных курсах жизни.

Рэйфорд, Хлоя, Лия и Цион потратили полчаса, чтобы перетащить кровати к лифтовой площадке на двадцать пятом этаже. Когда Рэйфорд осторожно залез в вертолет, опасно балансирующий на новой крыше искалеченной башни, все уже спали, кроме Циона. У рабби, похоже, открылось второе дыхание — Рэйфорд не знал почему.

Рэйфорд включил приборную панель, оставив габаритные огни потушенными. Он запустил винты и стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте, чтобы взлететь.

По двадцать футов свободного пространства с каждой стороны вертолета. Пожалуй, самая сложная задача для пилота, тем более для Рэйфорда, привыкшего к самолетам, — это взлетать над небоскребом, превратившимся в огромную дымовую трубу. Восходя-

щие и нисходящие воздушные потоки могли запросто угробить машину.

Рэйфорд видел, как вертушки падали просто из-за того, что слишком долго зависали на одном месте. Мак МакКаллам как-то раз пытался объяснить физику этого явления, но Рэйфорд слушал невнимательно и мало что понял. Вроде бы винты засасывали воздух снизу, и машина теряла подъемную силу.

Когда пилот понимал, что падает в воздушную яму собственного изготовления, было уже поздно: машина разбита, экипаж и пассажиры мертвы.

Рэйфорд валился с ног от усталости не меньше своих подопечных, но ему нужно было забрать Альби. Хотя дело было не только в этом. Он мог позвонить Альби и попросить его затаиться на сутки, но тот был в чужой стране — и как он мог защитить себя, кроме как обманом снять номер в гостинице? Карпати воскрес, службы МС наверняка в состоянии повышенной боеготовности. Так сколько времени Альби сможет выдавать себя за офицера Мирового Сообщества?

Так или иначе, Рэйфорду предстояло выяснить, за кого играет Альби, «за своих» или «за врагов», как любил говорить его отец. Рэйфорда потрясла печать верующего на лбу Альби, но многое сделанное им этим утром пугало и настораживало. Ушлый проныра вроде Альби, привыкший отчаянно рисковать, мог стать опаснейшим противником. Рэйфорд боялся, не завел ли он отряд Скорби в самое вражеское логово.

Поднимая вертолет по лифтовой шахте, Рэйфорд затаил дыхание. Он аккуратно держал машину по самому центру, ориентируясь на один из углов. Если лопасти винта проходят на равном расстоянии от стен в одном углу, значит, машина поднимается ровно по центру.

Человеческим страхам и сомнениям нет предела. А вдруг Давид Хассид ошибся? Поверили устаревшим данным? А если МС забросило Чикаго из-за повышенного уровня радиации?

Рэйфорд сам слышал слова Карпати, что ядерной бомбардировки здесь не было — по крайней мере, сначала. Но вдруг это была ложь? Специально, чтобы заманить сюда мятежников, собрать их в одном месте и прихлопнуть, как мух?

Вертолет поднялся над башней, но Рэйфорд по-прежнему не включал огни. Он решил лететь низко, под зоной радарного обнаружения. Был шанс увернуться и от спутников, но в инфракрасном свете его черная вертушка засветится ярко-оранжевым.

Разыгравшееся воображение вновь заставило его похолодеть.

Его может преследовать с полдюжины машин вроде его собственной, а он не заметит и не услышит. Может, они ждали неподалеку? Даже на земле — откуда ему знать?

С каких это пор он взял манеру выдумывать опасности? Реальных до сих пор вполне хватало.

Рэйфорд включил подсветку на минимальной яркости и быстро понял, что сбил-

ся с курса. Дело поправимое, но не стоило полагаться только на мозги, даже на такой машине. Мак говорил как-то, что вертолет против «боинга» — что велосипед против спортивной тачки. Рэйфорд решил тогда, что труднее просиживать штаны в кресле, чем разобраться с приборной доской вертушки, но кто же знал, что лететь придется вслепую над вымершим мегаполисом. Нужно было добраться до Канкаки, подобрать Альби и вернуться в башню до рассвета.

Нельзя было терять ни минуты. Еще не хватало засветиться на запретной территории средь бела дня.

Попасться ночью — одно дело. Есть шанс улизнуть, надеясь на удачу и инстинкты. Но днем он погибнет прежде, чем доведет кого бы то ни было до нового убежища.

* * *

В Новом Вавилоне расстроенные паломники выстроились в новую очередь, которая насчитывала семь тысяч человек и тянулась ко входу во Дворец Мирового Сообщества. Охранники в форме МС ходили вдоль очереди и убеждали упрямцев, что воскресший потентат уйдет с внутренней площади, как только закончит приветствовать тех, кому посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте.

Давид свернул к пункту медслужбы, чтобы услышать, что говорят люди. Толпа не

двигалась и не расходилась. Охранники, поняв, что их не слушают, в конце концов бросили уговоры. Давид подъехал к одному из джипов и удивленно прислушался. Охранник, похоже, не менее озадаченный, чем директор Хассид, пожал плечами.

— Дело ваше, но вы зря тратите время, — сказал он в мегафон.

— А мы думаем иначе! — выкрикнул человек с латиноамериканским акцентом.

— Я слушаю, — сказал охранник, когда шум толпы утих.

— Мы поклонимся статуе! — ответил тот латинос, и толпа одобрительно взревела.

— Что? Что он сказал? — разбежалось по очереди в обе стороны.

— Разве верховный командующий Фортунато не приказал нам именно это?

— Парень, ты откуда? — восхищенно спросил охранник.

— Мехико! — выкрикнул латинос на родном языке под одобрительные возгласы соседей.

— У тебя сердце тореадора! — сказал охранник. — Погоди, я разузнаю там...

Пока он звонил из машины начальству, новость облетела всю очередь. Наконец охранник вылез и поднял оба больших пальца вверх.

— Вам разрешили поклониться статуе его святейшества, воскресшего potentata!

Толпа возликовала.

— Вообще-то ваши правители считают, что это отличная идея!

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

В толпе снова зазвучали песни и гимны, и люди двинулись к внутренней площади.

— Соблюдайте порядок! — приказал охранник. — Придется подождать еще не меньше часа. Но ваше желание исполнится!

Давид покачал головой, развернулся и поехал к дворцовой площади. Люди из очереди останавливали его и спрашивали, правда ли им дадут поклониться статуе.

Давид по большей части отмахивался, но когда толпа смыкалась перед каром и ему приходилось останавливаться, чтобы обогнать людей, он кивал, к их пущей радости. Они бежали занять очередь, которая растянулась уже на четверть мили.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рэйфорд был зол на себя. Он сильно про-считался со временем на то, чтобы подобрать Альби, найти истребитель, и «гольфстрим», и вернуться домой до рассвета.

Солнечные лучи уже освещали горизонт. Он похлопал себя по карманам, ища мобильник. Его не было ни в летной сумке, ни в куртке, ни на полу.

Он хотел ругнуться, но сдержался. С тех пор как Рэйфорд пришел в себя пару дней назад, он решил держаться строгой дисциплины. Старый приятель по колледжу когда-то рассказал ему об одной штуке, которую тогда он отмел как эзотерическую блажь для экзальтированных дамочек. ПРИятель называл ее режимом «обратной реакции»: на все происходящее надо отвечать не тем, что чувствуешь, а прямо противоположным. Хочется кричать — шепчи, хочет-

ся дать кому-то по морде — похлопай его по плечу.

Рэйфорд не вспоминал о приятеле и его дурацкой системе до того одинокого и жуткого перелета сначала в Грецию, а потом в Америку. И теперь он решил попробовать. Он хотел обругать себя последними словами за ошибку в расчетах и потерянный телефон. Что стало бы обратной реакцией? Похвалить? Кого? Или помолиться?

— Господи, — начал он, — мне снова нужна помощь. Я зол на себя и попал в безвыходную ситуацию. Я устал, но мне нужно понять, что мне делать.

Почти сразу Рэйфорд вспомнил, что его телефон у Альби. У парня был собственный, но, собирая вещи в суматохе, Рэйфорд доверил ему свой. Скоро кто-нибудь наладит в убежище радиосвязь на безопасной частоте, тогда можно будет общаться напрямую. А пока он не сможет сообщить отряду Скорби ни где он, ни что он вернется не раньше чем следующей ночью.

Узнать, как дела у Альби, тоже было невозможно. Оставалось только сесть, назвав диспетчеру башни свои позывные, и надеяться, что Альби его ждет.

* * *

Давид наговаривал Энни сообщения на автоответчик, обзванивал места, где она мог-

ла бы быть. В медслужбе ни у кого не было времени пробить ее по базе.

— Да ее все равно еще туда не занесли, — сказали ему. — Даже если она тут.

— Вы что, не сканируете штрих-коды на значках, когда они к вам поступают?

— Да они не то чтобы поступают, директор. Всех сортируют, констатируют смерть, живых лечат. Записывать всех, пока времени не хватает, но потом мы всех зарегистрируем.

— А как мне узнать, тут она или нет?

— Ну, вы сходите посмотрите, только не мешайте и под ноги не лезьте.

— Куда их привозят?

— Идите от главного тента на восток. Там три тента, мы стараемся держать людей в тени, но места мало, так что мы просим всех не задерживаться надолго.

— В основном солнечные удары?

— В основном электрошок, директор.

* * *

— Вышка вертолету МС! Как слышно?

— Я вертолет МС, Канкаки. — Рэйфорд старался скрыть волнение. — Простите, заснул за штурвалом.

— Не в прямом смысле, надеюсь?

— Никак нет.

— Доложите цель приземления.

— Э... транспортник по приказанию временного командующего Маркуса Эльбаза.

— Вы мистер Берри?

— Так точно.

— Временный командующий Эльбаз просил передать, чтобы вы не беспокоились насчет своего телефона.

— Вас понял!

— Разрешаю посадку с южной стороны, вас ждут у ангара номер два. У нас тут не хватает персонала, разберетесь сами с дозаправкой?

Десять минут спустя Рэйфорд спрашивал Альби, как долго тот собирается водить за нос МС.

— Пока твой приятель Хассид заправляется во дворце! Он чудный парень, Рэйфорд... Да, приходилось тут задерживать дыхание пару раз. Они тут строги, хоть у них и не хватает людей. Пришлось пройти два пропускных пункта.

Рэйфорд прищурился.

— А меня пропустили — слова не сказали. Я даже вышку не вызывал.

— Это потому, что ты штатский и со мной.

— Так ты их убедил?

— Совершенно верно. Но это все твой друг. Он меня не только в базу МС занес с именем, званием и личным номером, он еще и приписал меня к этому региону ССАШ. Я тут, потому что тут мое место — у меня легенда круче, чем у настоящих эмэсовцев!

— Давид молодец.

— Еще бы! Я держал грудь колесом, дергался от нетерпения и грозил, что всех

разнесу, если задержусь из-за них. Но они и ухом не вели, пока на втором пункте не нашли запись Давида в базе. Когда-нибудь попрошу его, чтобы он научил меня делать это. Там были все мои данные, а когда бумаги совпали с базой — все, я попал в дамки! Я мог орать, командовать, затребовал, чтобы тебя мне на блюдечке доставили, мол, у нас срочное дело, — они стелились, как шелковые!

Рэйфорд рассказал Альби, что в убежище им не вернуться до темноты, так что можно добраться до Палуоки и перегнать в Канкаки «гольфстрим».

— А давай лучше поразвлечемся! — предложил Альби. — Хочешь, проверим, подорвали эмсовцы вашу старую берлогу или нет? А если нет, то сами подорвем!

— Неплохая идея, — согласился Рэйфорд. — Если она просто сгорела — пусть ее, но вот если они там роются и ищут улики... Вдруг найдут чего.

— У них людей не хватит для этого. — Альби двинулся к вертолету. — Баки полные?

Рэйфорд кивнул.

— Пташка тоже наелась, будет готова, когда следует. — Альби закинул сумку на плечо, вытащил оттуда телефон Рэйфорда и кинул ему.

— Три неотвеченных вызова, — пробормотал Рэйфорд, залезая в вертолет. — Надеюсь, в Чикаго все в порядке. Когда звонили?

— Где-то полчаса назад, все три. Один за другим. Номер скрыт, так что я решил, что не буду отвечать.

Они уже пристегнули ремни, но Рэйфорд решил:

— Позвоню-ка я в убежище.

Трубку поднял сонный Цион.

— Простите, что разбудил, доктор... — начал Рэйфорд.

— О, капитан Стил, ничего страшного, я только задремал. Телефон Хлои постоянно звонил, а она все спала и спала... Никто не проснулся, все очень устали. Я в первый раз не добежал, но он снова зазвонил, тут я успел и унес его подальше, чтоб не шуметь. Рэйфорд, это звонила мисс Дюрхем!

— Вы уверены?

— Да-да, и она была в отчаянии. Я умолял ее сказать, где она, напоминал, что мы все ее любим, что мы беспокоимся и молимся за нее, но ей нужны были вы. Она сказала, ваш телефон не отвечает, и я обещал, что тоже попробую дозвониться. Два раза звонил — не вышло. Но у вас есть ее номер!

— Я ей перезвоню.

— И дайте мне знать!

— Цион, вам надо отдохнуть. У вас столько дел: наладить компьютерную сеть, обучать Хайма...

— Ох, Рэйфорд, да меня просто распирает от энтузиазма. И мне надо столько передать моим ученикам через Сеть... Но вам обязательно нужно позвонить мисс Дюрхем, и да, вы правы. Если там ничего срочного не

будет, вы нам расскажете, когда вернетесь. Вообще-то я думал, вы к этому часу будете здесь.

— Я просчитался, Цион. Я не смогу вернуться, пока не стемнеет, но теперь я буду на связи по телефону.

— А вы нашли вашего друга с Востока?

— Да

— С ним все в порядке, Рэйфорд? Вы уж простите, но он мне показался очень обеспокоенным.

— Все нормально, доктор.

— Он ведь тоже из новообращенных?

— Да

— И он останется с нами?

— Думаю, да

— Тогда я жду не дождусь, чтобы учить и его тоже.

* * *

Лагерь медслужбы потряс Давида. Он не раз бывал в центральном здании, и там, несмотря на нехватку персонала, помещения были стерильно чисты. Маленький пункт первой помощи, один из десятков, когда-то разбросанных по городу, превратился в огромный полевой госпиталь.

Остальные медпункты сворачивались, пострадавших свозили либо в центр сортировки раненых на дворцовой площади, либо в главное здание.

Площадь перегородили ряды коек.

— Почему вы не занесете людей внутрь? — спросил Давид, оттягивая тесный воротник.

— А почему бы вам не заняться своим делом и не дать нам делать свое? — огрызнулся врач, хлопочущий над мертвенно бледным пациентом — жертвой теплового удара.

— Я не критикую, просто...

— Просто мы все тут, — сказал врач. — По крайней мере, большая часть. Из излечимых случаев тут в основном тепловые удары и обезвоживание. Те, что мертвы, умерли от удара молнии.

— Я ищу...

— Извините, директор, но искать вам придется самому. Мы тут не спрашиваем ни имен, ни национальности, просто помогаем им выжить. Бюрократией займемся потом.

— Моя сотрудница...

— Извините! Сочувствую, но помочь не могу, понимаете?

— Она бы смогла избежать солнечного удара.

— Отлично. До свидания.

— Она была в секторе пятьдесят три.

— Ну, с пятьдесят третьим грустная история. — Доктор повернулся обратно к пациенту.

— Что там случилось?

— Куча обожженных трупов как раз оттуда. Туда ударила здоровенная молния.

— А куда отправили пострадавших?

Врач не хотел разговаривать, он кивнул ассистенту:

— Скажи ему.

Парень в форме медбрата говорил с французским акцентом.

— Специального места нет. Кто-то поступил сюда, кому-то оказали помощь на месте, кто-то внутри.

Давид двинул кар вперед, но быстро бросил его и пошел пешком вдоль бесконечного ряда коек. Как тут опознать кого-нибудь? Энни была в форме, и он был уверен, что узнает ее, но из-под мокрых простыней, которыми охлаждали пациентов, торчали только ноги. Ему пришлось бы вглядываться в каждое лицо, мешая лечению.

Давид шел и шел по раскаленной площади. Он потянулся было к фляжке с водой, но она оказалась пустой. В горле першило, а жажды всегда приходила к нему чуть позже реальной потребности в воде. Когда он пил последний раз? А ел? А спал?

На огромных экранах Вив Эванс, Леон Фортунато и Николае Карпати улыбались паломникам, благословляли их, касались протянутых рук. Немыслимый жар от асфальта превратил форму Давида в тяжелые влажные вериги. Он остановился перевести дыхание, но его горло, казалось, распухло настолько, что не пропускало воздух, а во рту кончилась слюна. **Жарко... Энни...**

Голова кругом... Солнце... Энни... Воды... Руки покраснели...

Давид качнулся вперед. Фуражка слетела с головы, он хотел поднять ее, но руки не слушались. *Ты падаешь, сгруппируйся!* Но он не мог. Руки не двигались. Он упадет прямо лицом... нет... если уткнуть подбородок в грудь...

Он ударился о мостовую прямо лбом. Шершавый асфальт содрал с головы часть кожи вместе с волосами. Он зажмурился, готовясь к боли, и перед глазами заплясали белые всполохи. Руки все не отрывались от колен. Медленно, очень медленно он повернулся и упал набок. Он открыл глаза и увидел, как капли крови стекают по лицу и быстро подсыхают на раскаленном асфальте. Он попытался шевельнуться, заговорить. Но перед глазами стремительно темнело, и он успел лишь подумать, что стал еще одной жертвой в длинной очереди.

* * *

— Ну что, я подниму машину, пока ты звонишь? — предложил Альби.

— Да, пожалуй.

Они поменялись местами, и он набрал номер. Хэтти ответила мгновенно — испуганным хриплым шепотом:

— Рэйфорд, ты где?

— Не хочу говорить, Хэтти. Скажи лучше, где ты.

— В Колорадо.

— А точнее?
— Где-то севернее Пуэбло, кажется.
— Тебя поймали эмэсовцы?
— Да, они хотят отправить меня обратно в Буфер.

Рэйфорд молчал.

— Рэйфорд, не бросай меня! Мы же через столько прошли вместе.

— Хэтти, я не знаю, что сказать.

— Что?!

— А что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Забери меня отсюда! Если они меня вернут в Бельгию, я умру там!

— Что я-то могу сделать?

— То, что будет правильно, Рэй!

— То есть рискнуть жизнью и поставить под угрозу весь отряд, чтобы...

Щелк.

Рэйфорд не знал, из-за чего она бросила трубку: обиделась на его слова или услышала, что кто-то идет.

Он коротко пересказал разговор Альби.

— Что будешь делать, дружище?

Лицо Альби освещало восходящее солнце. Рэйфорд покачал головой.

— Эта женщина принесла нам столько бед...

— Но ты о ней беспокоишься. Сам говорил.

— Говорил?

— Пару раз. А может, не ты, а Мак.

— Мак ее не знает.

— Зато он знает тебя, а ты упоминал о ней, так?

Рэйфорд кивнул.

— Мы знаем, что ее выпустили из Буфера — решили, что она...

— Откуда?

— Брюссельская исправительно-реабилитационная колония.

— Надо будет запомнить.

— В общем, они надеялись, она выведет их к нам в Иерусалиме, но она...

— Рэйфорд, прости, мне проложить курс к старому убежищу или держать прямо на Палуоки?

— Зависит от того, решу ли я смотреться в Колорадо.

— Дело твое, но я думал, ты решительнее. Я ведь только разыгрываю из себя начальника, но при этом я больше похож на лидера, чем ты. Твои ребята тебя уважают и души в тебе не чают, это факт...

— Зря они. Я ведь...

— Ты помирился с ними, Рэйфорд. Они тебя простили. Ты снова их лидер. Что будешь делать с Хэтти? Решай! Скажи мне, скажи отряду в убежище и действуй!

— Не знаю, Альби.

— Знать ты никогда не будешь. Ты прикидываешь разные пути, взвешиваешь за и против — и нажимаешь на курок. Так или иначе, старое убежище отсюда в десяти минутах лету. Начни с небольшого решения.

— Ладно, давай взглянем на него.

— Вот и молодчина, Рэйфорд!

— Не ёрничай. Это вертолет МС, нас так и так не заподозрят.

— Но решение-то ты принял. А теперь принимайся за трудную задачку. Летим в Колорадо?

— Я говорил, она не привела МС к нам, а отправилась прямиком туда. Ее семья исчезла — может, она искала там знакомых? Кто знает... Я даже не знаю, было это гениальной уловкой или простым везением. Скорее, последнее.

— То бишь она скорее заманивает тебя к ним, чем наоборот.

Рэйфорд отвернулся к окну и начал молиться про себя. Всего несколько лет прошло с тех пор, как страсть к Хэтти Дюрхем чуть было не стоила ему брака. Он не отрицал своей вины, но с тех пор Хэтти стала воплощением неприятностей. И он, и все в отряде Скорби любили ее и беспокоились за нее, заботились о ней и умоляли ее поверить в Христа. Но она не слушала их доводов, а ее опасные выходки каждый раз ставили под угрозу судьбу отряда. Все говорило о том, что именно из-за нее эмэсовцы нашли наконец их убежище.

Телефон Рэйфорда зазвонил.

— Хэтти?

— Я услышала шаги. Они меня держат в комнатке в бункере — где-то час езды на юг от Колорадо-Спрингс.

— Я далеко оттуда.

— Спасибо, Рэйфорд! Я знала, что на тебя можно...

— Хэтти, я еще не решил, что буду делать.

— Ну конечно решил! Ты же не дашь им запихнуть меня обратно в тюрьму или того

хуже! Ну что мне сделать, а? Пообещать, что в Бога поверю?

— Не надо, если ты не всерьез.

— Если ты меня не заберешь отсюда, то никакого «всерьез» точно уже не будет.

Рэйфорд захлопнул мобильник и вздохнул:

— Тупица!

— Ты про нее? — хмыкнул Альби. — Или это ты принял решение и сам не рад?

— Про нее. Это же такая явная приманка для нас от МС. Они схватят меня, в обмен потребуют информацию обо всем отряде. Нужен им, понятно, Цион, он их враг. Остальные так, мелкие сошки.

— То есть выбор — Хэтти Дюрхем или Цион Бен-Иегуда? Хочешь, я проголосую?

— Все не так просто. Мы хотим спасти ее душу, Альби. Всерьез хотим, все мы.

— И ты думаешь, если ты ее бросишь сейчас, она погибнет?

— Она так сказала.

— Знаешь, я в этих делах новичок, и, может, это звучит жестоко, но это ведь ее выбор, так? Ты же не можешь решить за нее.

— Если я отправлюсь за ней, это будет самая большая глупость в моей жизни. Они ее схватили, заперли, угрожают вернуть в тюрьму — и при этом оставляют ей телефон? Ну конечно!

Альби смотрел вдаль.

— Ну, тогда и решать нечего.

— Хотелось бы...

— Так и есть. Или ты никуда не летишь, или ты анализируешь ресурсы.

— Ты о чем?

— Кое-что ты упустил из виду. Так, мелочь-другую...

— Не тяни!

— Пусть Хассид узнает, где они ее держат и передаст им через своего липового командира, чтобы сидели с ней там и ждали дальнейших распоряжений. Или еще вариант: позвони ей и скажи, что не придешь. Пусть она поверит — и те, кто подслушивает, тоже. А потом захватишь их врасплох.

Рэйфорд поджал губы.

— Может, это тебе стоит командовать отрядом... Но неожиданность не гарантирует успеха. Меня все равно могут убить или ее или схватить нас всех.

— Но есть же еще кое-что.

— Что?

* * *

— Сэр! Директор! С вами все в порядке?

— Он в отключке.

— У него глаза открыты, доктор.

— Он ударился головой, сестра!

— Я же просила не называть меня...

— Извините. Не знаю, как вы там за ранеными в резервации ухаживали, но этот парень даже руки вперед не выставил, когда падал, куда уж ему глаза закрывать.

— Помогите мне отнести его...

— Снова за свое, лапушка? Не надо мной командовать!

— И вы за свое, *доктор!* Что, бросим его тут истекать кровью или мне напомнить, что у нас больных на два порядка больше, чем персонала?

У Давида так распух язык, что он не мог выговорить ни слова. Он хотел только пить, хотя и понимал, что головой надо заняться прежде всего.

— Опрыскиватель! — скомандовала смуглая медсестра, и кто-то кинул ей бутылку с насадкой. Она трижды прыснула теплой водой Давиду в лицо, поскольку от обезвоживания он даже моргнуть не мог.

По сравнению с раскаленным асфальтом вода казалась ледяной. Несколько капель стекли Давиду в рот, и он постарался проглотить их.

Доктор с сестрой аккуратно перевернули его на спину, и Давиду показалось, что он щурится на солнце, прекрасно понимая, что глаза у него широко открыты и болят. Он все отдал бы за новую порцию воды из пульверизатора, но не мог шевельнуться. Сестра сжалилась над ним и прикрыла ему лицо его же фуражкой. Теперь Давид старался не шевелиться, чтобы фуражка не упала. Если бы он мог издать хоть звук, то попросил бы найти Энни. Может быть, она тоже сейчас ищет его где-нибудь.

Когда Давида перекладывали на носилки, фуражка все-таки слетела, но он уже мог мигать, а носилки скоро поставили под навес, под которым скопилось множество подобных ему пациентов.

— Состояние критическое? — спросил кто-то.

— Нет, — ответил врач, — но наложите швы побыстрее.

Когда игла шприца впилась ему в кожу, Давид дернулся и задрожал, но закричать так и не смог. А потом кожа на голове онемела.

— Справитесь? — спросил врач.

— Ну, тут же не нужно пластической хирургии, так ведь? — отозвалась сестра.

— Да зашейте хоть как футбольный мяч, мне-то что. Будет шляпу носить, если не понравится.

На самом деле Давиду было плевать, как выглядит его голова, — и хорошо, потому что сестра быстро выбрила поврежденный участок, спрыснула какой-то жидкостью и начала распаковывать большую иглу.

— Хо ’ам ’акое? — Язык почти не слушался.

— Жить будете, — ответила медсестра. — Рана поверхностная, у вас твердый череп. Но лоскут кожи содран — пять дюймов, не меньше. На макушке сбоку.

— О’ы...

— Чего?

— ’ить... ынного...

Она сняла насадку с бутылки. Там оставалось на палец воды.

— Откройте рот.

Большая часть пролилась Давиду на подбородок, но язык наконец зашевелился.

— Капрал Кристофер здесь?

— Я его не знаю, — ответила медсестра. — Теперь не шевелитесь.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

— Это она. Энни Кристофер.

— Директор, у меня на вас только пять минут. Если вам повезет, я найду вам внутреннее от обезвоживания. Но пока я шью, держите рот на замке и не дергайтесь, если не хотите, чтобы я вас еще сильнее изуродовала.

* * *

— Ты видишь то же, что и я? — Альби прищурился, вглядываясь в даль.

Рэйфорд посмотрел в том же направлении и сам удивился нахлынувшим чувствам. Столб черного дыма поднимался вверх на добрую сотню метров.

— Думаешь, это оно?

Альби кивнул:

— Похоже.

— Подлети поближе, насколько можно, — попросил Рэйфорд. — Там был мой дом...

— Есть. Ну что, ты готов использовать имеющиеся ресурсы или я зря потратил время на форму и документы?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бизон чувствовал себя вдвое старше своих лет.

Он проснулся в полдень по чикагскому времени и, как это всегда бывало со временем Восхищения, сразу понял, где он. Раньше, просыпаясь в новом месте, он нередко долго пытался вспомнить, где он, кто он и как сюда попал.

Эти времена прошли. Теперь в нем как будто поселилось маленькое устройство на автономном питании — оно работало даже когда, раненный и измотанный до полуусмерти, он забывал обо всем на свете.

Он крепко спал, но стоило ему открыть глаза и взглянуть на часы, как он все понимал. Все мгновенно встало на свои места: стена, дверь лифта в разбомбленном небоскребе в Чикаго, голоса поодаль, запах кофе и малыша. У Кенни был свой особый аромат — свежий,

смешанный с запахом детской присыпки. Бизон мог вспомнить этот запах, когда сынишки рядом не было.

Но сейчас Кенни был рядом — за загородкой, не пускающей его к окнам, за которыми светило полуденное солнце.

Бизон перевернулся на спину и приподнялся на локтях. Кенни, похоже, перестал штурмовать загородку и теперь играл с развязавшимся шнурком на ботинке.

— Эй, Кенни Брюс, — шепнул Бизон, — иди к папе!

Кенни посмотрел на него, потом встал на четвереньки, потом наконец поднялся и заковылял к кровати.

— Па-па!

Бизон потянулся к сыну, и скоро круглощекий карапуз залез на него и растянулся вдоль живота и груди.

Бизон откинулся на подушку и обнял Кенни. Непоседа редко надолго оставался у отца на руках, но сейчас он, похоже, сам был не прочь прикорнуть. Бизон чувствовал, как бьется маленькое сердечко рядом с его собственным, и готов был лежать так целую вечность.

— Папа, пока? — сказал Кенни и Бизон не смог сдержать слезы.

* * *

Рэйфорд принял решение. Даже несколько. Увидев, что его старое убежище сожжено дотла, он велел Альби брать курс на

Канкаки. Там они пересядут на истребитель и отправятся в Колорадо.

— Вот теперь я слышу голос капитана, — сказал Альби.

— Вот теперь ты слышишь слова, которые могут нас всех в могилу свести, — буркнул Рэйфорд.

— Ты делаешь то, что должен.

Рэйфорд не смог дозвониться до Давида в Новом Вавилоне и оставил ему сообщение с просьбой уточнить, где держат Хэтти, а если их операция провалится, дать указание эмсовцам не перевозить Хэтти до дальнейших приказаний.

Давид часто взламывал сеть Мирового Сообщества и отдавал приказы так, что их нельзя было проследить до него. Это он разрабатывал шифры, защищающие передачи от «врагов Мирового Сообщества», и ничто не мешало ему использовать их без риска быть замеченным.

— Как только сможешь, — продиктовал Рэйфорд на личный автоответчик Давида, — свяжись с Альби или со мной, подтверди, что ты все для нас подготовил.

Вскоре Рэйфорду придется отправить Давиду свое фото — с новой внешностью и новым именем, чтобы молодой израильтянин «записал» его в миротворческие силы. А пока они с Альби сядут на бывшей базе BBC Петерсон, где их будет ждать джип МС, который закажет Давид, и указания, как добраться до бункера — или где там они держат пленницу.

К тому времени, как Альби начал сбрасывать скорость для посадки, чтобы не остаться без топлива, Рэйфорд успел подремать пару часов. Когда Альби разбудил его, от Давида все еще не было вестей.

— Плохо... — Рэйфорд снова набрал номер. Новый Вавилон не отвечал. — У тебя есть компьютер?

— Субноутбук. Но он подключен к спутнику.

— По нему можно связаться с Давидом?

— Если у тебя есть его координаты.

Рэйфорд отыскал ноутбук в сумке Альби.

— Аккумулятор садится.

— Подключи его к системе самолета, — сказал Альби. — Я все равно серьезные задачи не ставлю, когда он на аккумуляторе.

— Не глухи двигатель, когда мы сядем, — сказал Рэйфорд.

— Это еще не скоро.

Альби кивнул и включил передатчик:

— МС Новембер Браво четыре ноль четыре семь вызывает Петерсон-вышку.

— Могли бы запомнить, что мы теперь Мемориал Карпати, МС, — ответили с базы.

— Ошибся, вышка, — сказал Альби. — Я тут не был уж не помню сколько. — Он подмигнул Рэйфорду, который оторвался на мгновение от экрана. Альби никогда раньше не бывал в Штатах.

— Теперь придется Мемориал из названия убрать, а, четыре семь?

— Не понял?

— Он воскрес!

Альби картинно закатил глаза.

— Да, слышал. Потрясающе, а?

— Надо было сказать «Воистину воскрес».

Рэйфорд показал, будто его тошнит. Альби покачал головой.

— Ну, я верю, что Он воскрес, вышка. — Он глянул на Рэйфорда и показал пальцем вверх.

— Доложите цель визита.

— Временный командующий с секретным поручением.

— Имя?

— Маркус Эльбаз

— Ждите.

— Вышка, у нас топливо кончается.

— А у нас не хватает людей, командующий Эльбаз. Минуту, пожалуйста.

— Идем на посадку так или иначе, — повернулся Альби к Рэйфорду, который возился в ноутбуком. Навигационной программе надо было скормить точные координаты, чтобы на прямую подключиться к компьютеру Давида.

— Нашел вас в системе, сэр, — подала голос вышка.

— Вас понял.

— Не вижу только назначения сюда. Вы были в Канкаки?

— Направляюсь оттуда.

— И цель визита?

— Повторяю: секретное поручение.

— Да, простите. Чем можем помочь?

— Требуются дозаправка и наземный транспорт.

— Сэр, я уже говорил, у нас нет подтверждения, что вы направлены сюда. С дозаправкой проблем не будет, если у вас есть код допуска, а вот с транспортом здесь тугу.

— Проявите сноровку, найдите что-нибудь.

— Понимаете, у нас не хватает людей...

— Вы уже говорили.

— ...и, честно говоря, сэр, тут нет офицеров вашего ранга.

— Тогда, полагаю, командир базы должен приступить к выполнению моего приказа.

Пауза.

— Э... я передам, сэр.

— Спасибо.

— Посадку разрешаю.

* * *

Давид очнулся в дворцовом госпитале. Голова болела так, что он с трудом открыл глаза. В палате лежало еще два пациента, оба спали. Его одежды рядом не было, а на нем только тонкая больничная рубашка. На руке была закреплена капельница. Рядом на тумбочке лежали его часы. На то, чтобы дотянуться до них и взглядеться в расплывающиеся цифры, ушли почти все силы. Девять вечера. Не может быть!

Давид попытался сесть и понял, что на голове у него повязка, закрывающая уши. Он слышал стук своего сердца, и каждый его удар отзывался в голове болью. За окном было темно, но беззвучный телевизор в палате показывал толпы паломников, кланяющихся и молящихся огромной статуе Николае.

По другую руку от Давида в кровать был вмонтирован пульт управления. Он не хотел будить соседей, но субтитры к программе были на арабском. Он повозился с пультом, чтобы переключить их на английский. Оказалось, передавали только тексты песнопений. Камера отъехала, и Давид уставился на экран. Со времени похорон толпа не уменьшилась, и очередь перед дворцом была не меньше мили.

Давида охватила паника. Он давно не отходил от телефона и компьютера так надолго. Он вывернул шею, ища мобильник, и боль чуть не заставила его рухнуть на подушку. Он потянул шнурок, который, вероятно, вел к сестринскому посту, но никто не пришел. Он знал, как мало было сестер на такую прорву пациентов, но они ведь наверняка выяснили, кто он такой. Это давало преимущество.

Неизвестно, как они боролись с обезвоживанием, но это сработало. Ему нужно было в туалет. Судно — не для него! Он снова занялся пультом, и вскоре один бортик кровати опустился. Он свесил ноги и сморщился, пережиная нахлынувшую боль и восстановливая дыхание.

Наконец он ухватился руками за край кровати и спустил ноги на пол. Для такого жаркого климата мрамор казался ледяным, но холод приятно бодрил. Давид встал, покачиваясь. Голова кружилась, пришлось еще немного подождать, чтобы восстановить равновесие. Когда он шагнул наконец к ванной, запястье кольнуло, и он вспомнил о капельнице. Он вернулся и покатил стойку с собой, но она быстро застяла.

Провод от телевизора тянулся к стене. Давид попытался выдернуть его, но провод не поддавался ни у розетки, ни у аппарата. Наверняка там была какая-нибудь хитрость: нажать, повернуть, покрутить не в ту сторону... Он не знал. Он знал, что ему нужно идти вперед. Он дернул пластырь — тот оторвался с трудом, выдирая волоски из запястья, — потом одним движением вынул иглу из вены. Рука отзывалась болезненным уколом — на глазах выступили слезы. Раствор закапал на пол. Давид попытался повернуть колесико стопора, потом просто завязал шланг узлом и отправился в туалет.

Несколько секунд спустя он услышал сигнал тревоги на сестринском посту: работа капельниц отслеживалась. На обратном пути он открыл дверь шкафа и обнаружил свою одежду, но его телефона не было. Он готов был потерять сознание от боли и страха. Это конец? А что, если кто-нибудь перезвонил на неотвечененный вызов и обнаружил отряд Скорби? Может, его уже разоблачили? Что теперь? Найти Энни и

бежать? А если она уже мертвa? Она бы хотела, чтобы он бежал и не тратил времени на бессмысленные поиски.

Нет! Он никуда не пойдет, пока не найдет ее или не узнает наверняка, что она мертвa.

— Почему вы встали? — Это была не медсестра, а другая женщина, явно привыкшая распоряжаться.

— Мне надо было в туалет.

— Ложитесь! — сказала она. — Что вы натворили с капельницей?

— Я в порядке, — заверил ее Давид.

— У нас есть судна и...

— Я уже... только...

— Сэр, тише! Я вас отлично слышу, как и все на этом этаже. Ваши соседи спят.

— Мне только надо...

— Сэр, вас что, привязать к кровати? Успокойтесь!

— Я спокоен! Так... — Тут Давид понял, что повязка на ушах заставляет его говорить громче. — Простите, — сказал он. — Я директор Хассид, я ищу...

— А. Директор, значит? Вас молния ударила?

— Да, представьте себе, прямо по макушке, а я вот живехонек!

— Не надо...

— Простите. Нет, я просто потерял сознание от жары, а теперь я в порядке.

— Вас оперировали.

— Просто зашили, рана поверхностная, а...

— Сэр, если вы и правда директор, то я должна доложить кое-кому, что вы очнулись.

— Зачем? — И почему она спросила насчет молнии?

Так была все-таки Энни среди пострадавших? Может, они как-то связали их? Со-средоточиться было трудно, но он постарался взять себя в руки.

— Не знаю, сэр. Я просто делаю что велено. Тут на весь этаж шесть сестер и два санитара, а на других этажах дела еще хуже.

— Где мой телефон? Я ношу его с собой, а в моей форме его нет. Я знаю, что вы мне скажете не трогать форму, но...

— Нет, наоборот, сэр. Когда вы поступили, вас вымыли, обтерли губкой, как амбулаторного пациента. Думаю, вам надо одеться.

— Думаете? — что-то тут было не так. Давид был уверен, что ему придется сбегать тайком, а теперь его выгоняют?

— Я поговорю со старшей сестрой, но вы можете начинать одеваться. Сами справитесь?

— Да, но...

— Тогда начинайте. Я сейчас вернусь. Я или старшая медсестра.

Давид переоценил свои силы. Он вытащил одежду из шкафа и сел на стул, чтобы одеться, но вскоре дыхание снова перехватило, а в глазах потемнело. Голова горела, казалось, рана кровоточит, и кровь стекает по щекам. Он ощупал повязку, но ничего не почувствовал. Он не хотел думать, что там под бинтами.

Давид оделся — оставалось натянуть носки и ботинки. Он приоткрыл дверь, чтобы в палату проникало больше света.

Взглянув в зеркало, он вздрогнул. Ему едва минуло двадцать пять, из-за гладкой смуглой кожи и темных, почти черных волос и глаз его раньше часто принимали за подростка. Но теперь вряд ли можно спутать с мальчишкой. Когда он успел так постареть?

Лицо выглядело худым, осунувшимся и даже светлее обычного. Он наклонил голову, пытаясь разглядеть, правда ли бинты промокли. Тугая повязка закрывала уши и крепилась под подбородком — Давид походил на человека с флюсом из старых фильмов. Когда он попытался осторожно надеть фуражку, то понял, что на него намотали столько слоев бинта, что фуражка была мала на несколько размеров.

Значит, прикрыть рану, чтобы не привлекать внимание, не удастся. Разве что он найдет фуражку побольше... Очень большую фуражку. Но повязку, которая завязана под подбородком, все равно не скрыть.

Раздался тихий стук в дверь, и в палату вошла старшая медсестра. Давид как раз натягивал носки. Она оказалась крашеной блондинкой, высокой и тощей, вдвое старше его. Каждые несколько секунд ему приходилось выпрямляться, чтобы отдохнуть и унять боль.

— Давайте помогу, — сказала медсестра.

Акцент выдавал в ней скандинавку. Она присела, надела ему носки и ботинки, завязала шнурки. Давида так ошеломила помощь, что он чуть не прослезился. Может, она христианка? Он был готов спросить. Любой, кто готов служить ближнему, мог оказаться верующим или готовым обратиться.

— Мэм... — Он старался помнить, что надо говорить тихо.

Она взглянула снизу вверх, и он внимательно посмотрел на ее лоб. Печати не было.

— Спасибо вам.

— Не за что, — быстро отозвалась она. — Рада помочь, хотела бы помочь больше. Будь моя воля, вы бы остались тут еще на пару дней как минимум, а то и больше.

— Мне все равно надо было уйти, я...

— Да, не сомневаюсь. Никто не хочет оставаться тут, и их можно понять. Вокруг столько радости, воскресение... но потентат собирает совет директоров и высшего руководства — сегодня в десять у него в офисе. Вас там ждут.

— Меня?

— Когда в правлении узнали, что вы потеряли сознание от жары, получили ранение и отходите после оперции, они прислали распоряжение, что как только вы очнетесь и сможете ходить, вы должны явиться на совещание.

— Ясно.

— Ну, хоть кому-то что-то ясно. Вы нуждаетесь в лечении, сэр. Я бы не стала вскакивать с кровати так рано.

— Мне сказали, рана поверхностная и операционное вмешательство минимальное.

— Минимальное вмешательство — это, знаете, когда операцию делают кому-то другому. Вас зашивала хорошая медсестра, но это не ее работа, ей пришлось...

— Так вы знаете, кто это был? Я уверен, она отсюда...

— Ханна Пэйлмун.

— Может, у нее мой мобильник? Он был у меня в...

— Сомневаюсь, директор. Ваш бумажник, ключи и документы никто не трогал. Забирать вещи у кого-то вашего уровня...

— Я это ценю, но...

— Никто ваш телефон не брал, директор. Может, он выпал там, где вы потеряли сознание? Или в машине оставили?

Давид мотнул головой. Все это возможно, но маловероятно. Он не говорил по телефону, когда упал. Значит, телефон был в кармане.

— Где мне найти сестру Пэйл...

— Я же сказала, директор. Она не трогала ваш телефон, и я не скажу вам, где она. Мы сменяемся раз в сутки. И если судить по мне, то первые двенадцать часов свободных суток она спит, и лучше ее не трогать.

Давид кивнул, но уже только и мечтал, чтобы добраться до компьютера и найти ее в базе персонала.

— Мэм, я ищу одну сотрудницу и беспокоюсь за нее. Энни Кристофер. Руководит погрузочной командой «Феникса», но сегодня ее направили в оцепление. Сектор пятьдесят три.

— Плохо...

— Я слышал. Туда ударила молния?

— Оттуда привезли несколько трупов и много раненых. Я могу пробить ее по нашей базе. Или посмотрите в морге, если хотите.

Давид вздрогнул.

— Буду благодарен, если посмотрите в базе.

— Конечно, сэр. А потом вам лучше пойти домой и отдохнуть перед совещанием. Вы не хуже меня знаете, что вам сейчас не стоит сидеть за столом, хоть это и потрясающее — увидеть человека, который утром был мертв, а теперь воскрес. Идемте за мной.

Она привела его на сестринский пост и присела за компьютер.

— Кристофер нету. Правда, данные у нас безнадежно устарели.

— У нее был бедж с именем, — сказал Давид.

— Видимо, исчез.

— Значит, теперь в морг? — Давид постарался сдержать свои чувства.

— Будьте оптимистом, — сказала сестра. — Может, она вообще не пострадала.

«А это было бы еще хуже», — подумал Давид. Если так, то почему он не мог до нее до-

звониться и почему она с ним не связалась? Или она звонила? Телефон надо обязательно найти до совещания.

* * *

— Глухо, — сказал Рэйфорд. — Он не подходил к компьютеру несколько часов, а его телефон не отвечает. Теперь я даже сообщение оставить не могу — похоже, он его отключил.

— Странно, — сказал Альби. — Значит, в Пуэбло нас даже не ждут?

— И нам не имеет смысла лететь, раз мы не знаем, где это.

— Ну, это мы выясним.

— Альби, ты парень находчивый, но...

— Люблю браться за невозможное. Но ты начальник — как скажешь, так и будет.

— У тебя есть план?

— Подумываю выяснить, как сработает твоя новая внешность с документами.

— Ох...

— Спокойно, приятель. Главное — верить в себя!

— Так какой план, Альби?

— Я буду старшим офицером. Эти остолопы в Вавилоне не передали данные вовремя из-за суматохи с воскресением или просто по разгильдяйству. Пусть попробуют поспорить! Ты — со мной. Попросят документы —

они у тебя есть. Но ты больше не на побегушках, ясно? Ты рекрут, и я тебя тренирую.

— Угу.

— Я не просто затребую у них машину. Пусть скажут, где находится бункер.

— Я должен это видеть.

— А я люблю представления.

Рэйфорд закрыл компьютер Альби.

— Рассказывай.

* * *

Кенни Брюс тянул Бизона к загородке, будто знал: папа точно сможет перелезть. Но того было не оторвать от постели. Он чувствовал себя так, будто попал в авиакатастрофу. И не выжил. По позвоночнику как будто прошелся слон. Каждая мышца, каждая kostочка, сустав, связка ныли от напряжения. Бизон сел, стараясь собраться с силами, чтобы встать и найти наконец жену и остальных.

Кенни, похоже, решил потерпеть еще немного. Он залез к отцу на колени и обхватил ладошками его лицо.

— Мама? — сказал он, глядя ему в глаза.

— Сейчас пойдем с тобой к маме, малыш.

Кенни провел пухлыми пальчиками по глубоким шрамам на папином лице.

— Они тебя не путают, правда, парень?

— Па-па! — сказал Кенни. — Ма-ма!

Наконец Бизон сел с Кенни на руках. Мальчуган оседлал его бедро, обхватив отца руками и уткнувшись носом ему в грудь.

— Хотел бы я повсюду таскать тебя с собой, — сказал Бизон, ковыляя по комнате. Нога не сгибалась.

— Мама, папа!

— Точно, уже идем!

Бизон приготовился к неловкой встрече, которая всегда ждет последнего проснувшегося, но, когда он добрался до остальных, его никто не заметил. Лия дремала у стены, замотав волосы полотенцем и закутавшись в халат. Хаим сидел за столом, обхватив голову руками и уставясь куда-то мимо кофейной чашки с соломинкой. Цион стоял у окна, так, чтобы не заметили снаружи, — и тихо молился, склонив голову.

Хлоя ходила по комнате с телефоном, а по ее щекам текли слезы.

Она встретилась взглядом Бизоном, будто хотела дать понять, что заметила его. Кенни хотел спрыгнуть на пол, чтобы пойти к маме, но Бизон удержал его:

— Побудь с папой еще немного, ладно?

— Я понимаю, Зики, — говорила Хлоя. — Понимаю, милый... Господь знает... Все будет хорошо, мы заберем тебя, не волнуйся... Зики, Бог знает... Не раньше ночи, но ты держись, хорошо?

Наконец Хлоя повесила трубку, и все посмотрели на нее.

— Большого Зи арестовали.

— Старшего? — уточнил Цион.

Зики-младший был гораздо крупнее отца, но их все равно называли Большой Зи и Маленький Зи.

Хлоя кивнула.

— Эмэсовцы забрали его сегодня утром. Обвинили в подрывной деятельности и увя-ли в наручниках.

— А как они упустили Младшего? — Бизон наконец спустил Кенни на пол.

— Зи! — засмеялся Кенни.

Хлоя пожала плечами.

— У них укрытие было лучше нашего. Маленький Зи, по-моему, вообще из подвала не выходил.

— Зи! — сказал Кенни.

— Он придет к нам? — спросила Лия.

— А куда ему еще идти? Он говорит, эмэ-совцы рыщут по округе, допрашивают води-телей на заправке.

— А он откуда знает?

— У него снаружи установлено что-то вроде камеры, он присматривал за отцом. Так он и выяснил, что того взяли. Отец его не выдаст, но и на старом месте оставаться нельзя. Он собирает вещи.

— Ну да, — сказал Бизон. — Еще не хва-тало, чтобы эмэсовцы нашли все его файлы и печатные устройства.

— Хорошо, что он будет здесь, — подал голос Цион. — Тут он будет в безопасности и сможет многим помочь. Кэмерон, как ты?

— Явно лучше, чем Хаим.

Старый ученый поднял голову и попытался улыбнуться.

— Я поправлюсь, — выговорил он сквозь сжатые зубы. — Не нужно суетиться вокруг меня. Я готов учиться!

Цион отвернулся от окна.

— Студент, который не может говорить, — что может быть лучше! Ваша задача — читать и слушать, и вы опомнитесь не успеете, как узнаете все о своем народе. Мне уже не терпится начать, я использую тот же материал, что и для виртуальной лекции. Карпати как Антихрист!

— Вы наконец-то прямо об этом скажете? — спросил Бизон.

— Конечно! — ответил рабби. — Как вы там, американцы, говорите? Маски сброшены? Все сомнения на его счет рассеялись, и больше их не возникнет! А Леон — это наверняка его лжепророк. Об этом я тоже скажу. Имеющие уши услышат. Уже недолго осталось ждать, пока одержимый сатаной зверь обрушит свой гнев на иудеев.

Хаим поднял руку, и Бизон еле разобрал тихий, невнятный вопрос.

— И что же нам делать? Нам с ним не справиться.

— Увидите, мой друг, — ответил Цион. — Сегодня мы поговорим не только об истории иудеев, но и об их будущем. Господь защитит свой народ — ныне, присно и во веки веков.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Мне уже нравится быть верующим, — выдавил Хаим.

— Бизон. — Хлоя обняла мужа. — Нужно спланировать, как вытащить Зики.

— Как раз этого мне и не хватало — еще одной боевой операции.

— Ты же выспался?

— Спал как убитый!

— Не говори так!

— Ну...

— Ты же понимаешь, либо ты идешь, либо я, — сказала Хлоя. — Если тебе нужен еще день, чтобы прийти в себя...

— Я готов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Можно было позвонить Фортунато и сказать, что он опаздывает на пару минут из-за травмы. Но Давид не хотел пропускать ни минуты совещания.

Он закрыл дверь, кинулся к лифту, но в глазах потемнело — пришлось ухватиться за стену. «Дыши ровнее, приказал он себе. — Лучше поздно, чем никогда!»

* * *

— Дай-ка мне бритву, — сказал Альби. — Трюк непростой, мне надо быть в форме.

— Мы сядем через несколько секунд, — сказал Рэйфорд.

— Ну, у меня же есть второй пилот?

Рэйфорд вынул из сумки электробритву и взял управление вертолетом на себя, пока

Альби брился и поправлял галстук. Диспетчер подтвердил посадку, Альби ответил, снял наушники и надел фуражку. Вылезая из кабины, Рэйфорд удивился тому, как крохотный смуглый человечек ухитрялся выглядеть выше и величественнее его.

— Я могу показать вам зону заправки, командующий Эльбаз, вы там сможете залить топливо перед взлетом.

— Вы не в состоянии сделать это сами, пока я буду выполнять задание?

— Простите, сэр, у нас мало...

— Знаю. Приступайте.

Они направились в штаб. Рэйфорд держался на шаг позади Альби, думая только о том, чтобы Давид дал ему звание повыше, когда внесет его в базу. Как ему командовать человеком, который постарше званием?

Офицер за столом поздоровался:

— Я доложил командиру, что вас нет в базе, так что транспорт вам придется искать самим. Но если вы мне скажете номер приказа на дозаправку, я...

— Не понял? — сказал Альби.

— Вам придется заправиться самим, потому что...

— Это мне известно. Мне нужна машина для важного задания, и немедленно. Я что, должен идти в автопрокат?

— Сэр, я просто говорю, что мне сказал командир, я...

— Так позовите его.

— Это она, сэр.

— Да хоть обезьяна. Позовите его или ее сюда.

Офицер не успел включить интерком, командир аэродрома появилась в дверях. Она отдала честь, но улыбаться не стала.

— Джуди Гамильтон к вашим услугам, сэр.

— Боюсь, таких услуг мне недостаточно.

— Я делаю все, что могу, сэр, но я готова выслушать предложения.

— У вас есть автомобиль?

— Свободных нет, сэр.

— На полдня, не больше.

— Нет, сэр.

— У вас лично.

— У меня, сэр?

Альби шумно вздохнул.

— Вы английский язык понимаете, Гамильтон? У вас есть личный автомобиль?

— Мне не выделяли машину Мирового Сообщества, сэр.

— Я не об этом вас спрашиваю. Как вы до работы добираетесь?

— На машине.

— Значит, у вас есть автомобиль?

— Мой собственный? Да, сэр.

— Вот это и называется «лично», Джуди. Я временно конфискую ваш личный автотранспорт, МС выплатит вам компенсацию в размере одного ника за милю.

— По инструкции компенсация вдвое меньше, — подняла бровь командир.

— Я в курсе, — ответил Альби. — Это премия за готовность помочь, я подтверждаю дополнительные выплаты.

— А как насчет штрафа за глупость, сэр?

— Только за нарушение субординации, Гамильтон, и к этой категории я отношу сарказм.

— То есть вы заплатите мне ник за милю за мою машину?

— Вы быстро схватываете.

— Нет.

— Нет?

— Нет, я не дам вам мою машину.

— Не понял, Гамильтон?

— У меня через два часа встреча в Монументе, а шоссе С-25 открыли только неделю назад, да и то не все полосы. Мне нужно выезжать прямо сейчас.

— И эта ваша встреча важнее задания временного командующего?

— Сегодня важнее, сэр, поскольку вы себя так ведете.

— То есть вы отказываетесь предоставить мне свою машину?

— Вы быстро схватываете, сэр.

Альби прищурился и побагровел:

— Вы напрашиваетесь на рапорт, Гамильтон. И на дисциплинарное взыскание.

— Но уж точно не сегодня. И вы получите взыскание не хуже моего!

— Я? — переспросил Альби.

— Потентат воскрес еще на рассвете, а вы ни меня, ни моего офицера не приветствовали по новому протоколу!

— Я был занят и невесть сколько на ногах.

— Вы что, не знаете новую форму приветствия? «Он воскрес» — и ответ: «Воистину воскрес».

— Конечно, но, мэм, мне также нужно точное местоположение нашего объекта на севере Пуэбло, где...

— Вам не дали полных инструкций?

— К сожалению.

— Капрал, проверьте-ка еще раз базу. Посмотрим, что у нас там есть на временного командующего Эльбаза. Может, получится добавить в его досье пару строчек насчет хамства и пренебрежения обязанностями.

— Гамильтон, я...

Она оборвала его, взмахнув рукой.

— Эй! — сказал капрал. — А этого тут раньше не было! Новые данные прямо из Вавилона, смотрите!

Гамильтон заглянула в монитор и побледнела. Рэйфорд затаил дыхание. Командир прокашлялась.

— Похоже, все в порядке, командующий. Я... э... предлагаю перемирие.

— Я слушаю.

— У вас есть разрешение на автомобиль, и мы вам его дадим. Правда, если вы не возражаете, я бы взяла джип, а вам дала свою машину.

— Вы дадите мне свою машину?

— И даже забуду о непротокольном приветствии, если мое нарушение субординации тоже останется между нами.

* * *

Пока Цион с Хаимом занимались, Бизон и Хлоя оставили малыша на Лию и спустились в цокольный этаж. Там, среди других машин, стоял «лендровер».

— Нам повезло, тут столько шика, — сказала Хлоя. — Ты только посмотри на эти тачки.

Бизон улыбнулся: их потрепанный и замызганный «ровер» был явно чужим среди блестящих авто. Он хлопнул машину по крыше, и звук эхом разнесся по гаражу.

— Старушка Бесси через многое с нами прошла, верно?

— Бесси? — Хлоя покачала головой. — Ох, мужики, любите вы машинам женские имена давать!

Бизон прислонился к колонне и привлек к себе Хлою.

— Это же высший комплимент и для машины, и для женщин.

— Глубокая мысль! Без экскаватора не выкопаешь!

— Да нет же, просто подумай сама.

Она потерла висок.

— Хмм, посмотрим, как старина Чарли справится с этой задачкой. Назвать мозг мужским именем — это ведь высший комплимент и для мозга, и для мужчин.

— Ладно тебе, — улыбнулся Бизон. — Подумай, сколько эта машина с нами прошла. Помогла выбраться из пробок, когда

началась война, спасла тебе жизнь, когда ты влетела на ней в дерево, и мне, когда я провалился в трещину. Я уж молчу про то, что из трещины я выбирался тоже на ней.

— Ты прав, — кивнула Хлоя. — Мужчина с таким не справился бы!

— Это вы с Чарли сами придумали?

— Ага. И вот что. По-моему, нам подойдет «хамви».

— А тут есть «хамви»?

— Аж две штуки. За углом, на ВИП-парковке.

Она потянула его в темную часть подземной стоянки.

— Места пронумерованы, ключи в кладовой тоже. И почти у каждой машины залито хотя бы полбака бензина.

— Они готовились.

— Видимо, кое-кто прислушивался к слухам насчет войны.

Бизон погладил жену по голове:

— Спасибо, Чарли!

Вокруг стояли десятки машин, в основном новехонькие. Бизон присвистнул.

— Да уж, если Бог хочет наградить, так Он награждает!

Хлоя вдруг посерезнела.

— Что такое?

Она прикусила губу и засунула руки в карманы куртки.

— Просто подумала... Как бы нам было весело вдвоем в любое другое время в истории.

Бизон кивнул.

— Но мы не поверили бы в Бога.

— Кто-нибудь до нас докричался бы. Ну вот ты подумай сам! Мы можем бесплатно выбрать себе любую машину! У нас чудесный малыш и бесплатная нянька, и нам только нужно, что выбрать модель и цвет.

Хлоя оперлась о белый «хаммер», и Бизон встал рядом. Она покачала головой.

— Мы старше своих лет, нас изранила эта война, покрыла шрамами, напугала... Скоро речь пойдет уже только о выживании. Я так боюсь за тебя. Постоянно боюсь. В этой жизни и так хорошего мало, а без тебя я вообще не справлюсь.

— Справишься.

— А я не хочу. Ты бы хотел жить без меня? Или, может, мне не стоило спрашивать?

— Нет, Хло. Я понимаю, о чем ты. У нас есть дело, есть наша миссия, тут все ясно. Но я бы тоже не захотел жить дальше без тебя. Я жил бы, да. Это мой долг. Ради Кенни, ради Господа, ради отряда. Ради Царства, как Цион говорит. Ты была бы лучшим, что случилось в моей жизни, даже если бы ты не была моей жизнью. А так оно и есть. Давай беречь друг друга, стараться сохранить друг другу жизнь. Осталось всего три с половиной года, но я хочу их прожить. А ты?

— Конечно.

Хлоя теснее прижалась к мужу. Несколько минут они стояли неподвижно, потом объятия уступили страстному поцелую.

* * *

До корпуса персонала Давид добирался долго, шажок за шажком. Дверь в комнату номер 4223 была приоткрыта, внутри горел свет. Давид хотел постучать, но тут из-за двери показалась рука, и заветный телефон оказался у него.

— Спасибо, мэм... Теперь мне надо бежать.

— Мэм? — хмыкнула сестра Пэйлмун. — Я не настолько старше вас, знаете ли. Вам сколько лет?

— А что?

Сестра открыла дверь и устало прислонилась к косяку. Выглядела она сонной: припухшие щеки, волосы, небрежно забранные в хвост... Давид удивился, какая она маленькая.

— Мне и тридцати-то еще нет, — сказала она. — Так что заберите свое «мэм» обратно, ладно?

— Резонно. Слушайте, я опаздываю на совещание, я хотел поблагодарить вас и...

— Я сказала, что хочу показать вам кое-что.

— Точно. Что? Да и зачем вы взяли мой телефон?

— Вот покажу и поймете.

Давид не хотел быть грубым, но непонятные игры раздражали его.

Сестра не отводила от него взгляда.

— Ладно. Что там такое?

Она не двигалась.

«Она что, заигрывает? — подумалось Давиду. — Пожалуйста, только не это!»

Он сунул телефон в карман и поднял руки, сдаваясь.

— Ой, — сказала медсестра. — Вам же не видно.

Это точно!

Она выпрямилась и щелкнула выключателем за дверью. Обернулась, повторила его жест — и тут у Давида перехватило дыхание.

Быть того не может! На темном лбу отчетливо виднелась печать.

— Проверьте, если хотите, — сказала она. — Ничего страшного. Я вашу спиртом терла.

Давид оглянулся по сторонам, попросил у нее прощения, лизнул палец и потер печать. Оглянулся снова, наклонился и торопливо обнял новую знакомую.

— Сестра, — прошептал он. — Я так рад встрече. Не знал, что у нас есть кто-то в медицинском корпусе.

— Я тоже никого не знала, — ответила она. — Но как только я увидела печать и вашу должность, я сразу подумала о телефоне.

— Вы просто чудо!

— Обращайтесь.

— Я с вами свяжусь!

— Надеюсь!

— И спасибо вам, сестра П...

— Ханна, — сказала она. — Ладно, Давид?

По пути к лифту он проверил телефон.

Несколько сообщений, ни одного от Энни. Остается морг?.. Нет, туда он пойдет в последнюю очередь. Он набрал номер верховного командующего. Трубку взяла Сандра, помощница Карпати и Фортунато.

— Хорошо, что вы в порядке, — сказала она. — Они вас ждут, я скажу, что вы приедете через пару минут.

* * *

Раз Давид занес в систему полномочия Альби, значит, мог и переслать координаты бункера в Пуэбло. По пути к машине Рэйфорд сбежал к самолету и достал ноутбук Альби.

— Раньше это была федеральная трасса, — объяснил он, ведя обшарпанный мини-вэн Гамильтон на юг по шоссе С-25. — Ну, пока все не переименовали в честь святого Ника.

Альби считывал сообщения.

— Есть. Развязки и съезды до сих пор не восстановили, так что ищи левый поворот на Пуэбло. Потом скажу, куда рулить. Хм... На месте нам нужен какой-то Пинкертон Стивенс.

— Слышал о таком?

Альби покачал головой.

— Спроси меня завтра.

Через пару минут они свернули на второстепенную дорогу и проехали полукруглый куонсетский ангар.

— Вопрос, — подал голос Рэйфорд. — А почему мы не заявились при всех регалиях на джипе МС?

— Эффект неожиданности. Ты ведь сказал мисс Дюрхем, что мы за ней не приедем. Раз они слушали, значит, никого не ждут. Вот пусть и гадают, кто это к ним заявился. У меня форма и звание выше, чем у всех там. Штатского они просто не узнают. Им важнее будет произвести на нас впечатление, чем придумывать сказки насчет Хэтти. Ну и вообще, я бы не стал перевозить эту дамочку в открытом джипе, а ты?

— Ты правда думаешь, что мы застанем их врасплох? — покачал головой Рэйфорд.

— Только в первый момент. Охранник даст им знать, что на подходе начальство.

Рэйфорд развернул машину и подъехал к воротам.

Охранник спросил его о цели прибытия.

— Я просто водитель. Доставил времененного командующего.

Охранник наклонился, присматриваясь к Альби, и отдал честь.

— Вы к кому, сэр?

— Стивенс. И будьте любезны, я опаздываю.

— Распишитесь тут, пожалуйста.

Рэйфорд расписался как Марвин Берри, и машину пропустили.

Секретарь в главном офисе выслушивала указания по интеркому. Голос из динамиков звучал странно: высоко и гнусаво. Рэйфорд не понял, кто говорит, мужчина или женщина.

— Временный командующий? Ко мне?

— Да, мистер Стивенс. Я проверила имя, но в базе только один Марвин Берри, и он не в миротворческих силах. Это старый рыбак из Канады.

— Не нравится мне это, — прогнувшись динамики.

Значит, мужчина, понял Рэйфорд. Но что с ним такое?

— Минутку, сэр. — Секретарь встала, увидев за спиной Рэйфорда Альби. — Ваша фамилия Берри?

— Берри — мой водитель, — рявкнул Альби. — Посмотрите в базе Эльбаза. И никто в моей семье отродясь не рыбачил.

— Загадка решилась, мистер Стивенс, — сообщила секретарь по интеркому. — Охранник взял подпись у водителя.

— Болван! — визгнул в динамике странный голос Стивенса. — Пригласите его.

— Охранника?

— Временного командующего!

Секретарь указала Альби на первую дверь по левой стороне короткого коридора. Рэйфорд двинулся следом, но его остановили.

— Только временный командующий, пожалуйста.

— Он со мной, — вмешался Альби. — Я разберусь с вашим начальством.

— О, я не знаю...

— Зато я знаю! — Альби прошел к двери и постучал.

— Заходите, — раздался бесцелесный голос.

— *Заходите?* — повторил Альби шепотом. — Он что, не собирается открыть дверь старшему по званию?

Альби толкнул дверь, вошел и замер, так что Рэйфорд наткнулся на него.

— Прошу прощения, — пробормотал Рэйфорд. Он не видел Стивенса, но слышал жужжение электромотора.

— Простите, что не по протоколу, — раздался знакомый голос, и инвалидное кресло вкатилось в кабинет.

Рэйфорду стало не по себе. У Стивенса была одна нога, от второй осталась кулья чуть выше колена. Вместо пальцев на правой руке виднелись небольшие бугорки, левая рука была цела, но явно пострадала от сильного ожога.

— Встал бы, да не могу.

— Ничего страшного, — сказал Альби и, поколебавшись, пожал ладонь без пальцев.

Рэйфорд повторил жест, и Стивенс указал им на два стула — те составляли почти всю обстановку маленького кабинета. Что у него с лицом? Красная шея была покрыта шрамами, такие же шрамы — на скулах и ушах. На голове — явно парик. Середина лица: нос, подбородок, глазницы и лоб — все, кроме губ, казалось единственным куском пластика телесного цвета.

— Вас, Эльбаз, я не знаю, — сказал Стивенс голосом человека без носа и языка. — А вот у вас, Берри, вид знакомый. Работаете на МС?

— Нет, сэр.

— У меня задание, — сказал Альби. — Бумажного приказа у меня с собой нет, но...

— Простите, командующий, я пока не закончил. У вас есть пара минут?

— Да, но...

— А мне больше и не надо. Я понимаю, что вы старше по званию, но если большой спешки нет, то придется вам со мной смириться. История ваша подтверждается, так что я вам помогу чем могу. Так как, Берри, работали вы когда-нибудь на МС?

Нечеловеческий голос и искалеченное тело мешали сосредоточиться.

— Нет... э... нет, сэр. Не в миротворческих силах, в любом случае.

— Где-то еще?

— Я этого не говорил.

— Сказали, сказали. Вы были как-то связаны с МС, так ведь. У вас знакомое лицо, я знаю вас или о вас — или уж точно знаю кого-нибудь из ваших знакомых.

Альби зыркнул, и Рэйфорд умолк.

Не отвечая на вопрос, он уставился на ПинкERTона. Где они могли встречаться и как он мог об этом забыть?

— Меня тогда было чуток побольше, мистер Берри. Если это ваше настоящее имя.

На мгновение Рэйфорду стало еще больше не по себе. Это ловушка? Удастся ли отсюда выбраться? А Хэтти? Альби напрягся — похоже, его тоже сбили с толку.

Стивенс вскинул голову, снова пристально посмотрел на Рэйфорда и повернулся к Альби:

— Итак, временный командующий Эльбаз, что у вас за поручение?

— Мне поручено забрать заключенную, сэр.

— А кто вам сказал, что тут есть заключенная?

— Высшее командование, сэр. Сказали, она не хотела сотрудничать, из-за этого провалилась какая-то операция, а теперь ее надо вернуть в Буфер.

— Буфер? Это еще что такое?

— Стивенс, вы знаете, что это такое, если вы тот, за кого себя выдаете.

— Странно, что такая развалина вдруг на командующей должности, а?

— Я этого не говорил.

— Но странно?

— Не могу отрицать.

— Не видели раньше таких калек в офицерах, Эльбаз?

— Нет, сэр.

— Ну что ж, у меня есть полномочия, нравится вам это или нет. Так что придется вам иметь дело со мной.

— Рад этому, сэр. Проверьте мои полномочия и увидите, что...

— Я вам говорил, что у меня тут пленница, командующий?

— Нет, сэр, но я знаю, что она здесь.

— Знаете?

— Так точно.

— Буфер — это маленькое исправительное учреждение, сэр.

— Значит, вы думаете, у меня тут пленница?

Альби кивнул.

— Это что, похоже на исправительный центр?

— Такие центры в разные времена выглядят по-разному.

— Есть такое дело. Да, а почему вы меня не поприветствовали по новому протоколу?

— Не вспомнил вовремя, мистер Стивенс.

— Да ну? Кстати, у вас какая-то грязь на лбу.

Альби дернулся. Рэйфорд похолодел. Откуда солдату МС знать про печать? Все внезапно встало на свои места. Альби все знал! Сколько он успел рассказать?

— Да? — Альби потер лоб ладонью.

— Угу, так лучше, — сказал Стивенс.

Альби медленно сдвинул руку к поясной кобуре. Как жаль, что у Рэйфорда не было пистолета.

— Джентльмены, — объявил Стивенс, чуть повысив свой жутковатый голос. — Сделайте одолжение, проследуйте за мной. Давайте начнем снова в другом помещении. С полным соблюдением протокола, согласны?

Он проехал мимо Рэйфорда и Альби к двери, распахнул ее и вынесся в коридор, пока та не захлопнулась. Альби поднялся, поймал дверь и вышел. Рэйфорд последовал за ним.

Альби расстегнул кобуру с 9-миллиметровым револьвером. Рэйфорд прикинулся, успеет ли отстать и метнуться к фургону, пока Аль-

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

би опомнится. Он замешкался, надеясь, что жужжание кресла прикроет его, если что.

Но Альби обернулся и сделал Рэйфорду знак идти перед ним — за креслом. Конец. Даже если Рэйфорд и выберется, о Хэтти можно забыть. Ему оставалось только следовать правилам игры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бизон выбрал белый «хаммер», проверил горючее, шины, нашел ключи, прогнал диагностику двигателя и включил зажигание.

— Как мы назовем эту девочку? — поинтересовалась Хлоя.

— Ну, это мощная дама со стальными бицепсами. По-моему, иначе как Хло ее не назовешь!

До вечера оставалось еще несколько часов, и Зики постоянно оставался на связи. Если он сможет разузнать о засаде МС, он им сообщит. Эмэсовцы поджидали мятежников на заправке, они даже не знали, что Зи-младший там, внутри. Но как вытащить парня, чтобы они не увидели?

Когда Бизон вернулся, Кенни спал, а Лия читала.

— Цион передал, ты можешь присоединиться к ним с Хаимом, — сказала она.

— А Хлоя вроде собиралась ввести меня в курс дела с кооперативом.

— Пора связаться со всеми. — Хлоя открыла свой ноутбук, и Лия пододвинулась ближе. Бизон поднялся на этаж выше, во владения Циона.

Владения внушили уважение. В огромной комнате, годной под конференц-зал, Цион устроил себе что-то вроде рубки, где все было под рукой. Компьютер, рядом с краю Библия и комментарии. Бизона удивило, как мало книг рабби забрал с собой, но доктор Бен-Иегуда объяснил, что большая часть хранится в электронном виде на жестком диске.

Хаим сидел в удобном кресле, похоже, чувствовал себя не совсем комфортно. При крушении ему досталось сильнее, чем Бизону, но, когда Цион объявил, что готов обучать его, по щекам старика потекли слезы радости.

— Многое из этого знакомо вам с детства, Хаим, — говорил рабби. — Но теперь, когда Господь открыл вам глаза, когда вы знаете, что Иисус есть Мессия, вы удивитесь, как эти разрозненные факты складываются в цельную картину.

Хаим раскачивался, плакал и повторял:

— Я понимаю... Я понимаю...

Бизон сидел, не в силах сдвинуться с места. Единым потоком на него лилось все, что он узнавал постепенно, три с лишним года читая виртуальные лекции Циона. Время от времени рабби переполняли чувства, он прерывался и восклицал:

— Хаим, вы не представляете, сколько мы молились за вас, молились, чтобы Господь открыл вам глаза. Может, хотите пердохнуть?

Хаим покачал головой, но поднял руку, пытаясь говорить внятно, несмотря на повязку на челюсти.

— Господь открывает мне глаза на многое, — выговорил он. — Кэмерон, подойди, пожалуйста. Я хочу спросить кое-что.

Бизон взглянул на Циона, — тот кивнул, — и пододвинул свой стул ближе к Хаиму.

— Я давно не мог понять, почему ты не пришел на первое совещание Николае в ООН. Помнишь?

— Конечно.

— Прости, что плююсь, Кэмерон, я сейчас не могу говорить по-другому.

— Забудьте.

— Это просто в голове не укладывалось. Такая возможность выпадает раз в жизни, ни один уважающий себя журналист ее не пропустил бы. Тебя пригласили. Я сам пригласил! Ты сказал, что придешь — и не пришел. Весь Нью-Йорк об этом судачил. Тебя ведь даже понизили из-за этого. Так почему? Почему ты не пришел?

— Я там был, Хаим.

— Тебя никто не видел. Николае был огорчен, он сердился. Все о тебе спрашивали. Твой начальник — как его звали?..

— Стив Планк.

— Мистер Планк не мог поверить, что тебя нет. Там была Хэтти Дюрхем — это ведь

ты представил ее Карпати, — она ждала тебя, а ты не пришел.

— Я там был.

— Я тоже там был, Кэмерон! Твое место за столом было пусто.

Бизон хотел повторить, что он там был, но внезапно понял, что происходит и почему Хаим вспомнил о встрече столько лет спустя.

— Ваши глаза и правда открываются, Хаим?

Дрожащая ладонь легла Бизону на колено.

— Я не мог понять эту историю, она не имела смысла. Джонатан Стонагалл преследовал тебя, упреки Николае довели его до самоубийства, а при этом погиб Джошуа Тодд-Котран.

Бизон хотел сказать, что он все видел и что все было совсем не так, но промолчал.

— В этом не было смысла! — простонал Розенцвейг. — Ни на грош! Но глаза-то не лгут! Стонагалл выхватил у охранника пистолет, застрелился сам и подстрелил товарища.

— Нет, Хаим, — прошептал Бизон. — Глаза не лгут. Лжет Антихрист.

Старика затрясло. Он закрыл руками лицо, пытаясь остановить дрожащие губы.

— Почему ты не пришел, Кэмерон?!

— А почему бы мне не приходить, сэр? Что могло меня остановить?

— Не могу себе представить!

— Вот и я не могу.

— Тогда почему? Почему?!

Бизон не отвечал. Он перестал пытаться убедить Хайма.

— Меня направили на это собрание, начальство ждало, что я пойду.

— Да, да!

— Это была лучшая из тем для номера самого крупного журнала в истории. Вершина моей карьеры. С чего бы мне пропустить такое событие?

Розенцвейг тряс головой. Он плакал, у него дрожали руки.

— Ты бы не пропустил его.

— Конечно. Любой на моем месте не пропустил бы.

— Может, ты уже начал верить, что Николае Антихрист, и не пришел, чтобы не стать его жертвой?

— Я уже знал это — или думал, что знаю, да. Я бы не пришел без защиты Всевышнего.

— А у тебя не было такой защиты?

— Была.

— Тогда почему ты не пришел? Ты был бы там единственным, кого хранит Господь.

Бизон молча кивнул. Розенцвейг раскрыл глаза. Казалось, он всматривается во что-то далекое, за мили отсюда. Его зрачки метались из стороны в сторону.

— Так ты был там!

— Был.

— Ты был там, так, Кэмерон?

— Был, сэр.

— И все видел!

— Видел.

— Но видел не то, что видели остальные.

— Я видел то, что случилось на самом деле. Правду.

Ладони Хайма взметнулись к вискам. Сквозь сжатые зубы он начал говорить о том, что видел когда-то, а теперь увидел заново.

— Это Николае! Николае их убил! Он заставил Стонагалла встать на колени, приставил ему пистолет к виску и убил сразу двоих.

— Так и было.

— А потом он сказал нам, что мы видели, сказал, чтобы мы это запомнили, и его ложь стала для нас реальностью.

Хайм вскочил и упал на колени. Он уронил израненную голову на руки, опираясь на сиденье стула.

— Господи, Господи! — взмолился он. — Отверзи очи мои, помоги мне видеть правду Твою. Не дай безумцу обмануть меня, лжецу затмить мой взор. Благодарю Тебя, Иегова, Господь мой!

Он медленно поднялся и обнял Бизона. Потом обернулся к Циону.

— Николае — воистину Антихрист, — сказал он. — Его надо остановить, я готов сделать для этого все, что могу.

— Хочу напомнить, что вы уже пытались, — улыбнулся Цион сочувственно.

— Пытался, но не по тем причинам, по которым хочу сделать это теперь.

— Если вы думаете, что познали глубину его греха, то подождите, пока узнаете, какую участь он заготовил для богоизбранного народа.

Хайм сел и потянулся за блокнотом.

— Цион, давай перейдем прямо к этому. Прошу тебя!

— Всему свое время, друг мой. Нам осталось не так много, всего несколько тысяч лет.

* * *

Несмотря на боль, Давид чувствовал себя отдохнувшим. Он мог бы подремать еще, но все-таки успел высаться, и его мозги, если не тело, работали в полную силу. Увы, тем труднее ему было отделить страх за Энни от страха перед Карпати. Он не раз глядел злу в глаза, но встречаться с самим сатаной ему пока не приходилось. Он прошептал молитву за Энни, благодарность за сестру Пэйлмун, за Циона, который научил его: сатана, пусть и могущественнее любого человека, не может сравниться с Господом. «Он не всеведущ, — учил Цион, — не всезнающ. Пусть он отец лжи, мастер убеждения, он затмевает разум, повелевает, присваивает, подавляет — пусть! Но стократ могущественнее Тот, Кто внутри вас, чем тот, кто в мире».

— Они вас ждут, — сказала Сандра. — Похоже, воскресший потентат не хотел, чтобы вы что-нибудь пропустили.

— А, хорошо.

— Ну вот, вы пришли. Теперь я иду домой, так что мне тоже хорошо. День сегодня выдался длинный.

— Да, у всех.

— Вы как? Слышала, вам досталось.

— Уже лучше.

— Спокойной ночи, директор Хассид.
Ой, и да! Он воскрес!

Давид взглянул на нее и удивился, каким пустым кажется ее лоб по сравнению с челом той замечательной медсестры, с которой он только что познакомился.

— Воистину воскрес! — ответил он, имея в виду ровно то, что сказал.

Он постучал и вошел. К его удивлению, ему навстречу встали не только Карпати и Фортунато, но и остальные менеджеры.

— Возлюбленный мой Давид, — произнес Карпати. — Как хорошо, что ты смог присоединиться к нам.

— Спасибо, — сказал Давид, когда директор разведотдела Джим Хикман пододвинул ему стул.

— Да! — сказал Хикман. — Как хорошо!

Он покосился на Карпати, будто проверяя, угодил ли боссу. Потентат поджал губы и прищурился, игнорируя Хикмана. Давиду показалось, что это намеренный жест: Хикмана выбирал Фортунато, и Карпати не старался скрыть свое пренебрежительное мнение о Хикмане.

Менеджеров высшего звена было двадцать четыре. Все они плюс Николае и Леон сидели за массивным столом розового дерева. Давид еще ни разу не бывал на таких больших собраниях. Темное предчувствие заставило его вздрогнуть, когда он увидел на столе перед Николае потертую Библию. Когда Давид сел, все опустились на свои места, остался стоять только Карпати. Потентата,

казалось, переполняла энергия. Он быстро дышал, с силой втягивая воздух сквозь зубы. Казалось, это футболист, разминающийся перед финалом чемпионата.

— Господа и дамы, — начал он, — мне продлили лицензию на жизнь.

Зал взорвался смехом. Когда хохот затих, Николае еще смеялся.

— Поверьте мне, ничто не сравнится с воскресением из мертвых.

Остальные заулыбались и закивали. Давил поймал взгляд Уолтера Муна, шефа службы безопасности, и небрежно кивнул.

— Да, друзья, если кому-то интересно, я был мертв. — Вокруг закачали головами. — Мистер Фортунато, нужно будет опубликовать фотографии со вскрытия, отчет коронера, репортаж с воскресения. Скептики всегда найдутся, но те, кто там был, знают правду.

— Мы знаем, — отзвалось несколько голосов.

Исходящие от Карпати волны зла парализовали Давида, он боялся, что потеряет сознание. Внезапно Николае обратился к нему:

— Директор Хассид, вы ведь были там?

— Да, сэр.

— Вам хорошо было видно?

— Прекрасно, сэр.

— Вы видели, как я воскрес?

— Никогда не буду отрицать этого.

Карпати одобрительно усмехнулся. Он шагнул к своему столу, встал за креслом и провел руками по красной кожаной обивке, будто массируя спинку.

— Такое ощущение, будто я вижу все это в первый раз, — сказал он, улыбаясь двадцати четырем парам восторженных глаз. — Леон, что там наверху, над моим кабинетом?

— Э, ничего, сэр. Мы на восемнадцатом этаже, выше только крыша.

— Никаких технических этажей, лифтового оборудования?

— Нет, сэр.

— Мне нужно больше места, Леон. Ты записываешь?

— Конечно, сэр.

— Что ты уже записал?

— Снимки со вскрытия, отчет коронера, воскресение.

— И расширение моего кабинета. Удвойте высоту и сделайте прозрачный потолок, чтобы он открывал меня небесам. Когда это будет готово? — спросил Карпати. — Кто мне скажет?

Фортунато указал на руководителя строительного подразделения, и тот неуверенно поднял руку.

— Итак, сэр? — продолжал напирать Николае. — Могу я быть уверен, что это будет задачей высшего приоритета?

— Клянусь жизнью! — ответил менеджер, и Карпати согнулся в приступе хохота.

— Вот что, директор. Я понимаю, что на время работ вам придется меня переселить. Но я хочу, чтобы все было сделано так быстро, насколько это в человеческих силах. И знаете почему?

— У меня есть одна мысль, сэр.

— Вот как?

Директор кивнул.

— Так поведайте нам ее!

— Я думаю, вы больше не человек и можете проделать это быстрее, чем мои лучшие строители.

— Только Богу дана такая сила, директор.

— Мне кажется, я нахожусь в его присутствии, повелитель.

Николае улыбнулся.

— Мне тоже так кажется. — Он обернулся ко всем. — Когда тело мое лежало мертвым три дня, дух мой был силен, как никогда. Я пожелал жить снова, я воскресил себя, люди, вернул себя к жизни.

Зал наполнился шепотом: Карпати воздавали хвалу, люди складывали ладони, будто молясь потентату.

Николае взял со стола Библию. Давиду показалось, что пальцы Карпати ласкают книгу.

— Возможно, вы задумывались, что тут делает вот это. — Раскрытая книга упала на стол обложкой вниз. — Книжонка тех, кто восстает против меня. Священная книга тех, кто не узнал меня и не узнает, несмотря на то, что предстало их глазам. — Кулак потентата обрушился на страницы. — Собрание лжи о богоизбранном народе и о том, что якобы есть кто-то превыше меня.

Зал возмущенно загудел, молчал лишь один человек.

Карпати встал, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Мы поставим их на колени их же методами. Евреи поклоняются грядущему Мессии в своей Святой Земле, в своем любимом городе, где они подняли на меня руку. Я вернусь к ним во славе и дам последний шанс покаяться и увидеть свет.

Иегудаиты, которые верят, будто Мессия уже приходил и ушел, будто Иисус их спаситель... Я нигде их не вижу, а вы? Они тоже дорожат Иерусалимом. Если они хотят видеть подлинного и живого бога, пусть придут туда, ибо скоро я буду там.

Если священный храм — это обиталище Всевышнего Бога, то всевышний бог поселятся там, восседая на престоле. Город, убивший меня, увидит меня, грядущего во славе.

Вверх взметнулись кулаки в знак победы и восхищения.

— Теперь перейдем к конкретным планам. На сегодняшний день ни у одного мыслящего человека не должно остаться сомнений в том, кто я такой, а значит, посредник между мною и моим народом более не нужен. Мой дорогой друг верховный командующий Леон Фортунато преданно служил мне с самых первых дней, но теперь я уготовал ему новое место, которое он принял с радостью. Когда-то человечество уже предпринимало такую попытку, но потерпело поражение. Новая обернется победой и триумфом.

Церковь сокровенного Вавилона потерпела крах, несмотря на высокую цель объединить мировые религии.

Единство не было достигнуто, ведь бог этой веры был абстракцией, он не имел воплощения. Но Леон Фортунато, великий святейший отец карпатианства, подарит миру воплощенное божество, чье могущество и слава явились миру в воскресении — в само-воскрешении из мертвых!

Под аплодисменты Карпати сделал знак Леону, предоставляя ему слово, а сам отошел чуть назад, но садиться не стал.

— Новое служение приводит меня в трепет!

Леон шагнул к Николае, пал перед ним на колени и поцеловал руки повелителя, а затем поднялся и вернулся во главу стола.

— Позвольте пояснить. его святейшеству не нужна помочь простых смертных. Само название новой веры — моя идея, и тут не нужно было особых талантов. Как еще мы назовем нашу веру, наше поклонение его святейшеству?

Взрыв эмоций наших сограждан был так велик, что мы решили скопировать изваяние его святейшества и поставить копии в крупнейших городах мира. Планы разосланы, все города получили приказ воздвигнуть у себя статую. Копии будут лишь в четверть величины оригинала, который, как вам известно, в четыре раза больше модели. Не надо быть математиком, чтобы понять: копии будут соответствовать размеру модели.

Пока наш возлюбленный владыка лежал без жизни, он наделил меня силой призывать огонь с небес на тех, кто восстает

против него. Он благословил меня способностью даровать речь изваянию, чтобы мы услышали голос его сердца. Это и утвердило меня в желании служить ему как богу до конца моих дней, и я последую этой цели, пока волею Николае Карпати воздух наполняет мои легкие.

— Благодарю тебя, мой возлюбленный слуга, — сказал Николае, когда Леон сел. — Итак, дорогие собратья, я издаю указ для всех и каждого. Эти слова готовились перед моим уходом, но теперь они станут для вас, как никогда, близки и понятны.

Но сперва я призову моего дорогого и старого друга, женщину, которая стала для меня ближе любого из родственников. Она-то и объяснит вам все. Мисс Айвинз, прошу вас.

Вив Айвинз, официальная и чопорная, с голубовато-седыми волосами, уложенными в высокую прическу, прошла во главу стола и обняла Николае. Пока она передавала по столу папки с именами менеджеров, Николае объявил:

— Многие знают, что мисс Айвинз помогла воскресить меня. Долгие годы мы были настолько близки, что я считал ее своей тетушкой. Она разработала проект, который поможет мне установить — увы, пока необходимый — контроль над подданными. Мы знаем: большинство населения предано мне. Многие из тех, кто принадлежал к оппозиции или сомневался, теперь с нами. Согласитесь, у них были веские причины изменить свое мнение.

Но есть и отдельные группировки, и в первую очередь те две, о которых я уже упоминал, открыто восстающие против меня. Возможно, теперь они осознают свои заблуждения и станут моими верными подданными. Если так, у них не возникнет проблем с мерами, которые я счел нужным ввести. Я прошу всех, кто верен Мировому Сообществу, лично мне и единой вере, добровольно принять знак верности.

Уолтер Мун встал.

— Сэр, я прошу вас позволить мне первому принять этот знак!

— Не будем опережать события, брат мой, — сказал Николае. — Твое желание может исполниться, я тронут твоим порывом, но откуда ты знаешь — может, я заклеймлю тебя железом, как скотину?

Мун положил руки на стол и склонил голову.

— Вы мой свидетель, владыка. Я выдержу это и буду носить знак с гордостью.

— Вы подумайте! — усмехнулся Николае. — Если чувства директора Муна разделяют все жители Земли, нам не понадобятся меры принуждения, а?

Давид заглянул в свою папку, пролистал документы, и тут его взгляд упал на страшное слово.

— Гильотины? — спросил он вслух, не успев сдержать порыв.

— О, мы все-таки опережаем события, — сказал Николае. — Нет нужды объяснять,

что это крайняя мера, и я надеюсь, что нам не придется к ней прибегать.

— Я с готовностью положу голову на плаху, — напыщенно произнес Мун, — если я в невежестве своем отвергну моего владыку.

Николае повернулся к Давиду:

— Вы отвечаете за технические закупки?
Давид кивнул.

— Не думаю, что у нас в наличии достаточно инструментов воспитания верности для несогласных. Потребуется оценить требуемые объемы и подготовить необходимое. Как я уже говорил, моя заветная мечта — чтобы ни один житель планеты не отверг знак верности. Мисс Айвинз!

— На первой странице в ваших папках, — начала Айвинз четким, менторским тоном с легким румынским акцентом, — задолго до гильотины, — она переждала смешки, к которым Давид не присоединился, — вы видите список десяти регионов мира и их номера. Это математическое выражение идентификатора региона и отношения региона к его святейшеству. Знак верности, как я объясню позже, будет начинаться с этого цифрового кода, определяя родной регион гражданина. Весь код будет наноситься на биочип, вшиваемый под кожу. Дальнейшие цифры будут идентифицировать гражданина до полной уникальности кода.

Внезапно, будто в трансе, Леон поднялся и возвестил:

— Каждый мужчина, женщина и ребёнок, независимо от положения, должны принять знак на десницу или чело. Лишенным знака не позволят ни покупать, ни продавать, покуда они не примут знак. Отвергнувшие знак будут преданы смерти, и любой верноподданный уполномочен донести на таковых. Знак будет состоять из имени его святейшества или предписанного номера.

С этими словами Леон тяжело плюхнулся обратно в кресло. Вив Айвинз благосклонно улыбнулась:

— О, благодарю вас, преподобный.

Все, включая Леона, расхохотались. Давид боялся, что колотящееся сердце и трясущиеся руки выдадут его. Что, если комунибудь придет в голову нанести знак внутреннему кругу уже сейчас? Он окажется на небесах прежде, чем Энни узнает о его смерти.

— Мы выбрали технологическое решение, — продолжала Вив. — Микрочип с индивидуальным номером вводится путем инъекции — это быстрая и безболезненная процедура. Гражданин может выбрать любое место из двух. Видимая часть — тонкий шрам длиной с полдюйма, а слева от него номер родного региона гражданина. Номер отображается шестым кеглем черным шрифтом и не может быть удален под страхом судебного преследования. Этот номер может быть включен во вживленный чип, если гражданин предпочтет в видимой части другой вариант.

— Вариант? — переспросил кто-то.

— Да. Мы предполагаем, что большинство выберет цифры, но они могут выбрать и инициалы — тем же кеглем. Н.К. Можно использовать имя или фамилию полностью, есть вариант «Николае» — имя практически закрывает левую часть лба.

— Это для самых преданных, — усмехнулся Николае. — Вроде директора Хикмана.

Хикман вспыхнул, но среагировал:

— Вив, защитите меня!

— Преимущества встроенного чипа — двоякие, — продолжила Айвинз. — Во-первых, это видимое свидетельство верности потентату. Во-вторых, знак будет служить средством расчета при купле-продаже. Мы будем использовать сканеры на уровне глаз, покупателю и продавцу достаточно будет пройти рядом, чтобы оформить платеж.

Одобряющие свистки отдались болью у Давида в голове. Он поднял руку.

— Директор Хассид, — отозвалась Вив.

— А как насчет сроков?

— Боитесь, что ваша голова сегодня не выдержит новых уколов? — улыбнулась она.

— В руку мне тоже ставили капельницу.

— Не беспокойтесь. Потентат и бывший верховный командующий, конечно, оценят, если высший аппарат послужит примером всему миру, но у вас есть тридцать дней, начиная с завтрашнего, чтобы исполнить свой долг.

«Месяц, — подумал Давид. — Месяц, чтобы выбраться из ловушки. Что станет с ним, с Энни, с МакКалламом и Абдуллой? А с Ханной Пэйлмун?»

Вив сообщила, что в ближайшие несколько дней она убедится, что каждый директор знает свою роль в распространении извягий Карпати и знаков верности.

— Его святейшество произнесет завершающее слово.

— Спасибо, Вив, — сказал Николае. — Позвольте мне рассказать вам о семье, которую я встретил сегодня. Вы знаете, что встречался я с тысячами, но это был пример ячейки верноподданных. Это прекрасная азиатская семья по фамилии Вонг.

Давид с трудом сохранил невозмутимый вид.

— Их дочь уже работает на нас в Буфере в Брюсселе. Родители — состоятельные люди и ярые сторонники Мирового Сообщества. Отец семейства очень гордится своей семьей и ее заслугами.

— Но сильнее всего меня впечатлил их семнадцатилетний сын Чан. Если верить отцу, мальчик любит меня и наш новый мир. Его заветная мечта — работать здесь, во дворце. Юноше предстоит проучиться еще год в школе, но он готов уже сейчас поставить свой талант нам на службу.

А таланты его бесценны. Я распоряжусь, чтобы он окончил школу здесь. Малыш просто гений! Он может программировать на любом компьютере, анализировать и исправ-

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

лять любые проблемы — программные или системные. И это не просто похвальба гордого родителя — я видел дипломы, оценки, рекомендательные письма. Этот мальчик — олицетворение нашего будущего, и никогда наше будущее не было таким радостным.

«Этот мальчик, — подумал Давид, — скорее умрет, чем примет знак».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рэйфорд шел за жужжащим креслом, не в силах глубоко вздохнуть, и перебирал в уме свои ошибки. Будь у него возможность выбраться из западни, он стал бы самым решительным предводителем для отряда Скорби.

Они оказались в кабинете еще меньше прежнего. Пинкerton Стивенс открыл дверь и крутанул кресло на месте, чтобы придержать дверь и открыть проход. Он указал Рэйфорду на серый стальной стул у стены, обращенный к столу из того же материала. Альби сел слева.

Стивенс захлопнул дверь и запер ее, прогнусавил что-то насчет надежности и отсутствия жучков, потом вкатился за стол с другой стороны. Обычный стул отъехал в сторону, столкнувшись с креслом. Подъехав вплотную к столу, Стивенс сложил руки и опустил на них подбородок.

С одной стороны вид его пальцев вызывал у Рэйфорда отвращение. Но он все равно не мог оторвать от них глаз.

— Итак, — неторопливо начал Стивенс. — Командующий Эльбаз, — если это ваше настоящее имя, — вы можете застегнуть кобуру и убрать с нее руку. Мы на одной стороне, вам нечего бояться. Вам, мистер Берри, хоть вы нынче и не носите форму и прячетесь под чужим именем, бояться тоже нечего. Вас ждет приятный сюрприз: мы союзники.

«Сомневаюсь», — хотел сказать Рэйфорд, но побоялся, что не сможет издать ни звука.

— Может, начнем еще раз, джентльмены? — спросил Стивенс.

«Хотелось бы...» — подумал Рэйфорд.

— Мистер Эльбаз, вам, как старшему по званию, думаю, приличествует начать диалог согласно протоколу?

— Он воскрес. — Голос Альби показался Рэйфорду жалким.

— Воистину кто воскрес? — отозвался Стивенс.

Рэйфорд решил, что эмэсовец закашлялся. Альби уставился на Стивенса. Он убрал руку с пистолета, но Рэйфорд видел, что кобура осталась расстегнутой. Он прикинул шансы выхватить пистолет, убить обоих и сбежать с Хэтти.

— Командующий Эльбаз, вы тут по делу, и мы им займемся, но сначала я удовлетворю ваше любопытство — вас обоих. Понимаю, на меня нелегко смотреть, вы оба наверняка гадаете, что со мной случилось. Я работаю

над речью, но меня все равно нелегко понять. Вы когда-нибудь видели человека без лица?

Они покачали головами, и Стивенс завел уцелевший палец за подбородок.

— Когда я сниму протез, меня будет со всем не разобрать, так что я помолчу.

Щелк!

Рэйфорд вздрогнул: Стивенс отстегивал пластик, закрывающий его подбородок.

Щелк! Щелк!

Протез оказался цельной маской, заменяющей фрагмент подбородка, нос, глазницы и лоб. Маску удерживали металлические крепления, вживленные в остатки лицевых костей. Стивенс придержал маску культей и сказал:

— Приготовьтесь, я не заставлю вас смотреть долго.

Альби поднял руку:

— Мистер Стивенс, это не обязательно. У нас здание, и я не вижу необходимости...

Он осекся, когда маска упала, открывая обезображенную дыру. О человеческом лице напоминали только остатки губ, и Рэйфорд с трудом удержался, чтобы не зажмуриться. У Стивенса не было носа, веки не прикрывали глаза. Во лбу зияли пробоины, и Рэйфорду казалось, что сквозь них виден мозг.

Он смог выдохнуть, только когда Стивенс вернул маску на место.

— Простите, джентльмены, — сказал Стивенс, — но, боюсь, вы так и не увидели того, что я хотел показать.

— Чего же? — Альби был явно потрясен.

— Того же, что я вижу на ваших лбах.

— Не понимаю, — сказал Рэйфорд.

— Понимаете, — скривил губы Стивенс. — Когда-то не понимали, но давно поняли. Мне снять протез еще раз?

— Нет! — хором ответили Рэйфорд и Альби. — Давайте к делу, — добавил последний.

Пинкerton снова уткнулся подбородком в сложенные руки. Его глаза гипнотизировали Альби.

— Как я ответил, когда вы сказали: «Он воскрес»?

К Альби, похоже, вернулись голос и выдержка.

— По-моему, вы сказали «Воистину кто воскрес?».

— Так и есть. И кто же?

Альби прокашлялся.

— Если не ошибаюсь, по протоколу приветствие звучит как «Он воскрес», а ответ — «Воистину воскрес».

— Верно, но вы не ответили на вопрос. Кто же воистину воскрес?

«Так, значит, — решил Рэйфорд, — он как-то вышел на меня». Он сидел молча, зная, что настал момент истины, и ожидая, что же произойдет.

— Командующий, сделайте одолжение, повторное приветствие.

Альби вздохнул и покосился на Рэйфорда. Его поддельная метка казалась настоящей.

— Он воскрес, — пробормотал Альби.

— Воистину кто воскрес? — спросил Стивенс, изображая искалеченными губами еще одну улыбку.

— Да сколько ж можно! — воскликнул Альби. — Я устал от этой игры.

— Христос! — прошипел Стивенс. — Ну же, братья! Ответ — Христос! Христос воистину воскрес! Я вижу печати на ваших лбах, а вы мою не увидели от шока! Смотрите еще раз!

Он отстегнул маску — на этот раз сверху, — и сдвинул ее назад. Рэйфорд и Альби придвигнулись — на края красной плоти ясно виднелась печать. Пока Стивенс возвращал протез на место, Рэйфорд повернулся и ухватил Альби за голову. Подложив левую ладонь под затылок, правой рукой он с силой потер печать.

— Доволен теперь? — усмехнулся Альби.

Из Рэйфорда будто разом вынули все кости. Он опустился на стул, тяжело дыша.

— Так кто же вы? — спросил Стивенс.

Рэйфорд наклонился вперед.

— Я...

— О, кто вы, я знаю. Я вас узнал почти сразу, как вы вошли, хотя маскировка мне нравится. А вот этот парень кто такой?

Альби представился.

Стивенс пожал ему руку. Он кивнул Рэйфорду.

— Мистер Стил, похоже, совсем ошарашен, а?

— Мягко сказано, — сказал Рэйфорд.

— Мы с вами работали на Карпати в одно время, Рэйфорд, а до того ваш зять работал на меня.

— Стив Планк?

— Он самый — точнее, то, что от него осталось. Под обломками меня сильно искалечило и обожгло, в результате я попал в список жертв землетрясения Гнева Агица. Я ведь сомневался несколько недель: перечитывал статью Бизона, присматривался к Карпати. Я решил, если Бизон и другие верующие окажутся правы насчет землетрясения, я поверю при первых же толчках. Я читал ту молитву, когда здание рухнуло!

Рэйфорд помотал головой.

— Но зачем эта хитрость, зачем снова работать на МС?

— Пришло в голову в больнице. Никто, кроме меня, не знал, кто я такой. Когда ко мне вернулась память, я придумал себе имя и биографию. Это было почти два года назад, и за год терапии и упражнений я успел решить, где хочу оказаться. Я хотел подорвать Карпати изнутри.

— Но почему вы не сказали никому? Все думали, вы умерли!

— Лучший секрет — это секрет между двумя людьми, один из которых мертв. Одна из самых мерзких выходок Карпати — то, как он обошелся с Хэтти Дюрхем. Мне удалось попасть в миротворческие силы и следить за нею, пока я не заполучил ее сюда. Я молился, чтобы этот день настал. Я подчинюсь приказам, соблюду все правила, выполню свою работу, и вы спасете ее.

* * *

Давида охватила паника. Он выдержал невообразимое представление, разыгранное Карпати, Фортунато и Вив Айвинз, и встал в очередь на выход. Но в дверях стоял Карпати и выходящие обнимали его, обменивались с ним рукопожатием, кланялись ему...

Хикман не смущаясь упал на колени и с плачем обнял ноги potentата. Николае закрыл глаза и посмотрел на Фортунато взгядом, который заставил бы камень покрыться бородавками.

Оказавшись шестым в очереди, Давид отчаянно взмолился. Что делать? Он готов был изобразить что угодно, лишь бы не попасться и не поставить под риск отряд. Но он не мог — и не хотел — преклонять колени перед Антихристом. А такое нарушение этикета не пройдет незамеченным. Насколько он успел заметить, он будет единственным директором, не ахающим по воскресшему лидеру.

«Господи, помоги мне!» — молился он про себя. Это конец? Может, сбежать и надеяться на лучшее? Или пожать Карпати руку и сказать что-нибудь неопределенное — вроде «Рад, что вам уже лучше после смерти, добро пожаловать назад»?

Выходка Хикмана вызвала у Карпати раздражение, но в остальном на весь источаемый елей он реагировал благосклонно, повторяя «О, благодарю, я благодарен за вашу

поддержку и ваш труд. Нас ждут великие времена. Да. Да».

Давид был уже вторым. Его начало тошнить. В буквальном смысле. Он пытался молиться, пытался прислушаться к голосу Бога, но, когда директор спереди наконец завершил долгие объятия с потентатом, ни одной мысли у Давида в голове не было.

Карпати раскрыл объятия и произнес:

— Давид! Возлюбленный мой Давид!

Давид не мог пошевелиться и чувствовал, как поворачиваются головы в его сторону.

Карпати смотрел озадаченно, казалось, он манил его его.

— Потен... потен... ваш-ш-нство... — успел выговорить Давид и его повело вперед.

Последнее, что он успел понять, прежде чем ударился головой о мраморный пол, — это то, что его вырвало прямо на Карпати.

* * *

— Зики, ты как? — спросил Бизон.

Он представил себе грузного парня в черном, затаившегося под землей в осажденной заправке в Де-Плейнсе.

— Я в порядке, — прошептал Зики в ответ. — Смотрю телевизор, чтоб не помереть со скуки, а еды тут хватает. Темновато вот, правда. Ну и вокруг никого, кроме ищеек Карпати.

— Ты следишь за эмэсовцами?

— Да, как услышу машину, бегу к монитору и смотрю, что они там делают. Некоторые даже не из наших настоящих покупателей — просто видят заправку и останавливаются. Машина эмэсовцев сразу прыгает через дорогу и паркуется перед ними.

— У них джип?

— Нет, темная малолитражка, четырехдверка.

— Хорошо.

— Почему хорошо, мистер Уильямс?

— Потому что я за тобой приеду на белом «хаммере», он их машинку сплющит, как жука.

— Это не «фольксваген», сэр, это...

— Зики, это просто выражение такое.

— А, понял.

— Значит, они не зажмут нас между двумя машинами?

— Нет, там только одна их машина. Я смотрел.

— Смотрел?

— Ага. Я знаю, что нельзя, просто тут так скучно... Я поднялся по лестнице тихонько, там темно, меня не видели. И посмотрел через дорогу. Понимаете, у нас ведь дорогу-то толком не ремонтировали. С год назад положили асфальт, но основания там не было, он и провалился весь в дыры, сейчас там просто обломки одни. Так что тут и движения особого нет.

— МС точно не знают, что ты там?

— Не, они и про подвал-то наверняка не знают. Мы с отцом его сами выкопали.

— А землю куда дели?

— За дом выкидывали из двери от сервисного гаража.

— Хмм, не замечал. А потайная лестница далеко от подвала?

— Футов десять. Она запрятана в углу дома.

— Значит, если я подъеду к заправке сзади, я увижу дверь примерно посередине, и ты к этой двери можешь пробраться, если поднимешься по лестнице и прокрадешься еще десять футов вдоль задней стены?

— Ага.

— Значит, если ты точно будешь знать, когда я подъеду, ты сможешь выбраться на задний двор, так чтобы эмэсовцы тебя не заметили?

— Только вас-то они увидят!

— Это уже моя забота. Мы не хотим, чтоб они узнали, что ты там вообще был. Вылезешь и проберешься на заднее сиденье, я там брошу одеяло — спрячешься под ним.

— У меня много барахла с собой.

— Ничего. Если они меня увидят и остановят, я заговорю им зубы, но попробую проделать все незаметно.

Гудок просигнализировал об ожидающем звонке. Рэйфорд.

— Зики, я перезвоню. Начинай паковаться пока! — Бизон торопливо переключился: — Слушаю!

— Бизон, ты не поверишь, с кем я только что говорил!

— С Хэтти?

— Нет! Ни за что не угадаешь!

* * *

Давид очнулся в дворцовой больнице глухой ночью. Кто-то взял его за руку.

— Молчи, — прошептала сестра Пэйлмун. — Знаменитость ты наша!

— Знаме...

— Ш-ш-ш! Весь дворец сплетничает, как ты облевал Карпати.

Давид лежал под капельницей. Ему было лучше.

— Ты сменила повязку?

— Да. Лежи смирно.

— Я думал, ты отдохнешь от смены.

— Я тоже так думала. Меня выдернули сюда, потому что это я тебя зашивала. Врачей сейчас не добудишься.

— Ханна, мне надо выбираться отсюда.

— Нет уж. Тебе нужно было пролежать тут несколько дней, и это твой шанс.

— Нельзя. И тебе тоже. — Он быстро рассказал ей, что узнал на совещании. — У нас есть месяц, чтобы сбежать или приготовиться к последствиям.

— Я готова, Давид. А ты?

— Ты знаешь, о чем я. Мне надо найти невесту и моих пилотов. Если ты знаешь еще кого-нибудь из верующих...

— Невесту? У тебя есть девушка?

— Начальник погрузки «феникса». Энни Кристофер.

— Не знаю, что и сказать, Давид. Если она была тут, наверное, уже занесли бы в систему.

— Можешь проверить еще раз? И попробуй связаться с Маком МакКалламом и Абдулой Смитом, пусть навестят меня.

* * *

— Хорошая легенда, Альби, — сказал Планк. — И что, я и впрямь могу доложить, что сюда явился временный командующий Эльбаз с надлежащими полномочиями, а я просто следовал приказам?

— Я надежно вписан в базу, сомневаться никто не будет, — ответил Альби. — Разве что удивятся, что не встречались со мной раньше.

— Скоро туда и меня впишут, — сказал Рэйфорд. — Как командира Альби. Чего я боюсь — так это подвести парня в свите потентата, который на нас работает.

— Да как они отследят нас до него и вообще во дворец? — спросил Альби.

— Не знаю. Может, он это предусмотрел, но лучше держать его в курсе.

Планк провел их по коридору мимо секретаря — в тюремную зону.

— Я слышала там шум с минуту назад, — окликнула их мисс Гарнер из-за стола.

— У нас проблемы?

— Какой-то стук — больше ничего.

Планк проводил их к двери Хэтти и постучал. Ответа не было.

— Мэм, — позвал он. — За вами явились из МС, чтобы перевести вас в Буфер. —

Он подмигнул Рэйфорду и Альби. — Могу я войти, мэм?

Планк выудил ключи, отпер дверь и толкнул ее. Дверь приоткрылась на дюйм и наткнулась на препятствие. Альби и Рэйфорд подошли помочь, но Планк остановил их:

— Есть у меня приемчик...

Он разогнал кресло и врезался в дверь. Придвинутая к двери кровать отлетела в сторону.

— О нет! — послышалось изнутри.

Рэйфорд навалился на дверь и вошел.

В камере было темно. Он щелкнул включателем, но с потолка, из того места, где должна была быть лампочка, посыпались только искры. Свет из коридора осветил камеру: оборванный провод валялся на полу, к нему был привязан угол простыни, второй конец был завязан вокруг шеи Хэтти, которая лежала на полу, подергиваясь.

— Пытаясь повеситься, но провод подвел, — сказал Планк.

Альби подскочил к Хэтти и опустился на колени. Они с Рэйфордом начали дергать и распутывать узел, пока тот не ослаб. Рэйфорд бережно перевернул Хэтти на спину — ее тело было безвольным, как у мертвой: когда его глаза привыкли к темноте, он увидел, что глаза Хэтти открыты, а зрачки расширены.

— Она шевелилась! — прошептал Альби, ухватил Хэтти за ремень и приподнял бедра. Рэйфорд зажал ей нос и припал ко рту. Он вдыхал в нее воздух, Альби выжимал его об-

ратно, и хрупкое тело Хэтти вздымалось и опадало в такт искусственному дыханию.

— Закройте дверь, — сказал Альби Планку.

— Вам не нужен свет?

— Закройте! — прошипел он. — Мы хотим спасти ее, но об этом никто не должен знать.

Планк сдвинул кровать с дороги и запер дверь.

— Пульс есть, — сказал Альби. — Рэй, ты как? Может, поменяемся?

Рэйфорд покачал головой и продолжил, пока Хэтти не закашлялась. Наконец она начала жадно захватывать воздух и выдыхать его. Рэйфорд сел на пол и устало прислонился к стене. Хэтти заплакала и выругалась.

— Я даже убить себя по-человечески не могу! — прошипела она. — Не хочу в Буфер!

Она зашлась плачем и начала раскачиваться, стоя на четвереньках.

— Она никого не узнает, — сказал Альби.

Хэтти подняла голову и прищурилась. Рэйфорд потянулся и включил настольную лампу.

— Не узнаю, — согласилась она, разглядывая Альби и мельком посмотрев на Рэйфорда. — Командующего Стивенса я знаю, а вы кто, уроды?

Альби показал на Рэйфорда:

— Этот урод спас тебе жизнь. А я его приятель.

Хэтти уселась посреди комнаты, подтянув колени к подбородку, и снова начала ругаться.

— Ты не поедешь в Буфер, Хэтти, — сказал наконец Рэйфорд, и она явно узнала его голос.

— Что? — злость сменилась удивлением.

— Да, это я, — сказал Рэйфорд. — Тут внутри секретов нет.

— Ты пришел? — Она вцепилась в него и попыталась обнять.

Он отодвинулся. Она посмотрела на Планка:

— Но...

— Мы на одной стороне, — устало объяснил Рэйфорд.

— Я себя чуть не убила, — сказала Хэтти.

— Вообще-то убила, — сказал Альби.

— Что?

— Ты умерла.

— Вы о чем?

— Хочешь выбраться отсюда? Хочешь, чтобы эмэсовцы за тобой не гонялись? Тогда выйдешь отсюда трупом.

— Не поняла...

— Ты позвала друга на помощь. Он отказался. Ты в депрессии. Когда ты перестала надеяться и поняла, что Буфера тебе не миновать, ты отчаялась, написала записку и повесилась. Мы за тобой приехали, но опоздали. Что мы могли сделать? Осталось написать рапорт о самоубийстве и избавиться от тела.

— А я и правда написала записку, — сказала она. — Вот!

Хэтти показала на клочок бумаги, упавший с кровати. Рэйфорд поднял его и прочел при свете лампы: «Чтоб вам провалиться,

друзья дорогие, — говорилось в записке. — Я обещала, что не вернусь в Буфер, и будет по-моему. Всех вам не победить!»

— Подпиши, — сказал Рэйфорд.

Хэтти помассировала шею и попробовала прокашляться. Потом нашла ручку и подписала записку.

— Сколько ты можешь не дышать? — спросил Альби.

— Чтоб задохнуться, не хватит.

— Мы тебя выкатим отсюда под простыней. И когда мы будем тебя грузить в самолет, тебе тоже придется выглядеть мертвой. Справишься?

— Сделаю все, что надо. — Она покосилась на Планка. — А вы тоже за них?

— Меньше знаешь — крепче спиши, — ответил тот. Он зыркнул на Альби, потом на Рэйфорда. — Как по мне, ей и вовсе не стоит знать.

Они кивнули.

Планк распорядился оставить простыню как есть — привязанную к проводу.

— А теперь накройте ее второй простыней, и побыстрее.

Рэйфорд сорвал с кровати простыню, Хэтти легла на голый матрас, простыня опустилась сверху. Планк открыл дверь.

— Мисс Гарнер, — крикнул он. — Произошла трагедия!

— Помилуйте...

— Нет-нет, оставайтесь на месте. Заключенная повесилась, уполномоченные МС заберут тело.

Начертание

— О... это... это то, что я слышала?

— Возможно.

— Я могла что-то сделать? Надо было что-то сделать?

— Вы ничего не могли сделать, мэм. Пусть эти люди делают свою работу. Прикатите им каталку из кладовой.

— Мне же не надо смотреть, правда?

— Я все уложу, только доставьте каталку.

Рапорт я продиктую позже.

Рэйфорд заметил, что, несмотря на сочувствие и протесты, мисс Гарнер проследила за «телом», пока его не погрузили в машину. Хэтти под простыней выглядела на удивление неподвижной.

Планк согласился позвонить на бывший аэродром памяти Карпати, чтобы временному командующему Эльбазу и его водителю дали подвести машину Джуди Гамильтон прямо к истребителю и погрузить тело для транспортировки. И — нет, помочь им не нужна, и вообще, чем меньше суety будет вокруг, тем лучше. Хэтти спряталась под простыню за несколько миль до аэродрома, и, хотя любопытные и заглядывали в окна, Рэйфорд и Альби пронесли ее в самолет, не вызывая лишних подозрений.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бизон вывел «хаммер» из подземного гаража, только когда стемнело. Фары были выключены — он провел полдня, колдуя над стоп-сигналами и задними фарами. Привлекать внимание дорожного патруля неработающими задними огнями было ни к чему, но и «светиться», тормозя у гаража Зики, тоже не стоило.

Зики сам был докой в таких делах и руководил Бизоном по телефону. Если удастся спрятать его в новом убежище, он мог бы помочь и с техникой. Бизон отключил задние фары и протянул от них к водительскому месту тонкую проволоку. Главное теперь — не забывать их вовремя включить.

Никто не знал, как часто эмсовцы тратят время, оборудование и силы на патрулирование города в карантине, о котором в базах данных говорилось, что он радиоактивен.

Здравый смысл подсказывал, что поблизости никого не будет: если показания дозиметров не врали — а о том, что врут, знали только Давид Хассид и отряд Скорби, — никто не выжил бы тут долго.

И все же Рэйфорд планировал добираться до башни и выбираться из нее только вертолетом под покровом ночи. Для гаража Бизон и остальные соблюдали то же правило. Это было непросто: город не освещался. Если луна не светила в полную силу, ехать по руинам городских улиц приходилось почти вслепую.

Бизон осторожно вел гигантский «хаммер» через руины. Он пытался приспособиться к самой огромной машине из всех, что ему приходилось водить. Бизон боялся, что джип будет реветь, как танк. Но «хаммер» оказался на удивление удобной, предсказуемо мощной и — к счастью — очень тихой машиной.

Поездка в темноте по разрушенному Чикаго была не самым лучшим способом освоиться с машиной — для этого требовался прямой участок дороги и местность, не привлекающая внимания. Наконец полчаса спустя Бизон выехал за город на заброшенное шоссе, которое должно было привести его в нужный городок без лишнего шума. Бизон включил фары и приладил выключатель задних огней под левую руку.

У Парк-Риджа ему попался освещенный отрезок в несколько миль с хорошим новым покрытием. Остальную часть Северного Иллинойса незаметно относило во времени к

самой заре автомобильной эпохи: глубокие колеи в грязи, которые в дождь становились непроходимыми.

Бизону попалось несколько патрулей, но в целом машин на дороге было немного. Освоившись немного, он начал пробовать, на что способен «хаммер», и сделал несколько поворотов на разных скоростях. Чем выше была скорость, тем сильнее его вжимало в ремень безопасности, но машина держала дорогу как влитая. Бизон нашел пустырь, незаметный с дороги, и попробовал пару быстрых разворотов — на ровной площадке и на уклоне. Хаммер всем своим видом показывал, что может и не такое. Бизон чувствовал себя актером рекламного ролика. Он вдавил газ в пол, довел скорость почти до девяноста миль, въехал в лужу грязи и ударил по тормозам. Антиблокировочная система не дала ему проехать юзом ни дюйма. Он уже предвкушал, как попробует новую игрушку против машинки эмэсовцев в Де-Плейнсе.

Однако на этом фантазию пришлось укротить. Идея состояла в том, чтобы проделать все незаметно. Он прикинул возможность остановиться на заправке, как обычный покупатель, а потом смять машину эмэсовцев, когда те полезут проверять. Но у них есть телефоны и радио, на него устроят облаву. А вот если подъехать сзади, не включая фар, то есть шанс, что они вообще ничего не заметят.

Пискнул телефон: Зики.

— Вы где?

— Подъезжаю, а что?

— Надо будет спалить заправку.

— Зачем?

— Ну, когда они похватают всех мятежников, кто тут заправляется, они все равно ее подорвут, так?

— Может быть, — согласился Бизон. — Так пусть сами и поработают?

— А вдруг они решат ее обыскать сперва?

— А что они найдут?

— Подвал, ясное дело! Все мне отсюда никак не утащить, и тогда бате несдобровать.

— А что они еще ему могут сделать?

— Пока что у них на него только продажа бензина без лицензии. Это штраф или кутузка на пару месяцев. А если они найдут, что мы с ним документы подделывали, он станет государственным преступником.

— Верно! — Бизон в который раз поразился житейской мудрости Зики. Кто мог поверить, что наркоман, байкер и рисовальщик татуировок окажется лучшим мастером по подделке документов?

— И вот что еще, мистер Уильямс. Мы же народ еще и подкармливали отсюда — бакалейная лавка вроде как. Ну да вы знаете, сами у нас отоваривались. В общем, я вот чего думаю. Я настрою таймер на зажигание. Понимаете, загорится-то все равно не бензин.

— Прости, не понял? — Бизон почувствовал себя идиотом. Неграмотный панк рассказывает журналисту, что пожары на заправках — не то, чем они кажутся?

— Ну да, не бензин. Когда я помогал отцу на заправке — ну, когда все было по закону, —

я бычки кидал прямо в ведро с бензином, которое у нас в сервисе стояло.

— Быть не может!

— Честно!

— Горящие окурки?

— Да ей... то есть честное слово. Мы их так тушили — они шипели, как в ведре с водой.

— Не понимаю.

— Ну, мы в бензине руки мыли. Он же жир растворяет. Бывает же: только что возившись с карданом, а тут надо бак заправить или расписаться на квитанции от кредитки или еще чего.

— Я просто не могу понять, как можно кинуть сигарету в ведро бензина.

— А многие не знают или не верят.

— Как же вы не подорвались там?

— Ну, если бензин свежий, надо подождать чуток. Если видно, что над ним идет парок, как когда его в ведро заливаешь или в бак топливный, тогда никакого открытого огня ни в коем разе.

— А когда он отстоится и... пары сойдут?

— А вот тогда можно кидать бычки.

— То есть горят пары бензина?

— Ну да, они.

— Понял. И в чем твоя идея?

— Понимаете, сэр, в двигателе оно ведь так же работает. Инжектор впрыскивает бензин в цилинды, потом искра их поджигает, только сгорает-то не бензин.

— Впрыснутый бензин выпускает пары, они-то в цилиндре и взрываются, — подхватил Бизон.

— Вот-вот, теперь вы ухватили.

— Отлично. Я еду к тебе, приготовься.

— Ага. Я подтащил два больших ящика к куче мусора сзади и большую сумку взял. Туда все влезло: и файлы, и оборудование — даже для еды место осталось.

— Зики, у нас много еды.

— Еды много не бывает. В общем, все там. Если вас не засекут, я буду ждать и быстро все погружу.

— Хороший план. А что с поджогом?

— Ну вот. Тут еще и склад запчастей, так я срезал кран с трубы от цистерны с топливом — труба эта как раз по стеночке идет, к которой вы подъедете. И в этот кран я приладил инжектор. Как буду сваливать — поверну вентиль, пойдет бензин, а инжектор будет его разбрызгивать. И скоро весь подвал будет полон бензина.

— Паров.

— Ну да.

— И что, ты кинешь туда спичку по дороге к машине?

Зики хихикнул.

— Тише.

— Да ладно, они меня не слышат. Не, если я спичку кину, я сразу на воздух взлечу — смогу до Чикаго своим ходом добраться. Стоило б тогда вам ездить.

— Тогда как ты все подожжешь?

— Поставлю зажигание на таймер. Минут пять оставлю на всякий пожарный, а потом оно бабахнет.

— Бабахнет.

— Во-во!

— Зики, даже если я соглашусь, ты не успеешь все наладить. Мне до тебя меньше десяти минут осталось.

— А я решил, что вы согласились.

— Ну и?..

— И все уже сделал.

— Врешь!

— Не-а! Если вы будете через десять минут, я поставлю таймер на пятнадцать, а как буду выходить, поверну крантик.

— Парень, да ты голова!

— Я в таких делах секу.

— Это точно. Слушай, сделай только одолжение.

— Какое?

— Поставь таймер на пять минут, но не включай его, пока не повернешь кран по пути наружу, идет?

— Ага.

— Да, и вот еще чего. Не пускай бензин, пока не будешь уверен, что я на месте.

— Ой, да, точно. Это важно.

— Оно ведь бабахнет, Зики.

— Ну да.

— Я позвоню, как доберусь.

* * *

— Ее нет в системе, Давид, — сказала сестра Пэйлмун. Он попытался сесть, но она остановила его. — Это пока не означает самого худшего.

— Как ты можешь так говорить. Уже рассвет, а я ее не нашел. Она дала бы о себе знать.

— Давид, успокойся. В палате пусто, но не факт, что тут нет жучков. Друзья твои скоро придут, но больше никому доверять нельзя.

— Можешь не рассказывать. Ханна, помоги мне выбраться. Я не могу торчать здесь еще несколько дней, мне столько надо сделать, пока я не сбегу из Нового Вавилона.

— Я могу давать лекарства и менять повязки, постараюсь держать тебя в форме, но будет больно.

— Это ничего. А можешь... — горло сжалось, мешая говорить, — можешь...

— Проверить морг? — В голосе Ханны было столько сочувствия, что он чуть не расплакался.

Давид кивнул.

— Сейчас схожу. Если твои друзья придут, пока меня не будет, покажи им, что тут повсюду уши.

* * *

Рэйфорд, Альби и их «пленница» решили не лететь в Канкаки, не выспавшись. Они сели на небольшом аэродроме в Монтане недалеко от Бозмена, Альби заговорил зубы небольшому подразделению МС и по-

лучил джип. Два «эмэсовца» и «транспортируемая преступница» смогли переночевать в городке.

От Бозмена мало что осталось, но среди сохранившихся заведений они обнаружили пустующий мотель и сняли там две комнаты.

— Надеюсь, нам не надо бояться, что ты сбежишь? — спросил Рэйфорд у Хэтти.

— По сравнению с Буфером новое убежище — это просто небеса обетованные, — ответила она.

— Туда ты тоже рано или поздно попадешь. Нас стало больше, и все по твою душу.

— А я, может, в кой-то веки раз и прислушаюсь, — сказала она.

— Не бросай слов на ветер.

— Давно перестала, знаешь ли.

Хэтти забросала их вопросами о Пинкертоне Стивенсе, но услышала только, что «он с нами». Тогда она захотела узнать историю Альби, и тот рассказал, что пришел к Христу, пробыв всю жизнь мусульманином.

— Ты ведь знаешь, кто такой Цион Бенигуда? — спросил он.

— Знаю? Я с ним лично знакома! Человек, который любит тех, кто не стоит любви.

— Это вы о себе, барышня?

Она фыркнула и кивнула:

— О ком же еще!

— Тогда вот что я тебе расскажу. Я не стоил любви. Я был плохим мужем и отцом, а теперь вся моя семья мертва. Я был преступ-

ником, я был нужен только тем, для кого доставал нелегальный товар за бешеные деньги. У моей жизни появился какой-то смысл, когда моя возня на черном рынке стала помогать борьбе со злыми силами. Но я не называл нового владыку Антихристом, я и слова-то такого не знал. Делал то же самое, что и раньше, когда в мире царила глупость, а не зло. Моим божеством были деньги, и я знал, как их добыть.

Когда ко мне пришли Мак и Рэйфорд, я начал себя утешать тем, что они хорошие парни. Я теперь не просто работал на преступников, я следил и подсказывал. Для Мирового Сообщества они были преступники, да, но для меня это было все равно что знак почета.

И вот когда все предсказания, о которых говорил Мак и Рэйфорд, сбылись, я не мог сказать им, что мне стало интересно. Да что там, страшно. Если это все правда, то я за борт. Но я не поверил. Я скачал Библию, начал читать ее и одновременно — статьи Бен-Иегуды. Я понимал, откуда он берет факты, но прозрение — это могло быть только от Бога. Эти новые знания шли вразрез со всем, чему меня учили с детства. Моя первая молитва была такой детской, что я бы никогда не повторил ее на людях.

Я сказал Богу, что знаю: я грешен, но надеюсь, что Он меня любит и простит. Сказал, что западная вера — так я ее воспринимал — для меня так чужда, что я не уверен, что смо-

гу понять ее. А потом попросил: «Если Ты и правда истинный и живой Бог, сделай ее понятной». Я сказал, что жалею о том, как прожил жизнь, что Он моя единственная надежда. И все. Никаких особых ощущений, только дураком себя почувствовал. Зато выспался я в ту ночь, как много лет не спал. Ты только пойми меня правильно, я вовсе не был уверен, что докричался до Бога. Я не был уверен, что Он и правда такой, каким Его описывали доктор Бен-Иегуда и остальные. Но я сделал что мог — тут сомнений не было. Я не врал себе, не врал Ему, и если Он был таким, как я надеялся, Он меня услышал. А большего я не ждал.

Альби откинулся на спинку кресла и перевел дух.

— И что? — спросила Хэтти. — Это все? Он улыбнулся.

— Я решил сделать перерыв на тот случай, если ты от скуки уже носом клюешь.

— Это вы двое не спали всю ночь, а не я. Что было дальше?

— Ну, на следующее утро я проснулся с чувством, будто жду чего-то. И не понимал, что с этим делать. Еще до завтрака я почувствовал, что жажду — другого слова не подобрать — жажду Библию. Внутри меня что-то поверило, что это Слово Божье и что мне нужно его прочесть. Я открыл файл — и читал, читал, читал... Сказать тебе не могу, как меня переполняло Писание. Я его понимал, я хотел больше, я не мог насытиться! Уже

перевалило за полдень, меня начало мутить от голода — и только тогда я понял, что с утра не съел ни крошки.

Я снова и снова благодарили Господа за Его Слово, за Его истину, за то, что Он ответил на мою молитву и открыл мне Себя. Время от времени я отрывался от Библии и кидался смотреть, не написал ли доктор Бен-Иегуда чего нового. Новой проповеди не было, но я открыл одну ссылку — там разъяснялась молитва — рабби зовет ее «молитвой грешника». Я ее произнес, но понял, что я так уже молился. Я был верующим, сыном Господним, меня простили и любят.

Хэтти, казалось, не могла говорить, но Рэйфорд уже видел ее такой. Многие рассказывали ей свои истории, она знала и истину, и путь к ней. Она просто не хотела ее принимать.

— Я тебе не просто так это рассказал, — сказал Альби, — и не просто потому, что хотел тебя убедить, а я хочу: все, кто открыл истину для себя, хотят открыть ее остальным. Но дело было и в том, что ты о себе сказала. Ты сказала: Бен-Иегуда любит тех, кто любви не стоит. Это правда. Это и есть христианская любовь, Христова любовь. Потом ты сказала, что не стоишь любви, и я сказал то же о себе. Но больше того, девочка. Я вспомню тут одну фразу доктора Бен-Иегуды. Он часто говорит, что та или иная истинна «ниспровергает» ложное утверждение. Слыщала от него такое? Знаешь, что это значит?

Она кивнула.

— Так вот, это о тебе, дорогая моя. Я тебя только что встретил, а Господь дал мне любовь к тебе. Рэйфорд и его родня часто говорят о тебе и о том, как любят тебя. И это ниспровергает твои слова, будто тебя нельзя любить.

— Я не стою их любви, — сказала Хэтти почти шепотом.

— Конечно, не стоишь. Ты же себя знаешь. Знаешь, что ты эгоистка, что ты грешница. Бог нас тоже не должен бы любить, а вот любит. И только благодаря Ему мы можем любить друг друга. Человеческого объяснения тут нет.

Рэйфорд отчаянно молился про себя. Хэтти! Неужели ее упрямство так отдалило ее от Бога, что ей уже не вернуться, не увидеть истину? Но если это так, почему Бог послал Рэйфорду и остальным столько заботы о ней?

Вдруг Хэтти встала и подошла к Рэйфорду. Она чмокнула его в макушку, потом повернулась и так же поцеловала Альби, обхватив его лицо ладонями.

— Сегодня ночью за меня не беспокойтесь. Утром я буду тут.

Рэйфорд сонно раздевался, когда сквозь шум душа из ванной ему послышались голоса. Он приник к стене. Нет, не голоса. Один голос. Рыдания, всхлипывания, плач. Хэтти, кажется, плакала в подушку.

Полчаса спустя, засыпая, он еще слышал плач. Альби на соседней кровати заворочался и ударил кулаком в подушку.

— Господи, — прошептал он. — Спаси эту девочку!

* * *

Бизон проехал мимо маленькой заправки, сделав вид, что не заметил машины МС, скрытой за деревьями. Не стал даже притормаживать, чтобы не привлекать внимания. Насколько он успел разглядеть, в машине сидело двое.

Он набрал номер Зики.

— Новости есть?

— Все тихо. Это вы только что проехали?

Крутая тачка.

— Я сейчас сделаю круг и посмотрю, выйдет ли подъехать сзади с выключенными фарами. Это минут десять, я позвоню, когда буду на месте.

Бизон ехал вперед, пока заправка не пропала из зеркала заднего вида. Эмэсовцы, скорее всего, тоже его не видят. Тогда он выключил фары и свернул вправо, медленно нащупывая путь по пересеченной местности. Заправка была в паре миль, и Бизону не хотелось наехать «хаммером» на забор или водопроводную трубу.

Один раз, свернув еще дважды вправо и двигаясь приблизительно в направлении заправки, машина вдруг нырнула вниз. Оставалось надеяться, что яма не так глубока, чтобы

из нее нельзя было выбраться. Когда бампер уперся во что-то твердое, Бизон затормозил и включил на пару мгновений фары. Надеясь, что эмэсовцы ничего не увидят издали, Бизон сдал назад и осторожно обогнул пятифутовый завал из земли и досок. Хотелось зажечь фары и посмотреть, нет ли других препятствий, но он не решался. Когда он разглядел стоянку, то снизил скорость до пары миль в час и полз по кочкам, подпрыгивая, трясясь и надеясь, что вверх не поднимается облако пыли. Ночь была звездная, если эмэсовцы увидят, что что-то застит небо, они могут пойти к задней двери.

Он позвонил Зики.

- Я вас слышу, — сказал тот.
- Слышишь? Изнутри? Плохо.
- Вот и я так подумал. Готовы меня подобрать?
- Давай быстрее. У тебя с собой что-то есть?
- Да, еще сумка. Решил, что уж оставлять, если можно с собой забрать.
- Молодец. Давай.
- Сейчас открою вентиль и врублю таймер.
- На сколько?
- На пять минут.
- Что на мониторе?
- Сидят, не суетятся.
- Хорошо, жду.

Бизон знал, что сможет вернуться тем же путем, что приехал. Хотя местность и была

неровная, до сорока миль он джип разгонит. Но на случай, если эмэсовцы тоже услышали «хаммер», он вылез из машины и решил начать погрузку, чтобы сэкономить время. Когда он открыл дверь, свет в салоне не зажегся, так что он оставил дверь незапертой, открыл заднюю дверь справа и начал искать груз. Первая коробка оказалась такой тяжелой, что он чуть не застонал от напряжения. На лестнице послышались шаги Зики. Бизон загрузил коробку на заднее сиденье. Мышцы ныли, напоминая о недавней травме. Он вернулся за второй коробкой, прикидывая, сможет ли Зики одновременно погрузить свои сумки, когда чуть не врезался в него. Зики испуганно охнул. Бизон попытался успокоить его, но парень уронил сумку и бросился назад, захлопнув дверь. Бизон услышал, как он скатился вниз по ступенькам. Теперь их не могли не услышать.

В отчаянии Бизон открыл дверь и крикнул тихо как мог:

— Зики, это я, вылезай, живо!

— Елки! — завопил Зики. — Я думал, это они. Таймер работает, бензин распыляется, а они идут сюда, на мониторе видно!

Бизон открыл дверь «хаммера» — ту, что ближе к заправке, — подхватил обе сумки, бросил их на сиденье, сел за руль и завел мотор.

Когда Зики запрыгнул в машину, одна сумка вывалилась из дальней двери. Бизон тронул машину, но Зики завопил:

— Нет! Эту сумку нельзя бросать!

Бизон ударил по тормозам.

— Подбери!

Дверь распахнулась и Зики вывалился наружу, волоча за собой на ходу вторую сумку.

Тут-то из-за угла и появилась машина МС.

— Едем! — Зики влетел с сумками в машину.

Дверь так и не закрылась, но времени уже не было. Бизон вдавил газ в пол и врезался в машину МС, таща ее к заправке. Эмэсовцы выхватили оружие и потянулись к дверям. Обогнать пули было невозможно, поэтому Бизон сдал назад, газанул, и огромная машина въехала на кучу обломков. Теперь они возвышались над преследователями футов на двенадцать. Когда Бизон двинул джип вперед, эмэсовцы убрали оружие и отъехали с дороги. «Хаммер» почти вертикально опустился на капот маленькой машинки. Передние шины лопнули, из-под капота брызнули вода и пар — эмэсовцы остались без транспорта.

На солдат Бизон даже не оглянулся. Сдал назад футов на шесть, вывернул руль вправо и понесся в темноту.

Зики удалось закрыть дверь, но ни он, ни Бизон не успели пристегнуться. «Хаммер» несся по кочкам и буграм, их мотало по салону, швыряло о двери и потолок.

Бизон притормозил.

— Что? — испугался Зики.

— Пристегнись.

Начертание

И гонка продолжилась. Минут пять спустя Бизон вырулил на дорогу на Чикаго, и тут небо позади окрасилось оранжевым. Через несколько секунд до них донесся шум взрыва, и волна снова встряхнула машину. Бизона тряслось от адреналина — он понял, как близко они были от смерти. Зики смеялся как мальчишка и то и дело вертелся на сиденье, обрачиваясь на зарево.

— Все, — сказал он, нервно хихикая. — С заправки я, считай, уволился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Тридцать дней? — повторял Мак, мрачно уставившись на Давида. — Поверить не могу.

— Ну, оставаться здесь нельзя, — пожал плечами Абдулла. — Особо скучать не буду. Хотя... может, и буду кое по чему.

— И я буду, — кивнул Давид, прислушиваясь, раздаются ли шаги за дверью. — Отсюда, изнутри, можно сделать столько полезного, что не сделать снаружи.

Мак вздохнул — и во вздохе прозвучали возраст и усталость.

— Давид, не подумай, что я подлизываюсь к боссу, ты ведь знаешь, я бы не стал к тебе подлизываться, будь ты хоть самим потентатом. Но ты ведь ас в компьютерном деле. А нельзя как-нибудь настроить местную электронику, чтобы управлять ею из любого места? Ну, когда поправишься, понятно.

— Теоретически можно, — протянул Давид. — Но непросто.

— У тебя ведь тут в каждой шестеренке жучок стоит. Нельзя этими компаниями управлять, как тем небоскребом в Чикаго, где нам, похоже, придется жить?

Дави пожал плечами:

— Это возможно. Я только не могу настроиться на то, чтобы все это провернуть. Без Энни я точно не уеду... — Он увидел, как переглянулись Мак и Абдулла. — Что? Вы знаете что-то, чего не знаю я?

Мак покачал головой.

— Мы просто беспокоимся, как и ты. Странно, она ведь дала бы о себе знать, если бы могла. — Он прищурился. — Ну, если только она опять не заперлась на складе.

Давид невольно рассмеялся. Энни была одной из самых дисциплинированных его сотрудниц, ее единственная дурацкая выходка будет висеть над ней до самой...

То, как Ханна постучала в приоткрытую дверь, сказало Давиду больше, чем хотелось бы. К горлу подступило рыдание. Он кивнул поднявшемуся Маку.

— Заходите, — сказал Мак.

Давид старался не смотреть на картонную коробку в руках Ханны. Он гляделся в ее лицо, пытаясь уловить хоть тень надежды. Ханна медленно подошла и поставила коробку у Давида в ногах.

— Мне так жаль...

У Давида внутри что-то оборвалось.

Боль и усталость отступили, их сменила невыносимая горечь потери. Он застонал

и отвернулся от друзей, подтянув колени к подбородку, сжимаясь в комок.

— Молния? — выдавил он.

— Да, — прошептала Ханна. — Она не мучилась.

«Хотя бы она, — подумал Давид. — Спасибо за это».

— Давид, — глухо выговорил Мак. — Мы со Смитти подождем снаружи...

— Если можете, останьтесь, пожалуйста. — Давид услышал, как они усаживаются обратно.

— У меня тут несколько ее вещей, — сказала Ханна. Давид попытался сесть, и проклятая голова снова закружилась. — Тут немного, только сумочка, мобильник, украшения и ботинки.

Давид поднялся и зажал коробку коленями. Дыхание перехватило от запаха гари. Телефон местами оплавился, один ботинок был прожжен с носка и с пятки.

— Я хочу ее увидеть.

— Я бы не советовала, — сказала Ханна.

— Давид, нет! — отрезал Мак.

— Я должен! Если я не буду знать наверняка, она для меня по-настоящему не умрет. Да, это ее вещи, а ее саму ты видела, Ханна?

Сестра кивнула.

— Но ты ведь ее не знала. Вы ведь не встречались раньше?

Она покачала головой:

— Скорее всего, нет. Но, Давид, понимаешь... Если бы женщина в морге была моей лучшей подругой, я бы все равно ее не узнала.

Снова подступили рыдания. Давид оттолкнул коробку к спинке кровати, мотая головой. Виски под пальцами пульсировали и горели.

— Вы знаете, что это была моя первая любовь?

Никто не ответил.

— У меня были девушки, но... — Он прижал ладонь к губам. — Это была любовь.

Мак встал и попросил Абдуллу закрыть дверь. Он задернул полог кровати, всех окутал беловатый сумрак. Мак положил руку Давиду на плечо, Абдулла — на колено, Ханна сжала ступню, прикрытую простыней.

— Господи, — прошептал Мак. — Мы давно не спрашиваем, почему что-то происходит. Мы знаем, что наше время здесь принадлежит Тебе и все мы в руке Твоей. Мы не понимаем этой смерти. Нам больно и трудно принять ее. Благодарим Тебя, что Энни не страдала... — Его голос дрогнул и стал еле слышен. — Мы завидуем Энни, потому что она уже с Тобой, но мы тоскуем по ней, и часть жизни Давида ушла вместе с ней и уже не вернется. Мы верим Тебе и верим в Тебя, мы хотим служить Тебе, пока Ты позволишь нам. Мы просто просим Тебя: снизойди к Давиду сейчас, как никогда раньше. Помоги ему исцелиться, жить дальше, исполнять волю Твою...

Мак не мог продолжать, подхватил Абдулла:

— Молим Тебя именем Иисуса Христа.

— Спасибо. — Давид снова отвернулся. — Не уходите пока, ладно?

Давид лежал, друзья окружали его внутри полога, и тут он понял: похорон Энни не будет. А если и будут — она ведь работала на МС, — ему придется изображать сочувствующего начальника, а не скорбящего возлюбленного. Он вскоре сбежит, и это может навлечь подозрения на всех, кто знал Энни или встречался с нею.

Полог снова раздвинулся. Ханна положила коробку под изголовьем кровати, Мак и Абдулла вернулись на стулья.

— Тебе нужно поесть. Принести тебе что-нибудь?

Он помотал головой:

— Прости, Ханна, но мне правда надо ее увидеть. Можешь отцепить меня от капельницы и проводить туда?

Ханна явно хотела отказать снова, но тут ее осенило.

— Точно хочешь? — переспросила она.

— Абсолютно.

— Будет трудно.

— Что?

— Попробую достать кресло. Капельнику прихватим с собой.

* * *

Зики предстал перед отрядом Скорби в своем фирменном прикиде. Бизон представил его Циону:

— Когда командир вернется, мы тебя примем официально, а пока располагайся и устраивайся. Теперь это твой дом и твоя семья.

— Именно так! — Цион обнял парня.

Зики, огромный, в тяжелых байкерских ботинках, черных джинсах, черной футболке и черной кожаной жилетке, казался полной противоположностью маленького рабби в свитере, спортивных туфлях и вельветовых штанах.

— Добро пожаловать и благослови тебя Господь!

Зики стеснялся. Он неуклюже отвечал на объятия и рукопожатия, бормотал приветствия, уставясь в пол. Впрочем, вскоре он принял осматриваться, разбирать вещи и обустраиваться на новом месте. Через час он вернулся на площадку у лифтов.

— Высокие тут у вас технологии.

— В буквальном смысле! — отозвалась Лия — ее, казалось, тоже смущал парень, который когда-то изменил ей внешность и выдал новые документы.

Зики покосился на нее. Бизону казалось, что он не понял, что Лия имеет в виду, но боится переспросить. Как будто чтобы скрыть смущение, Зики вывернул карманы и с шумом хлопнул по столу пачкой двадцаток.

— Не хочу тут даром хлеб есть, — заявил он. — Это в общий котел.

— Подожди, пока тебя официально примут, — сказал Бизон. — Вот вернется Рэйфорд завтра ночью и...

— Ой, это ничего. Пусть это будет пожертвование, даже если меня потом забаллотируют и все такое.

— Не думаю, что так выйдет. — Хлоя положила головку малыша на плечо.

— Ой! — Зики увидел Кенни Брюса. Он по-дошел и осторожно протянул руку к спинке малыша. — Можно? — тихонько спросил он.

— Можно, — ответила Хлоя. — Если руки чистые.

Зики замер и рассмотрел ладони.

— Для моей работы их приходится мыть. Чтоб новую ксижу не замазать. Они похожи на грязные, потому что я вожусь с мотором и всякими такими штуками, но это просто пятна.

Он встал на колени перед Хлоей и осторожно положил свою лапищу Кенни на спину. Мясистые пальцы доставали от одного плечика до другого. Зики легонько тронул пушистые волосы малыша.

— Сядь, и можешь подержать, — сказала Хлоя.

Остальные наблюдали за сценкой, и Бизон заметил, что у Хайма глаза на мокром месте.

— Хотите тоже? — шепнул он.

— Я так давно не... — Хайм пытался говорить отчетливо. — Почту за честь.

В итоге Кенни по очереди поддержали все, даже Цион. Рабби быстро вернул малыша Хлое, его переполняли чувства.

— Мои дети были уже подростками, когда они... когда их... Но память не умирает.

* * *

Ханна Пэйлмун подкатила кресло с капельницей к столу регистратора в морге.

— Нам нужно опознать тело.

— Записывайтесь, — пожала плечами пожилая медсестра.

— Да ладно, в системе данные отстают на пару дней. Все равно никто проверять не будет.

Сестра скривила гримасу.

— Мне же меньше работы, — буркнула она.

Кресло катилось вдоль бесконечных рядов тел, лежавших плотными ровными шеренгами на каталках, в холодильниках, просто на полу под простынями. У Давида бешено колотилось сердце.

— Она же не тут?

— В следующем зале, за углом.

Ханна подкатила его к изножью каталки, на которой лежало накрытое простыней тело. Она приподняла простыню с одной ноги и сверилась с биркой на большом пальце.

— Тебе это точно необходимо?

Он кивнул, хотя уже не был так уверен. На бирке были указаны имя и звание Энни, ее регистрационный номер, даты рождения и смерти.

Нога распухла, изменила цвет, но это была ее нога. Давид обхватил ее ладонями, и его поразила холодная твердость тела.

Сожженный молнией ботинок был с другой ноги. Давид потянул простыню, не обращая внимания на покашливания Ханны.

— Э... слушай...

Он отшатнулся от увиденного. Пятку расплющило, а по большому пальцу будто проехал каток. Давид закрыл ноги Энни и опустил голову.

— Она точно ничего не почувствовала?

— Да.

— Фортунато дали силу призвать огонь на тех, кто не поклонялся идолу.

— Знаю.

— Меня тоже могло ударить.

— И меня.

— Но почему ее?

Ханна промолчала. Давид попытался притиснуть коляску между каталками и подъехать к изголовью. Шланг капельницы натянулся.

— Дай я. — Ханна помогла ему. Когда он потянулся к простыне, Ханна положила руку ему на предплечье. — Лучше смотри только на лицо, — сказала она. — Череп сильно пострадал.

Он замер, колеблясь.

— Да, и... ей почему-то не закрыли глаза. Я пробовала, но уже началось трупное окоченение... В общем, это придется сделать гробовщику.

Давид кивнул, тяжело дыша. Голова снова раскачивалась. Совладав с дыханием, он осторожно спустил простыню до шеи, стараясь не смотреть вниз. Потом он глубоко вдохнул и встретился глазами с Энни.

Сначала ему показалось, что это не она. Глаза девушки смотрели куда-то вдаль, лицо раздулось и потемнело, на месте сережек и ожерелья виднелись ожоги. Давид смотрел так долго, что Ханна забеспокоилась:

— Ты как?

Он покачал головой.

— Мне надо встать.

— Не стоит.

— Помоги.

Ханна подтолкнула стойку капельницы ближе к креслу.

— Держись за нее. Если голова начнет кружиться, садись.

— Начнет?

Она поставила колеса на стопор. Давид оперся на ручку кресла и стойку и медленно поднялся. Ханна страховала сзади, положив руку ему на спину. Пошатываясь, он навалился на стойку и погладил Энни по щеке свободной рукой. Щека была холодной и твердой, но он представил, будто Энни чувствует его ласку. Невольно он склонился над любимой, пока не разглядел локон, зачесанный вперед. Волосы закрывали дыру с крупную монету, сквозь которую виднелся мозг.

Давид помотал головой и сел. Он не хотел думать, что пронзившая тело молния сотворила с внутренними органами. Он хотел верить Ханне, что Энни так и не узнала, что ее убило.

Ханна вернула кресло к изножью кровати. Давид обхватил голову руками, не в силах больше плакать. Он слышал, как Ханна

поправляет простыню и бережно укрывает Энни, будто та еще жива. Этот жест поразил его теплотой и заботой.

Когда Ханна выкатывала кресло из морга, он начал невнятно благодарить ее.

— Жаль, что я ее не знала, — сказала медсестра.

* * *

Рэйфорд рассказал Бизону, Хлое и Циону о событиях прошедшей ночи, так что, когда на рассвете его поднял телефонный звонок, он решил, что это кто-то из них. Потянувшись к мобильнику, он понял, что звонит телефон мотеля. Кто бы это мог быть? Он не давал никому своего номера. И как ему представиться, как Рэйфорд Стил или как Марвин Берри?

В конце концов он решил не представляться.

— Алло.

— Рэй! — заявила Хэтти. — Это я, я проснулась, встала, помираю с голода и хочу лягнуть дальше. А ты?

Он застонал и взглянул на соседнюю кровать. Альби спал.

— Ты что-то какая-то слишком бойкая, — сказал он. — Я сплю, я в постели, я не хочу есть и нет смысла вылетать сейчас и прилететь в Канкаки затемно. Мы все равно сможем влететь в убежище только ночью.

— Ну Рэйфорд! Мне скучно! И вообще я мертвая, забыл? Мне нужны новые документы, а так я свободна, как никогда раньше, и все благодаря тебе. Как насчет позавтракать?

— Нам не стоит светиться на публике.

— Ты что, сейчас опять заснешь?

— А я и не просыпался.

— Ну серьезно!

— Видимо, нет. За стенкой кто-то расшумелся.

Она постучала в стену.

— И буду шуметь, если со мной не сходят позавтракать.

— Ладно, покойница! Дай мне двадцать минут.

— Жду у тебя под дверью через пятнадцать.

— Значит, подождешь еще пять.

К счастью, душ и возня не разбудили Альби. Рэйфорд выглянул в окно — никого и ничего. В замочную скважину он увидел, как Хэтти потягивается на солнце — как раз на границе света и тени от галереи второго этажа. Выглянув из-за занавески, он снова убедился, что больше вокруг никого нет.

Стоило Рэйфорду выйти, как Хэтти буквально повисла на нем.

— Дай! Дай посмотрю! — Она всмотрелась в его лицо. — Твою я вижу, значит, и ты мою видишь, так?

Глаза долго привыкали к солнцу, но, когда Хэтти оттащила его в тень у стены, он понял. Колени подкосились, и он чуть не упал.

— О, Хэтти! — Он потянулся к ней. Она стиснула его в объятиях так крепко, что пришлось отстраниться, чтобы вдохнуть.

— А у меня такая же, как у тебя?

— Откуда же я знаю? — рассмеялся Рэйфорд. — Свою-то не видно. Но у тебя такая же, как у всех, кого я видел. Да, ради этого стоит и Альби разбудить.

— Он там в приличном виде?

— Да, а что?

— Тогда дай я.

Рэйфорд отпер дверь, и Хэтти ворвалась внутрь.

— Эй, соня, вставай.

Он не шевельнулся.

Хэтти плюхнулась на его кровать и начала прыгать на ней. Альби застонал.

— Давай, давай! Солнышко светит, птички поют!

— Что? — Альби сел. — Что стряслось?

— Больше ничего такого не стрясется! — объявила Хэтти, обхватила его лицо ладонями и посмотрела прямо в сонные глаза. — Это я просто хвастаюсь печатью!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Бизон проснулся на рассвете и обошел убежище. Он улыбнулся, заглянув в берлогу Зики, и порадовался, что это закрытое помещение. Парень работал допоздна: обживался, подключал и настраивал технику — и теперь оглушительно хрюпал... на полу рядом с кроватью. Каждому свое...

Лия свою дверь закрыла и заперла: поздно ночью ей позвонила Минь Той, которая боялась за семью: родители заявили, что останутся в Новом Бавилоне, пока Чан не устроится в МС.

Хлоя тоже долго не спала. Уже уложив Кенни, она занялась делами кооператива: призвала десятки тысяч братьев ждать следующего послания Циона — о том, как важно быть готовым к эдикту о купле-продаже. Еще рабби планировал отправить добровольцев водителей и пилотов на маленьких самолетах с секретным заданием в Израиль.

Оставшиеся два члена отряда уже пронеслись и работали. Хаим сгорбился над грудой книг, врученных ему Ционом. Когда Бизон заглянул в комнату, он поднял голову — его глаза блестели. Бизон понимал его речь лучше остальных.

— Мисс Роуз, рыжая дама, — сказал Хаим.

— Лия?

— Да-да. Она ведь квалифицированная медсестра, так?

Бизон кивнул.

— Она говорит, что может снять шину, когда я буду готов. Так вот, я более чем готов. В моем возрасте нелегко терять вес с такой скоростью. И я соскучился по членораздельной речи.

— А как дела в остальном?

— Ты о моем теле? Я старик, я выжил в авиакатастрофе, на что же жаловаться? Кэмерон, этот дом — дар Небес. Он роскошен! Если уж придется скрываться от мира, то это лучшее убежище! А эти книги, что дал мне мой мальчик... Понимаешь, я зову его мальчиком, потому что когда-то учил его — ну, да ты знаешь. Порой, Кэмерон, я вижу в Писании зеркало, отражающее уродливую правду. Оно снова и снова показывает мне мою разрушенную душу. И я радуюсь спасению. Моему спасению. История Бога и Его народа встает передо мной как живая.

— Вы не забываете, что нужно что-то есть?

— Я не ем, я пью. И спасибо за напоминание. Сейчас я утоляю жажду истиной Господней.

— Так держать!

— Непременно. Кстати, Цион искал тебя. Нашел?

— Нет, я как раз иду к нему.

Бизон поднялся на этаж. Доктор Бен-Иегуда что-то вдохновенно набирал на компьютере. Бизон не хотел мешать, но рабби, видимо, услышал его. Не отрываясь и не замедляя работы, он сказал:

— Кэмерон, это ты? Сегодня столько работы, буду сидеть тут весь день. Настали темные времена, но мне радостно: пророчество сбывается просто стремительно. Видел, что тут устроил юный Зики? Золотые руки!

Бизон огляделся: теперь Цион работал не только на основном компьютере, но и на двух ноутбуках. Машины были объединены в сеть.

— Больше не нужно переключать оконки! — воскликнул Цион. — Писание на одной машине, комментарии на другой. А послание — посередине!

— Рады, что снова пишете?

— Ты себе не представляешь!

— Тогда не буду мешать.

— Нет-нет, Кэмерон, подожди! Ты мне нужен.

Рабби закончил и вывел документ на печать. Принтер начал выплевывать страницы, Цион крутанулся в кресле.

— Присядь, пожалуйста! Будешь моим первым читателем сегодня.

— Почту за честь, но...

— Только сначала скажи. Есть новости от братьев и сестер?

— Немало. Давид Хассид с нами не связывался с воскресения Карпати, знаю только, что они говорили с Рэйфордом.

— И что ты узнал?

— Рэй и Альби не могли с ним связаться — им нужна была помощь, чтоб вытащить Хэтти из лап МС. В последний момент он, видимо, получил их сообщения: нужное они получили, и операция удалась.

Цион кивнул, поджимая губы.

— Хвала Господу, — тихо сказал он. — Ее привезут сюда?

— Да, сегодня ночью. После захода солнца все трое должны быть тут.

— Буду молиться об их безопасности. И конечно же, надо продолжать молиться о ней. Господь возложил на меня бремя заботы об этой женщине.

Бизон покачал головой.

— И на меня, Цион, но если и бывают безнадежные случаи...

— Безнадежные? Кэмерон! И ты, и я были безнадежны. Все мы такими были! Вспомни Хайма — сколько мы умоляли его... кто мог поверить, что он обратится к Царству Божию? Не я, уж точно. Не отворачивайся от мисс Дюрхем!

— Я не отворачиваюсь.

— Богу все возможно. Ты приглядывался к этому юноше, которого ты привез вчера?

— К Зики? Конечно.

— Мальчик явно был не из религиозных. Он славный, он сообразительный! При этом он застенчив, неловок и необразован. Почти безграмотен. Но добрая и чуткая душа, готовая к служению, и блестящий ум. У него ушло бы оставшихся три с половиной года на одну единственную книгу из тех, что Хаим проглотит еще до завтра, но при этом он столько знает о технике, сколько мне за всю жизнь не выучить.

Бизон хлопнул ладонями по коленям и начал подниматься.

— Ну не буду вам мешать.

— Да нет же, ты не мешаешь! Это мой болтливый язык мне мешает. Если ты сегодня не очень занят, мне бы пригодилась твоя помощь.

Бизон сел обратно, и Цион вручил ему стопку распечаток.

— Осталось еще много страниц, но мне нужно первое впечатление. Не хочу рассыпать текст, пока не буду уверен, что с ним все в порядке.

— С вашими посланиями всегда все в порядке, Цион. Но я буду рад стать первым читателем.

— Тогда приступай! Постараюсь подкидывать новые без задержек. А если я снова начну болтать, не стесняйся меня воспитывать.

«То еще будет зрелище», — подумал Бизон. Он выровнял листки и начал читать. Время от времени Цион допечатывал несколько страниц, и Бизон доставал их из принтера, не отрываясь от текста. Он читал сидя, вставал, ходил по комнате — и не переставал благодарить Бога за чудесный дар — Циона Бен-Иегуду и его удивительную мудрость.

Кому: Возлюбленным святым Скорби, рассеянным по четырем сторонам света. Верующим в единого истинного Бога Иегову и Его единородного Сына Иисуса Христа, нашего Господа и Спасителя.

От: Раба вашего Циона Бен-Иегуды, кое-го Господь благословил обязанностью и несказанной честью обучать вас, согласно наставлениям Духа Святого и Библии, истинного Слова Божия.

Тема: Начало Великой Скорби.

Дорогие мои братья и сестры во Христе.

Как это часто бывает, я пишу вам, одновременно радуюсь и скорбя. Внутри меня ликование и горе. Простите мне задержку со времени последнего послания и благодарю каждого, кто беспокоился обо мне. Мои друзья и я живы и здоровы и воздаем хвалу Господу за новый штаб. И я не устаю благодарить Бога за чудеса технологий, позволяющие мне обращаться к братьям по всему миру.

Хотя с большинством из вас мы не виделись воочию — и я жду с нетерпением встре-

чи, будь то на небесах или в Царстве Господнем на земле, — мне кажется, что беседы о глубоком смысле Писания уже сплотили нас в одну семью. Благодарю вас за непрестанные молитвы. Они дарят мне духовные и физические силы следовать моему призванию, пока Господь наполняет мою грудь воздухом. Я попрошу всех, кто вызвался перевести мои слова на языки, которых нет в автопереводчике, начать работу немедленно. Я не мог писать несколько дней, и, думаю, это послание будет длиннее обычного. Как обычно, я прошу распространять бумажные копии там, где компьютер недоступен. Друзья, я не беру гонораров за распространение своих текстов, но, пожалуйста, передавайте их слово в слово, без искажений.

Слава Господу за добрую весть: количество читателей сайта давно перевалило за миллиардную отметку — и это не считая наших братьев и сестер, у которых нет компьютеров. И хотя Мировое Сообщество отрицает эти данные, мы верим в них. Каждый день к нам приходят сотни тысяч новых людей, и мы молимся, чтобы о нашей семье узнавало все больше народу.

Мы успели через многое пройти вместе. Не хвастаясь, но воздавая хвалу Всевышнему, я скажу: с тех пор, как я взял на себя труднести Слово Истины, Господь не раз открывал мне, что подлинный автор моих слов — Он.

Богословы веками бились над таинственными пророчествами Библии, и я сам когда-

то принадлежал к ним. Язык казался запутанным и неясным, смысл — иносказательным, символом. Но когда я приступил к изучению этих текстов с открытой душой, Господь как будто открыл мне нечто, освободившее мой разум.

Я выяснил — строго научными методами, — что почти тридцать процентов Библии (если брать Ветхий и Новый Завет вместе) составляют пророчества. И я не вывел иного объяснения этому, кроме очевидного: Бог хотел, чтобы Его дети Его поняли.

При этом если пророчества о приходе Мессии были достаточно ясны — и привели меня к однозначному выводу, что все они указывают на Иисуса, то после мне пришлось молить Господа, чтобы Тот указал мне ключ к пониманию остальных пророчеств. И ключ был мне дарован, чтобы не сказать больше. Господь запечатлел в моем разуме простую истину: пророчества надо понимать так же буквально, как и другие библейские тексты, если только контекст не указывает на обратное.

Иными словами, если я всегда буквально понимал слова «возлюби ближнего, как самого себя» и «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», то почему бы точно так же не понять слова Иоанна о бледном коне. Да, я понимал, что конь — это символ. Но в то же время Библия гласит, что Иоанн его видел. И я решил понимать это буквально, как и все прочие пророческие утверж-

дения, если там только не указывалось, что это сравнение или иносказание.

Дорогие друзья, Писание открылось мне, как никогда раньше. Именно так я понял, что нас ждут великие казни Печатей и Труб, так я узнал, какую форму они примут и в какой последовательности произойдут.

Так я знаю, что нас ожидают казни Чаш и что тяжесть их будет расти и не сравняться с тем, что нам довелось пережить. Так мне открылось, что все эти болезни и испытания — не просто наказание неверующим грешникам. Я понял, что время Скорби — это еще и свидетельство Великой Скорби, любви и милосердия Господних.

Братья, мы перешагнули рубеж. Дорогие скептики, я знаю, многие из вас заглядывают сюда, чтобы посмотреть, чем занимаемся мы, фанатики. Так вот, мы пересекли черту вежливости и поклонов. До этого момента, прямо толкая Писание, я все-таки умалчивал о нынешних правителях мира.

Отныне это не так. Поскольку сбылось каждое из библейских пророчеств, поскольку мы видели владыку, проповедующего мир, но несущего меч, поскольку мы видели, как он погиб от меча и был воскрешен, как предсказывали пророчества, поскольку его ближайший помощник был наделен таким же темным могуществом, сомнений больше быть не может.

Николае Карпати, его самозваное святейшество и Великий потентат Мирового

Сообщества, — не только антихристианин, но и сам Антихрист. И Библия говорит нам, что в тело воскрешенного Антихриста вселился сам сатана. Леон Фортунато, воздвигший изваяние Антихриста, а теперь заставляющий всех поклоняться ему под страхом смерти, — это лжепророк Антихриста. Как и предсказывала Библия, он наделен даром слова и способен призывать огонь на головы тех, кто не желает поклоняться ему.

Что же нас ждет? Вспомним пророческий отрывок из Откровения 13: 11—18:

«И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их и что никому

нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Близок день, когда всех заставят поклоняться идолу Карпати и носить его имя или номер на лбу или правой руке, или принять последствия своего отказа.

Каковы эти последствия? Люди, не носящие то, что Библия зовет знаком зверя, не смогут официально покупать и продавать. Если человек публично откажется носить знак, его обезглавляют. И хоть величайшее мое желание — дожить до Пришествия во славе Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа по окончании Великой Скорби (а до него осталось чуть меньше трех с половиной лет), есть ли более великая цель, чтобы пожертвовать ради нее жизнью? Может, миллионам из нас предстоит пройти это испытание. И хотя оно будит в нас древние инстинкты самосохранения и мы страшимся, что в час испытания нам не хватит смелости, верности и веры, не бойтесь! Господь, призывающий вас к вашей жертве, наделит вас и способностью вынести ее. Никто не может получить знак случайно. Это сознательное и бесповоротное решение, которое навеки разлучит вас с Богом.

Уделом многих станет жизнь в подполье, взаимовыручка через частные рынки. Но многих схватят, опознают и публично предложат

выбор: казнь или отречение от Христа и знак зверя.

Хвала Господу, если вы уже верите, вы не отвернетесь от Христа. Но если вы сомневаетесь и не хотите следовать за толпой, какой выбор вы сделаете? Сегодня я умоляю вас поверить, принять Христа, получить защиту свыше.

Начнется самая кровавая эпоха в истории человечества. Принявшие знак пострадают от руки Господа. Отказавшиеся от знака станут мучениками во имя Божье. Никогда еще выбор не был таким простым и суровым.

Сам Господь дал мне наставление временем. Матфей (24: 21—25) передает слова Иисуса: «Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира и доныне не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос или там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лже-пророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам».

Из всех периодов общения Господа с человечеством этот — самый короткий. И все же ему посвящена значительная часть Писания, больше говорится лишь о Христе. И хотя еврейские пророки называют это время «отмщением» Бога за всех святых и пророков, умерщвленных во все времена, это также и время милосердия. Бог идет на крайние

меры, чтобы люди могли быстрее принять решение — успеть до прихода Христа и Царства Божия на земле.

Хотя нет сомнения, что настали самые страшные времена за всю историю, я настаиваю, что это акт милосердия Божьего. Господь дает каждой человеческой душе шанс обратиться ко Христу. Братья и сестры, мы армия Господня, и в короткий срок нам предстоит сделать многое. Так пусть же нашему труду сопутствуют рвение, старание и смелость, что приходят лишь свыше. Вокруг бесчисленное множество душ, нуждающихся во спасении, а нам указан путь к нему.

Трудно увидеть милосердие Господа, когда Его гнев тоже усиливается. Горе тем, кто считаем, что Бог — это только любовь. Да, Бог есть любовь, и то, что Он отдал Иисуса в жертву за наши грехи, — величайшее тому свидетельство. Но Библия гласит также, что Господь «свят, свят, свят». Он праведен, и Он вершит правосудие, и не в Его природе оставлять грех без наказания и расплаты.

Мы всем миром вовлечены в великую битву с самим сатаной за человеческие души. Не думайте, что я так легкомысленно выхожу в первые ряды нашего воинства, не понимая, как силен наш враг. Но я уповаю на Господа, восседающего высоко в небесах, на Господа, Который превыше любых других богов, среди коих нет равного Ему.

В Писании явно сказано: можно проверить и пророка, и пророчество. Я не пре-

тендую на роль пророка, но я верю пророчествам. Если они лживы и не сбудутся, то я лжец, Библия — фикция и надежды у нас нет. Но если Библия говорит правду, то в ближайшем будущем Антихрист осквернит Иерусалимский храм. Это предсказывали и Даниил, и Иисус, и Павел, и Иоанн.

Мои братья и сестры, в чьих жилах, как и в моих, течет иудейская кровь, — содрогнувшись, узнав, что святотатцы заколют свинью на священном алтаре. Ритуал включит в себя хулу на Господа и Мессию и отрицание Воскресения.

Если вы принадлежите к иудейской вере и еще не уверовали, что Иисус Христос из Назарета — Мессия, если вас обманула ложь Николае Карпати, то, возможно, вы измените свое мнение, когда он нарушит договор с Израилем и отменит гарантию неприкословенности страны.

Впрочем, «любимчиков» он не заводит. Он не только предаст евреев, но и будет убивать христиан.

Если сказанного не произойдет, назовите меня еретиком и безумцем и обратитесь за надеждой от Святого Писания к другим источникам.

Благодарю вас за терпение и за благословенную возможность снова обратиться к вам. Позвольте закончить мое послание каплей надежды. В следующий раз мы обсудим различие между Книгой Жизни и Книгой Жизни Агнца и значение этих книг для нас с

вами. Пока же я прошу вас помнить: если вы уже уверовали, если свои надежды вы связываете лишь с Иисусом Христом, если вы уповаёте на прощение грехов и жизнь вечную, то имя ваше занесено в Книгу Жизни Агнца.

И ничто не сотрет его оттуда.

Благословляю вас, братья и сестры, именем Иисуса Христа. Да благословит и да хранит Он вас и да воссияет Его лик на вас и да дарует он вам мир!

Когда Бизон оторвался от текста, у него на глазах были слезы. Цион, к его удивлению, успел тихо выскользнуть. Писание рабби было длинным, но Бизон знал: остальные читатели так же жаждут правды, как и он, и будут ловить каждое слово. Разница между Книгой Жизни и Книгой Жизни Агнца... Он ни разу не слышал о последней, и ему уже не терпелось узнать больше.

Бизон встал и потянулся, не выпуская из рук распечатки. Выходя из комнаты, он увидел записку на двери: «Кэмерон, я буду рад любым замечаниям. Если ты считаешь, что сойдет, пожалуйста, нажми «Ввод», чтобы загрузить текст на сайт».

Простая вспомогательная задача, но Бизон воспринял ее как огромную честь. Он метнулся к компьютеру Циона, повозил мышью, чтоб согнать с экрана картинку, и с огромным удовольствием нажал клавишу, отправляющую слова Циона широкой аудитории.

* * *

По пути к Палуоки Рэйфорд подменил Альби за штурвалом. Альби пришлось в этот раз поработать и «летуном» и «вруном», и обе работы были не из легких. Обманывать врага — это всегда игра на пределе возможностей, а пока Давид не выправит Рэйфорду звание, личный код и форму, ходить по проволоке придется одному Альби.

Впрочем, вышло все к лучшему: будь Рэйфорд свободен, Хэтти выболтала бы ему весь мозг. Ему и так пришлось услышать большую часть, но он был благодарен уже за то, что следил за приборами и не обязан был смотреть на нее в меру энергичную собеседницу.

Он неимоверно радовался за нее. Более того, он был рад за весь отряд и не мог дождаться, когда же сообщит всем новость и увидит их лица. И сам он, и остальные уже не раз готовы были махнуть на Хэтти рукой.

Альби сам делал только первые шаги в вере и не мог многому научить ее, но Хэтти снова и снова заставляла его рассказывать о жажде Библии, которую Господь похоже поместил в его сердце.

— Я не знаю, есть ли во мне такое, но мне точно интересно! А у тебя тут Библии нет?

Библия Рэйфорда осталась в убежище с прочими вещами. Альби ответил было отказом, но вдруг вспомнил:

— Есть! В ноутбуке!

Хэтти обрадовалась, но ненадолго: Библия оказалась на арабском.

— М-да, вот если бы я тут что-то поняла, это было бы настоящее чудо.

— Есть чего дожидаться, — хмыкнул Альби, потерпев неудачу с автопереводчиком.

— Угу, в том числе. Альби, знаешь, я там перед многими должна извиниться как следует.

— Да?

— Да. Я прямо не знаю, с чего начать. Если бы ты только знал!

— Когда-то, — ответил Альби, — я был опнул от любопытства. Капитан Стил подтвердит: в торговцах черного рынка есть что-то от патологических сплетников. Мы помалкиваем, но просто обожаем слушать. Но ты знаешь, сейчас мне не очень интересно, как ты обижала тех, кто тебя так любит.

— А мне тоже не хочется рассказывать.

— Будем надеяться, что твои новые братья и сестры тоже предпочтут промолчать. Один мудрый человек как-то сказал мне, что извинение должно точно указывать на вину, но теперь, поверь, я не уверен, что он прав. Если твои друзья знают, что ты сожалеешь и раскаиваешься, что твое извинение — не пустые слова, то я думаю, они простят тебя.

— И не заставят меня повторять все это, чтобы убедиться, что я понимаю, что натворила?

Альби дернулся головой и притворился, будто думает.

— А это не похоже на второе рождение, как доктор Бен-Иегуда его описывает, а?

Хэтти помотала головой.

— Это как сыпать соль на раны, вот на что это похоже.

Зазвонил телефон Рэйфорда. Судя по номеру, звонок был из Колорадо.

— Да!

— Мистер Берри? — Голос Стива Планка трудно было не узнать.

— Это я.

— Я надеюсь, вы сохранили мою анонимность относительно нашей дорогой усопшей?

— Безусловно, мистер Стивенс. Полагаю, звонок не прослушивается?

— Конечно.

— Тогда я рад сообщить вам, что она воскресла из мертвых — как физически, так и духовно.

Молчание.

— Вы поняли, Пинкerton?

— У меня нет слов, а для меня это новое ощущение. Вы серьезно?

— Так точно.

— Ух ты! Лучше не говорите ей все-таки, кто я, но передайте поздравления и добро пожаловать в семью!

— Будет сделано.

— У меня тоже хорошие новости. Я доложил начальству о печальном происшествии и получил распоряжение избавиться от тела и прислать заключение о смерти. Я спросил, куда девать тело, и так понял, что им до этого

дела нет. У них там и без нас хватает трупов, так что нам повезло.

— Знаете, в чем ирония, Пинкerton?

— В чем?

— МС уже как-то раз выдавало ее за покойницу.

— Да, слышал. У нее и впрямь девять жизней.

— Ну не меньше трех уж точно. И теперь у нее есть все, что ей нужно.

— Аминь, и вас понял. Не пропадайте.

В воздушном пространстве Канкаки Альби вызвал вышку. Представившись командующим Эльбазом, он запросил разрешение на загрузку тела в вертолет — для « дальнейшей транспортировки ».

— Командующий, у нас нет персонала, чтобы вам помочь.

— И не надо. Причина смерти не установлена, это может быть заразно.

— На борту вы, мистер Берри и тело?

— Так точно. Бумаги заполнены международной службой.

— Считайте, дело на мази... ой, минуту, командующий. Мне тут напомнили: вам посылка из Нового Вавилона.

— Посылка?

— С грифом «конфиденциально» и «совершенно секретно». Тяжелая, под двести фунтов.

— Можете доставить к вертолету?

— Посмотрю, что мы можем сделать. Если найдем свободного человека и подъемник — может, мы ее погрузим.

— Буду благодарен.

Полчаса спустя Рэйфорд и Альби уже переносили Хэтти на носилках под простыней.

— Тут кто-то есть? — шепнула она.

— Нет, но тише, — ответил Рэйфорд.

— Мне нужна новая легенда. Эта устаревает.

— Заткнись, а то уроню, — сказал Альби.

— Не уронишь!

Он притворился, что бросает свой конец носилок, и Хэтти вскрикнула.

— Вы двое нас всех угробите, — проворчал Рэйфорд.

Погрузив «тело», Рэйфорд наказал Хэтти не высовываться, пока они не взлетят. Он снова сел за штурвал: он знал дорогу, к тому же Альби раньше не приходилось сажать вертолет в развороченный небоскреб.

Прежде чем Рэйфорд взлетел, Альби повернулся назад, перегнулся через Хэтти и начал отстегивать носилки и вскрывать коробки, пока на свет не появились пульверизаторы с черной краской. Шуршание упаковки заставило Хэтти спросить:

— Что ты делаешь?

— Расчищаю люк, чтоб Рэйфорд тебя сбросил, если будешь плохо себя вести.

* * *

Прошел целый день, и Давид почувствовал себя достаточно хорошо для выписки. Ханна зашла сменить повязку.

- И как мы себя чувствуем?
- Сестры всегда так обращаются к больным, да?
- Нас так учат.
- Физически уже в сто раз лучше.
- Не торопись!
- У меня куча сидячей работы, Ханна!
- И куча дел, которые нужно быстро переделать. Притормози.
- Вот еще!
- Ради Энни!
- Туше.

Сменив повязку, Ханна приложила ладони к его вискам.

— Прости, Давид, я не хотела быть жестокой. Я понимаю, что у тебя разбито сердце. Но если ты будешь пережидать боль, то ты ничего не успеешь сделать.

Он сокрушенно кивнул.

— Ты справишься, Давид, — продолжала Ханна. — Сейчас это звучит как пустые слова, но я тебя уже немного знаю, так что я уверена.

В нем такой уверенности не было, но Ханна старалась помочь.

— Я тут подумала, — добавила она.

Ох...

— Хорошо, хоть кто-то этим озабочился.

— Понимаешь, я ведь работала помощницей ветеринара, когда готовилась в сестры.

Давид взметнул бровь.

— Сейчас будет шутка про меня как пациента?

— Нет, я не шучу. Просто у нас была одна услуга: мы вживляли животным биочипы, чтобы их можно было найти и опознать.

— И что?

— А разве МС сейчас не то же самое собирается сделать со всеми?

Он кивнул.

— Ну а я в этом вроде как разбираюсь, и теперь ты это знаешь.

— Ханна, похоже, на меня еще лекарство действует. Объясни попроще.

— Ну, они ведь наверняка будут тренировать людей на местах делать эти инъекции и разошлют экспертов, чтобы проводили обучение.

Он пожал плечами. Наверное. И что?

— Похоже на синекуру — мир посмотреть. Хочешь рекомендательное письмо?

Она вздохнула.

— Будь ты здоров, я бы тебе врезала. Можешь мне довериться хоть немного? Думаешь, я хочу учить людей накладывать знак зверя? Или смотреть, как они это делают? Я ищу способ сбежать отсюда, не вызывая подозрений. Хочешь попасть в горячую десятку врагов Карпати?

— Нет.

— Тогда иди к Вив Айвинз и предложи ей услуги твоих пилотов и сестры с опытом введения биочипов. Отправь нас куда-нибудь — ну, сам придумай. Ты же у нас умный. Я просто кидаю идеи наобум.

— Нет, погоди. Продолжай, я слушаю.

— Ну, сажаешь нас в один самолет, какой-нибудь побольше и подороже: чем больше ложь, тем в нее приятнее верить. А потом грохни этот самолет где-нибудь над океаном. Чтобы трупы не искали — слишком много мороки. Мы отделяемся от эмэсовцев и потихоньку присоединимся к твоим друзьям.

— Мне нравится.

— Подлиза!

— Нет, правда нравится. По-моему, гениальный план.

— Ну хоть какая-то мысль...

— Отличная мысль. Давай обсудим с Маком и Абдуллой. Уж если они тут дырок не найдут...

— Уже обсудили. Им нравится.

— Мне ты что-нибудь оставила, или ты можешь и весь дворец лечить, и мою работу делать?

Она закусила губу.

— Я просто пытаюсь помочь.

— И помогаешь.

— Мы же оба знаем, что я не могу делать твою работу. Никто не может. Я про то и говорю, что тебе надо направить свое горе в полезное русло ради Энни. Другого пути нет. Мак говорит, для отряда ты самый главный козырь после доктора Бен-Иегуды.

— Да ладно!

— Давид, ну сам подумай! Посмотри, сколько ты сделал. И это не обязательно пропадет, когда мы сбежим, если ты найдешь способ управлять всем на расстоянии.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

* * *

Когда у Бизона зазвонил телефон, он решил, что это Рэйфорд — сообщить, что они с Альби и Хэтти на подлете. Но это оказался Мак МакКаллам.

— Да, Мак! — Он поднял руку, призывая остальных к молчанию. Услышав новости, Бизон сел. — О нет. Нет. Ужасно... Господи... И как он? Скажи, мы все с ним, ладно? — У Бизона скривилось лицо — он с трудом сдерживал слезы.

— Спасибо, что сказал, Мак.

— Что там, Бизон? — обрушилась на него Хлоя. — Что случилось?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Прости, Рэйфорд.

Хэтти положила ладони ему на плечи, пока он вел вертолет над Чикаго. Альби рядом задремал. Рэйфорд снял один наушник, чтобы слышать ее, и ее руки соскользнули на спинку кресла.

— Я волнуюсь, как меня примут.

— Шутишь? Как минимум трое будут просто счастливы.

— Я им столько плохого сделала?

— Это в прошлом.

— Но мне надо извиниться. Я даже с тобой не знаю, откуда начать. Я устроила эту ложь насчет Аманды, заставила тебя усомниться...

— Но ты сама рассказала, Хэтти.

— Но так и не попросила прощения. А слова — это такая малость по сравнению с делами...

— Не скажу, что мне было легко, — сказал он. — Но давай оставим это в прошлом.

— Ты сможешь?

— Не сам.

— Хлою я просто вывела из терпения.

— Я тоже, Хэтти. И я это заслуживал.

— Она тебя простила?

— Конечно. Любовь все прощает.

Хэтти замолчала, но Рэйфорд чувствовал, как ее ладони давят на спинку кресла.

— Любовь все прощает, — протянула она, будто примеряя слова на себя.

— Это из Библии. Первое послание к Коринфянам, глава 13.

— Не знала, — сказала она. — Но, надеюсь, быстро выучусь.

— Хочешь еще цитату? Я наизусть не помню, но это из Нового Завета, слова Иисуса. Он говорил: если мы прощаем других, то и Господь простит, а если не прощаем, то и сами прощения не получим.

Хэтти хихикнула

— Нас взяли на мушку, да? Выбора не оставили.

— Вроде того.

— Слушай, может, мне найти этот стих и выучить? А потом остальным цитировать: пусть срочно меня прощают, а то им же хуже будет.

Рэйфорд обернулся к ней, подняв бровь.

— Шучу, шучу, — сказала Хэтти. — Только... как думаешь, они этот стих знают?

— Цион наверняка знает, да еще и на десятке языков.

Она снова замолчала. Рэйфорд нашел вдали башню Стронга и тихонько пожлопал Альби по колену:

— Просыпайся, друг, посмотришь.

— Мне страшно, — сказала Хэтти. — Я раньше радовалась, а теперь — не знаю...

— Положись на них, — заверил ее Рэйфорд. — Увидишь.

Он набрал телефон Бизона и вручил мобильник Хэтти.

— Скажи Бизону, следующий шум, что он услышит, будем мы.

* * *

Бизон рассказал Хлое об Энни и собрал остальных, чтобы рассказать им. Никто не знал девушку лично, но Цион, Бизон, Хлоя и Лия достаточно общались с Давидом, чтобы ощутить его потерю... Хаиму и Зики рассказали об Энни, потом все вместе помолились за Давида, Мака и Абдуллу. Зики попросил, чтобы они помолились и за его отца.

— Не знаю, куда его забрали, но я знаю батю — он точно не будет оказывать содействие и все такое.

— Давид сказал, они собираются опровергнуть знак на заключенных.

— Да батя лучше помрет!

— Может, так и случится.

— Десять к одному, что он парочку ихних с собой прихватит! — сказал Зики.

Телефон снова зазвонил, к облегчению Бизона. Хлоя взяла трубку.

— Хэтти? Вы где там?.. Так близко? Ладно, скоро увидимся... Да, мы слышали, что папа с Альби. Нашли там... э... союзника. Тебе стоит быть благодарной, что на тебя потратили столько времени, средств и сил... и я надеюсь, ты представляешь, как они все рисковали. Я не жестокая, нет, я просто... Хэтти, не лей слезы, это не подействует. Я тебя слишком хорошо знаю. Наше старое убежище сгорело из-за... Да, поговорим, когда будешь тут... Конечно, мне не все равно, но не всем же быть такими добренькими, как папа. Нас стало больше, равновесие удерживать труднее. Даже в таком большом убежище жить вместе нелегко. Особенно с людьми, которые свои нужды ставят выше всего... Ладно. Хорошо. Увидимся через минуту.

Хэтти захлопнула мобильник и сунула его Рэйфорду.

— Я так понимаю, это был не Бизон, — сказал он.

— Она меня ненавидит, — всхлипнула Хэтти. — Это была плохая идея. Надо было оставить меня как есть, и пусть бы меня отправили в Буфер. Я бы долго не протянула, зато попала бы на небо.

— Может, стоило дать тебе покончить с собой, а? И где бы ты тогда была?

— Хлоя меня ни за что не простит. И я ее не виню, я это заслуживаю.

Рэйфорд услышал, как Хэтти отшатнулась назад и что-то пробормотала.

— Что? Не слышу! — он подводил машину к башне.

— Говорю, если бы я была на ее месте, я бы все то же самое сказала.

* * *

Ханна Пэйлмун сменила тип повязки. Теперь туго наложенный бинт закрывал выбритую часть головы, но не трогал волосы. Так, по словам сестры, повязка не давала швам разойтись, но уже не мешалась под подбородком.

В целом он чувствовал себя нормально: боль почти стихла, оставался только зуд, с которым приходилось мириться. Все, что он мог, — это легонько придавливать кожу у краев повязки, но до снятия швов оставалось еще два дня, так что приходилось осторожничать.

Зато фуражка снова налезала. Он заскочил к себе, сменил форму, глянул в зеркало и понял, как нелепо выглядит. Молодому брюнету семитской внешности форма старшего офицера МС необычайно шла, но, изучая свое отражение, он задумался: нацисты из исторических фильмов тоже щеголяли стильной формой. Может, и среди них были те, кто ненавидел свастику, как он не-

навидит эмблему МС? Как же он хотел отдельаться от ненавистной униформы... и ждать оставалось уже недолго.

Давид замер у двери. Ему было лучше, но выздоравливающий организм быстро уставал. Часть его хотела лечь и не шевелиться еще часов двенадцать — просто лежать, переживать свое горе и плятиться впустоту. В уверениях Ханны, что Энни не страдала ни секунды, было небольшое утешение. Но почему та же сила, что сожгла ее нервную систему и жизненно важные органы, не уничтожила в нем той жажды, которую теперь ничто не утолит? Ни одна молния в мире не способна была сжечь такую любовь.

Давид склонил голову и взмолился о силе. Будь у него хоть пара месяцев, он мог бы позволить себе переждать боль день-другой. Но даже того времени, что у него было, катастрофически не хватало.

«За Энни!» — подумал он и отправился к себе в кабинет. И он будет напоминать себе об этом каждый раз, чтобы двигаться вперед.

Попытке скрыть воспоминания об Энни в потаенной, священной части сознания не особенно помогла встреча с Вив Айвинз в коридоре.

— Нам надо поговорить, — проскрипела она с сильным румынским акцентом. — У меня или у вас?

Давид обрадовался, что она не приветствовала его стандартным «Он воскрес», на что они с Маком, Абдуллой и Ханной реши-

ли отвечать «Воистину воскрес», имея в виду Христа. Возможно, Вивиан решила наплевать на этикет, потому что формально она не работает здесь в Мировом Сообществе. Она даже не носила униформу, хотя ее строгие костюмы, туфли на низком каблуке и тугой пучок голубовато-седых волос сами по себе были униформой.

Позволить Давиду принять ее на своей территории было необычным шагом с ее стороны: хотя официальной должности у мисс Айвинз не было, все знали, что она что-то вроде дочки босса. Точнее, в этом случае — тетушка босса. Насколько было известно, кровного родства с Карпати у нее не было, но владыка ясно дал всем понять: Вив Айвинз — самый близкий ему человек. Друг семьи, тетя Вив, которая с самого начала помогала покойной чете Карпати растиль маленького Николае.

Серый кардинал без титула, она никогда не превозносилась над другими открыто. О ней просто знали. Если она чего-то хотела, она это получала. Если она отдавала распоряжение, его исполняли. Ее слово имело не меньший вес, чем слово самого Карпати, и ей не приходилось самоутверждаться. Она воспринимала свою власть как нечто само собой разумеющееся, и так же к ней относились прочие.

— Прошу вас, входите, — сказал Давид. Его самолюбию льстило, что особа, приближенная к Карпати, сидит в его кабинете, в паре метров от компьютера, который мешает всем планам потентата.

Помощница приветствовала его со встревоженным видом.

— Доброе утро! — Давид хотел пройти мимо, но она окликнула его:

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше. Спасибо, Тиффани.

Увидев гостью, Тиффани вскочила:

— Мисс Айвинг.

Вив коротко кивнула. Давид пропустил ее в кабинет, и она дождалась, пока он закроет дверь и выдвинет ей кресло. Его подмывало спросить: «У вас рука сломана?» — но в том, как она принимала его услуги, было что-то не менее феминистическое, чем в отказе от подобных привилегий.

— Я слышала, вы сказали, что вам лучше. — Она раскрыла папку и достала карандаш. — Так что на эту тему распространяться не буду. Полагаю, вы в состоянии пережить тот неприятный инцидент с его святейшеством?

— Когда меня вырвало на владыку мира? — Ему удалось заставить ее скривиться. — Новости здесь распространяются быстро, так что сейчас в Новом Вавилоне об этом наверняка знает каждый клерк, но я стараюсь поменьше переживать на эту тему.

— Высшее начальство все понимает, — сказала она.

Давид хотел спросить, понимают ли они, что наблевать на босса стало ответом на отчаянную молитву и способом не поклоняться ему.

Вив сделала пометку рядом с первым пунктом своего списка. Интересно, что там было написано? Фонтанирующая рвота?

— Так. Теперь еще несколько моментов. Во-первых, вашим непосредственным начальником теперь будет Джеймс Хикман.

— Нас перевели в ведомство разведки?

— Нет, Хикман назначен верховным командующим вместо преподобного Фортунато.

Давид подумал, что для разведки Хикман годится не больше, чем Фортунато в святые отцы.

— Думаю, это был выбор Леона... э... командующего Фортунато, а не потентата?

На лице Вив мелькнула тень улыбки, но наживку она не заглотила.

— Так Джим займет старый кабинет Леона?

— Пожалуйста, не забегайте вперед, мистер Хассид. И я требую, чтобы вы использовали надлежащие титулы или хотя бы слово «мистер» при упоминании служащих такого уровня. Мистера Хикмана следует называть верховным командующим, а мистера Фортунато — преподобный отец или его высокопреосвященство.

«А можно выбирать?» — подумал Давид. Он скорее наблюдает Леону на пиджак, чем назовет его преосвященством. Он прикусил язык и не спросил Вив... э... мисс Айвинз, уж не подхалимажем ли заработал Хикман новый пост. Или эта комедия была разыграна в благодарность за уже свершившийся факт?

— И — нет, — продолжала Вив, — новый верховный командующий не будет переезжать в кабинет преподобного Фортунато. Мистер Хикман разделит помещение с ассистенткой его святейшества.

— Вот оно как... — протянул Давид. — Похоже, у Сандры станет тесновато.

— Как бы выразиться поточнее... Хотя должность мистера Хикмана совпадает со старой должностью мистера Фортунато, обязанности его будут предполагать несколько иную сферу влияния.

— А именно?

Вив начала раздражаться: похоже, ее редко просили об уточнениях.

— Мистер Хассид, думаю, очевидно, что лидер, чья божественная сущность была публично доказана, нуждается в ином уровне поддержки, нежели ранее. Мистер Фортунато был, по сути своей, исполнительным директором. Мистер Хикман будет скорее просто исполнителем.

«Что-то вроде пристава или глашатая», — подумал Давид.

— И вам, разумеется, известны новые обязанности преподобного Фортунато.

«Лучше, чем тебе — только вот «лжепророк» плохо смотрится на визитной карточке».

— Напомните, пожалуйста.

— Он станет духовным лидером МС, будет управлять поклонением предмету нашего почитания.

Давид кивнул. Чтобы не выдать одолевающие его мысли, он быстро спросил:

— А что же станет с кабинетом Лео... про-
стите, преподобного Фортунато?

— Его присоединят к покоям потентата.

— А! Я знал, что их расширят вверх.
Вшире тоже?

— Да, это будут потрясающие апартамен-
ты. Одно из преимуществ — пока, во всяком
случае, — воскресшего тела состоит в том, что
потентат не нуждается во сне. А круглосуточ-
ная занятость требует разнообразия рабочей
обстановки.

— Да-да.

«Только этого и не хватало: сатана без
перерывов на обед».

— Новый кабинет потентата будет очень
внушительным, директор Хассид. Он объе-
динит старые помещения его святейшества
и мистера Фортунато, а также конференц-
зал. Кроме того, десятифутовые стены будут
надстроены еще на тридцать футов, сверху
будут окна и стеклянная крыша.

— Звучит впечатляюще.

— Думаю, вам доведется побывать там
на аудиенциях, — сказала Вив. — Хотя чаще
вам придется встречаться с новым верхов-
ным командующим.

— Будь я потентатом, я бы точно заказал
себе кабинет побольше, чтобы поддержи-
вать дистанцию между нами.

— Простите?

— Ну из-за той истории с рвотой.

— А. Поняла. Забавно, — без тени улыб-
ки проговорила Вив.

— У мистера Хикмана будет переговорная комната, или нам придется говорить вполголоса, чтобы не мешать помощнице потентата?

— Думаю, это вы решите вместе с ним. Например, можете встречаться здесь. О, уже поздно! У меня есть и другие встречи, вы прощите меня, если я поспешу с остальным?

«Нет, время вышло, проваливай!»

— Конечно, мисс Айвинз, я понимаю.

— Мы не могли ждать вашего выздоровления с рядом срочных дел. Мы сделали ряд технических закупок, требующих особого изготовителя и международной доставки.

Давид сосредоточился изо всех сил, чтобы не скрять гримасу. Он прекрасно знал, о чем она, и надеялся затянуть эти поставки, чтобы сорвать планы потентата.

— Технические закупки?

— Биоинжекторы. И конечно, инструменты воспитания верности.

«Инструменты воспитания верности? Почему бы не шейно-черепные разделители?»

— То есть гильотины?

Она моргнула.

— Пожалуйста, директор. От этого термина несет восемнадцатым веком, а вы понимаете, почему мы стремимся избежать лексики, связанной с насилием или вызывающей ассоциации с обезглавливанием и тому подобным.

«Подобным?»

— Простите, мэм, но разве люди не опознают гильотины — или инструменты воспитания верности, если угодно? Для чего еще они могут применяться? Капусту шинковать?

— Мне это не кажется забавным.

— Мне тоже, но почему не назвать нож ножом? Люди увидят тяжелое острое лезвие под углом, которое падает по нажатию кнопки, скользя по направляющим. Внизу располагается колодка как раз под голову, и удобная корзина, куда эти головы скатываются. Думаю, народ сообразит, зачем эта штука нужна.

Мисс Айвинз поерзала в кресле, сделала новую отметку в списке и сказала:

— Я бы не стала формулировать все так приземленно, но мне кажется — нет, я уверена, что эти аппараты будут использоваться крайне редко, если будут вообще.

— Думаете?

— Безусловно. Это просто символ серьезности происходящего.

— Иными словами, или ты добровольно нам присягаешь, или голову с плеч, так?

— Это не будет формулироваться так явно.

— Да уж, я думаю.

— Но, мистер Хассид, я полагаю, что полное принуждение будут применяться только в особенно тяжелых случаях. Их будет так мало, они будут так редки, что это станет поводом для выпуска новостей.

«Я не хочу и думать о “неполном принуждении”».

— То есть вы уверены, что оппозиция искоренена?

— Конечно, — сказала она. — Кто в здравом уме может увидеть, как человек умирает и воскресает на третий день, и не поверить, что он бог?

* * *

Рэйфорд ожидал другого приема, и Хлоя поспешила объяснить ему все. Известия об Энни его ошеломили. Все трое уселись, не меньше подавленные новостью, чем остальной отряд. Большая часть, похоже, избегала встречаться глазами с Хэтти.

— Что слышно о Давиде? — спросил Рэйфорд. — С ним все в порядке?

— Мы говорили только с Маком, — ответил Бизон. — Что еще хуже, это то, что у Давида был обморок и сотрясение мозга или солнечный удар... что-то такое. И Энни он нашел намного позже.

Рэйфорд не переставал качать головой. Он знал, что смерть ждет многих из них, но от этого не становилось легче.

— Тут не все со всеми знакомы, — выговорил он наконец и быстро назвал имена.

— Я извиняюсь, — сказал Зики. — А можно тупой вопрос?

— Да любой! — ответил Рэйфорд.

— Без обид, леди. — Зики повернулся к Хэтти. — Просто я не ожидал, что у вас метка появится.

Цион вскочил и подошел ближе, его губы дрожали.

— Это так, родная? — Он положил руки ей на плечи. — Позволь мне взглянуть?

Хэтти кивнула и с вызовом оглянулась на Бизона и Хлою, которые в шоке уставились на нее.

Цион обнял ее со слезами.

— Хвала Господу, Хвала Господу, — сказал он. — Господи, Ты отнял у нас одну сестру и подарил другую. — Он открыл глаза. — Расскажи же! Когда? Как? Что случилось?

— Меньше суток назад, — ответила Хэтти. — А случилось — не одно что-то, случились все вы: вы заботились обо мне, любили меня, умоляли меня поверить, молились за меня. Ну и история Альби. Если вы ее не слышали, то скоро услышите.

Она наклонилась к Циону и что-то шепнула ему на ухо.

— Конечно, — ответил он. — Хаим, Зики, Альби, Лия, давайте дадим нашей новой сестре несколько минут наедине с семейством Стилов. Мы еще успеем познакомиться с нею поближе.

Все поднялись и ушли за Ционом, будто все поняли. Только Зики выглядел озадаченным. Наконец в зале осталось четверо. Хэтти стояла, Рэйфорд, Бизон и Хлоя сидели.

— Я за тебя так рада, — начала Хлоя. — То есть, даже если я выгляжу удивленной, я все равно рада. Жалко, что ты мне не сказала по телефону, прежде чем я на тебя собак спустила.

— Нет, Хлоя, я заслужила. И я не обижаюсь, что вы так удивились, я сама немножко удивлена. Но мне так много надо объяснить... То есть не объяснить, потому что как объяснишь собственную паршивость... Попросить прощения. Я столько гадостей вам наделала — всем в разное время. Не знаю, сможете ли вы меня простить.

— Хэтти, — сказала Хлоя, — все в порядке, тебе не нужно...

— Нужно! И знаешь, ты мне как-то раз сказала одну вещь, и я ее запомнила на всю жизнь. Я пыталась ее забыть, но не могла выкинуть из головы. Помнишь, я тогда пришла к тебе в доме Лоретты и заявила, что вы все только пытаетесь меня отговорить от абортов и что вы меня полюбите, только если я буду все делать, как вы скажете. Помнишь?

Хлоя кивнула.

— Ты была совсем молодая, ты же моложе меня, и ты сказала, что вы все хотите любить меня так, как Бог меня любит, а это значит — независимо от того, хочу я этого или нет. И не важно, что я делаю или что я решу, вы меня все равно будете любить, потому что так любит Бог — даже если человека совсем убьет его грех.

— Не помню за собой такого красноречия. — Глаза Хлои наполнились слезами.

— Ну, — ответила Хэтти, — в общем, ты была права. Бог меня любил, даже когда я делала все эти гадости. Подумать только, я ведь чуть себя не убила, прежде чем Он до меня достучался.

— Эту историю они пока не знают, — напомнил Рэйфорд. Тогда Хэтти рассказала им все — от поимки в Колорадо и до своего появление здесь.

— Я так боялась, что вы меня никогда не простите, — подытожила она.

Хлоя встала и обняла ее. К ним присоединился Бизон.

— Ты ведь так и не прощила меня за кое-что гораздо худшее, чем все, что ты натворила, Хэтти.

— За что?

— Я познакомил тебя с Карпати.

Она кивнула, улыбаясь сквозь слезы:

— Да уж, это был плохой поступок. Но ты же не знал! Он сначала всех вокруг пальца обвел. Хотела бы я никогда его не видеть, но сейчас я бы ни минутки своей жизни не отдала. Меня все вело к сегодняшнему дню.

* * *

Давид беспокоился. Он не мог дождаться, чтобы Вив ушла и дала ему заняться на-

стоящими делами. Вив продолжала болтать о Фортунато:

— Он займёт прежние покой Питера Мэтьюза, но там все переделают. Вера сокровенного Вавилона мертва, потому что ее предмет — фикция. Мы ведь знаем, кому следует поклоняться, не так ли, мистер Хассид?

— Конечно, — ответил он.

— Итак, — сказала она, — осталась последняя тема. Вы в курсе, что у вас недавно погибла сотрудница? — Вив достала из папки листок и прочитала: «Не замужем, белая, 22 года, почти 23. Энжела Риш Кристофер». Риш — видимо, второе имя.

Давид кивнул, затаив дыхание.

— Ее убило молнией, — сказала Вив. — Ее и еще нескольких.

— Да, я в курсе.

— Просто хочу предупредить. Если вы планировали что-то в дань памяти усопшей, то я бы не советовала ничего проводить.

— Простите?

— Мы потеряли слишком много сотрудников, чтобы тратить на каждого по минуте молчания, — не находите?

Давид чувствовал себя оскорблённым, особенно за Энни.

— Но я... э... уже был на других таких церемониях. Все проходило быстро, но пристойно.

— Ну, конкретно эта церемония не будет выглядеть пристойной. Ясно?

— Нет.

— Нет?

— Простите, но мне непонятно, почему мы не можем помянуть сотрудницу, которая...

— Подумайте немного — и сами поймете.

— Пожалуйста, сэкономьте мне времени.

— Видите ли, мистер Хассид, мисс Кристофер была, по всей видимости, убита молнией, когда преподобный Фортунато призывал огонь на головы тех, кто не желает признавать его святейшество потентата истинным живым богом.

— То есть ее смерть подтверждает, что она была мятежницей? Фортунато ее убил?

— Ее убил бог, директор. Называйте это мятежом или как хотите, но всем, кто там был — а я знаю, что вы там были, — очевидно одно: в тот день пострадали только скептики из-за своего неверия.

Давид поджал губы и почесал голову.

— Если мы не поминаем тех, кто не признавал Николае как божество, то я понимаю и выполню распоряжение.

— Я знала, что так и будет, сэр. — Вив поднялась и подождала, пока Давид откроет ей дверь кабинета. — Всего хорошего, директор. Если вам что-нибудь потребуется, вы знаете, что ко мне всегда можно обратиться.

— Ну, есть еще одна вещь.

— Только назовите.

— Я об этих биоинжекторах. Принцип работы ведь тот же, что и у ветеринарных инжекторов, которые используются на домашних животных?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Полагаю, да. С рядом изменений.

— Одна из сестер, которые за мной ухаживали, упоминала, что работала раньше ассистенткой ветеринара. Может быть, если у нее есть опыт в обращении с инжекторами, она будет нам полезна?

— Хорошая мысль. Скажите мне ее фамилию, я проверю.

— Я сейчас не вспомню, — ответил Дэвид, — но это легко выяснить. Я сообщу вам, когда узнаю.

Когда Вив наконец ушла, он позвонил Ханне:

— Я дам твою фамилию Вив Айвинз. Жди звонка.

— Ясно.

Он рассказал ей о запрете на любое поминовение Энни.

— Отлично, — сказала Ханна. — Дэвид, считай это знаком почета. Если поминование — это признание, что она была за Карпати, — то за такие поминки ты бы перед ней на том свете век не расплатился!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Следующие несколько дней в убежище Рэйфорд только наблюдал за поведением группы и делал пометки в блокноте. Цион и Хаим большую часть времени занимались. Лия, похоже, устала от кооперативной рутины Хлои и познакомилась ближе с Хэтти. Хэтти действовала всем на нервы... кроме, пожалуй, Зики, который помалкивал. Персональные пристрастия и антипатии его, похоже, не затронули.

Рэйфорд попросил Циона каждый день читать небольшую проповедь по Библии и проводить общую молитву. Разумеется, все при этом читали и виртуальные лекции. Окна на обжитых этажах постепенно покрыли краской из баллончиков, и появилась возможность зажигать свет во внешних помещениях без риска быть замеченными.

Через неделю после появления Хэтти Рэйфорд собрал отряд, чтобы официально принять в него Хайма, Зики, Альби и Хэтти. Они следили по телевизору и новостным каналам Интернета за продвижением программы лояльности, и Бизон возобновил выпуск своего виртуального журнала «Истина». Умение освещать мировые новости так, что от информации просто веяло подлинностью, не раскрывая при этом источников на высших должностях МС, принесло Бизону широкую известность. Его сайт уступал по популярности только сайту Циона. Через кооператив Хлои Бизон вышел на подпольных издателей в разных уголках мира, которые с риском для жизни печатали «Истину» для тех, у кого не было доступа к компьютеру.

Хэтти расцвела. Неуверенность неофитки сменилась яркой жизнерадостностью, как в то первое утро в Бозмене. Рэйфорд не мог нарадоваться на нее, и Цион, похоже, тоже. Остальные только переглядывались, когда она начинала очередную восторженную речь.

Что-то должно было пойти не так. В убежище было достаточно места для жизни и уединения, но даже огромная башня оставалась замкнутым пространством.

Тяжело приходилось без свежего воздуха. Вентиляционные системы в здании работали отлично, но все скучали по ветру и открытому пространству, а его можно было перехватить только украдкой, в щелочку из приоткрытого окошка. Рисковать было нельзя, и даже Кенни Брюса выгуливали только ночью.

Товарищи приходили к Рэйфорду один за другим с одной и той же просьбой. Все старательно избегали злословия и жалоб на остальных, но страшно хотели получить задание на воле. Все говорили об опережающих маневрах, о том, что нельзя ждать и оставлять инициативу Николае и МС.

Один только Зики, казалось, довольствовался своей ролью. Он собрал инструменты и материалы, которых хватало на подделку любых документов.

— Я по книжкам не спец, — объяснил он Рэйфорду. — Но вот что дальше будет, это мне понятно.

— Понятно?

Зики кивнул.

— Док Бен-Иегуда тренирует Хайма, чтобы он вернулся в Израиль. Значит, надо будет смастерить ему новые бумаги — и не только. Он должен выглядеть по-другому, его же весь мир знает.

Рэйфорд мог только кивнуть в ответ.

— Рост и вес так просто не поменяешь, ну и с пластической хирургией у меня напряг. Но кое-что сделать можно. Он бреется, и у него шевелюра, как у того парня, Эйнштейна. Я ему голову налысо побрею, а брови начерню. Потом отрастим ему большую бороду — или, может, бакенбарды с усами — и тоже покрасим. Он сразу будет выглядеть моложе и вроде как стильно, но самое главное, он на себя похож не будет. Ну и очки уберем — без очков его вообще не узнать будет. У меня есть куча цветных линз. Если получится подобрать без рецепта, выйдет вообще супер.

— Угу... Зики, а с чего ты взял, что он возвращается в Израиль?

— А что, нет? Ой, ну, значит, напутал, извиняйте. Просто подумал...

— Я не говорю, что ты ошибся. Просто почему ты так решил?

— Ну, кто-то же должен туда отправиться, а доктором Бен-Иегудой никто рисковать не будет.

— Кто-то должен отправиться в Израиль? Почему?

Зики наморщил лоб.

— Не знаю. Вы скажите, если я напутал, я часто путаю. Только батя говорил, что у меня интуиция. Я тут пытался разобраться в Ционовых уроках, но с книжками у меня вечно беда, я ж говорю. Я, наверное, ни одной целиком не прочел, если не считать справочника по запчастям, да и тот шесть лет назад. Но у Циона выходит просто писать, хоть он и умный. То есть он умный, а пишет понятно, для ребят вроде меня. Обычно-то учёные только еще больше запутывают, когда хотят что-то объяснить, понимаете?

— Конечно.

— Ну вот, а недавно я у него вычитал, что Карпати что-то задумал. И что-то такое в Иерусалиме. Цион говорит, Антихрист не просто обдурит евреев, он будет над ними насмехаться в их же храме. И как-то там его осквернит в знак того, что нарушает обещание.

— Ты, похоже, все хорошо запомнил, Зики. А при чем тут Хаим?

— Цион говорит, что Господь готовит для евреев убежище, но у них нет лидера. Цион

может ими руководить через Интернет, но нужен кто-то, кого видно. И это должен быть еврей. И верующий. И он должен быть популярный — ну, должен уметь повести за собой. И должен знать кучу всего. А единственный, кто скоро будет знать больше, чем сам Цион, — это Хаим. А сам Цион уж точно туда не поедет.

— Но для Хайма это не менее опасно, Зики, разве нет?

— Ну, я не знаю, кто для Карпати хуже: парень, который всем рассказывает, что Карпати на самом деле дьявол, или парень, который ему башку мечом проткнул. Но понимаете, мы... ну, то есть мы, верующие, без Хайма проживем, если придется. А без Циона нам крышка.

Зики было явно не по себе, что он это сказал.

Рэйфорд встал и начал расхаживать по комнате.

— Ну, Зики, твой отец был прав насчет твоей интуиции. Ты прямо в точку попал.

— Значит, придется делать из него нового парня... как его будут звать?

— Тобиас Рогофф.

— Будем делать Тобиаса?

— Точно.

— А по голосу и по сложению его не узнают? Люди и на руки внимание обращают — надо будет тут покумекать.

— Да, некоторые узнают его сразу. И Давид прав: у них есть видео, на котором видно, как он убивает Карпати. МС наверняка его обнародуют, если надо будет. Правда, сам Карпати публично простили своего убийцу.

— Только вот он еще сказал, что он не может контролировать тех, кто решит его покарать. Так что Хаиму долго не жить.

— Если он доберется до безопасного убежища вместе с евреями, то получит сверхъестественную защиту.

— Было бы неплохо.

— Ты сказал, что ты не пластический хирург. А есть другие способы изменить внешность? Не такие радикальные.

Зики кивнул:

— Есть еще зубные скобки.

— Шины?

— Ага. Лия такую носила, и у меня их еще полно. Можно здорово переделать и зубы, и всю челюсть.

— А если челюсть зафиксирована проволокой?

— Еще лучше. Лия эти проволочки скоро снимет, и мы из него совсем другого человека сделаем. Ну, еще надо будет одежду сменить, походку, может быть. Это просто, подложу ему что-нибудь в ботинок. В общем, когда он будет готов, я тоже буду.

* * *

Давид задавливал горе работой на износ. Работа и сон — на другое времени не оставалось. Подготовку бегства он поручил Маку и Абдулле, по плану Ханны. Сам он сосредоточился на своих жучках и шпионских программах, кодируя и перекодируя пароли,

чтобы обеспечить себе удаленный доступ к максимуму систем — до тех пор, пока их не сменят.

От прослушки Николае, Леона и Хикмана было трудно оторваться, но он слушал и разговоры Уолтера Муна, шефа Службы безопасности Непохоже, чтобы Мун вдруг обратился к вере, но кто знает. Если обратится, то должен успеть до нанесения знака всем сотрудникам — тут Писание не оставляло вариантов. Но Муна, похоже, терзало только одно: доверенным помощникам он жаловался, что его обошли должностью верховного командующего. Большую часть времени он тратил на клятвы «на пачке Библий», что не принял бы пост, если бы его пригласили. Но обратное настолько бросалось в глаза, что даже подчиненные отвечали на его уверения: «Конечно, приняли бы, кто кроме вас на него годится!»

Недовольный во дворце, способный на серьезную подрывную деятельность... Давид спал и видел, чтобы Мун перешел на их сторону.

Новый шеф разведки, сменивший Хикмана, был пакистанец по имени Сухайл Акбар. преданный последователь Карпати, из закулисных лидеров: с тихим голосом, не торопящийся с высказываниями. Судя по резюме, он превосходил бывшего шефа и опытом, и знаниями. Давид опасался, что его ум станет помехой. Ум — это ровно то, чего не хватало Хикману.

«Жизненно важно, — писал Давид Маку после тяжелой битвы с электрони-

кой, — чтобы нашу верность МС и Карпати не ставили под сомнение. Я иногда задираю начальство специально, чтобы меня не заподозрили. Те, кто выглядит безоговорочно преданным, наверняка на карандаше. Пусть спрашивают себя: с чего бы Хассиду нарываться и при этом оставаться на посту и отлично работать, если он просто не пытается выслужиться.

Мак, надо просчитывать на несколько ходов вперед, продумать объяснение нашему исчезновению — и пусть эта проблема стоит МС пары лакомых кусочков техники. Я не сильно расстроюсь, если мы угробим самолет с грузом биочипов на пару миллионов ников — или, скажем, с инструментами воспитания верности. Интересно, в модных каталогах гильотины тоже так называют?.. Прости, юмор висельника. С такими вещами не шутят. Хвала Господу, что Он может восстановить тела праведников, даже если они искалечены, кремированы или сожжены молнией.

Не хочу недооценивать твою сообразительность, но на всякий случай предупрежу: о том, чтобы использовать «Феникс-216», не может быть и речи. Я бы с радостью увел у Карпати его любимую игрушку, но она просто напичкана нашими жучками, и теперь я их могу считывать и снаружи. Не знаю, сколько еще нам Господь позволит вести прослушку, но лучшего источника информации нам не найти. У меня даже есть программа, которая

через спутник отслеживает местонахождение самолета. Весело следить за Карпати, когда он думает, будто его никто не видит. Одно дело, когда он на людях, а другое — когда вокруг только приближенные помощники и он снимает маску.

К слову, у него назначена встреча с Хикманом, Муном, Акбаром и Фортунато. Хочу ее записать. Если ты думаешь, что его разговоры с Леоном были интересные, то подожди этого! Я выложу для тебя запись, не забудь свой код для секретных подключений.

Если кто-то попробует открыть эти файлы неверным кодом, то там внутри такой вирус сидит, что мне самому страшно. Эта зверюга плюет на софт и атакует сразу железо. Я бы не поверил, если бы сам его не написал. Он перехватывает импульсы процессора, передает их на источник питания, а потом коротит материнскую плату! Будь там внутри взрывное устройство, компьютер бы взлетел на воздух вместе с хакером, а так — будет только много дыма, вони и оплавленного пластика. Ну и компьютер уже не восстановишь, понятное дело.

Чуть позже, брат, мне от вас с Абдулой кое-что понадобится. А пока вам проще и безопаснее встречаться с Ханной, а не со мной. Поддержите ее и скажите, что мы смоемся вовремя и впереди у нас еще несколько лет работы во имя грядущего Царства».

* * *

Давид держал Рэйфорда в курсе, так что тот давно начал беспокоиться. Он старался придумать оптимальную роль для каждого бойца отряда, и в появлении четырех новых новичков из дворца были свои положительные — и отрицательные стороны. Если бы нужно было доставить четверку в Чикаго, он не колеблясь занес бы в актив двух пилотов, медсестру и компьютерного гения. Места хватало, но... было ли это самым эффективным распределением ресурсов?

Таланты стоило не зарывать в землю, а распространять по миру. И не только ради сохранности их душ, но и во имя двух главных целей отряда: мешать Карпати везде, где только можно, и обращать в веру как можно больше народу. Хэтти и Лия жаждали новых заданий. Хлоя была привязана к месту из-за Кенни и работы с кооперативом, а вот Бизону нужно было пристально следить за новостями — для новых выпусков журнала.

Рэйфорду и Альби пилоты нужны были как воздух, но самолетов тоже не хватало. Если они с Зики были правы насчет Циона, то им понадобятся тысячи пилотов и машин, чтобы перенести еврейский народ в укрытие. Ветераны вроде Мака с Абдуллой окажутся незаменимы.

Но однажды ночью Рэйфорд понял вдруг: у него нет двух с лишним недель на раздумья, к чему приспособить друзей из Нового Ва-

вилона. Надо спешить. Времени никогда не хватало, а непредвиденные происшествия превращали все в полную неразбериху.

Зазвонил телефон, но звонок сбросили. Рэйфорд проверил сообщения: в ящик пришло СМС от Лукаса Миклоса: «Нас раскрыли. Пастора и мою жену увезли с остальными. Молитесь. Помогите».

Подпольная община в Птолемаиде была самой крупной в Греции, да и во всех Соединенных Карпатианских Штатах. Раньше местные эмэсовцы проблемы не представляли: верующие были очень осторожны, Рэйфорд испытал это на себе, но даже они опасались, что разведслужбы Карпати недолго еще будут оставлять их без внимания. Скорее всего, на них смотрели сквозь пальцы из-за слушка, будто потентат желает, чтобы в регионе, названном его именем, случалось как можно меньшее происшествий.

Видимо, понял Рэйфорд, после воскресения Карпати сменил политику на силовую. И скорее вырежет оппозицию под корень, чем будет притворяться, что ее не существует. Нужно будет попросить Давида выяснить ситуацию в регионе и понять, что может сделать отряд Скорби, если появится там.

Рэйфорд запомнил миссис Миклос как тихую и глубоко религиозную женщину. Но Ласлос говорил, что она вдобавок крайне упрямая, настойчива и бесстрашна. Она не из тех, кого отпугнут люди в погонах, вставшие между нею и ее верой. Он представил себе, как солдаты Мирового Сообщества врываются на молит-

венное собрание, а миссис Миклос сопротивляется и мешает им увести пастора Деметрия Деметера.

Но фантазии фантазиями, а дело делом. Нужно узнать все, что возможно, у Давида, а потом слетать в Грецию вместе с Альби. Или с Бизоном. Оставлять отряд хотя бы без одного пилота было опасно.

* * *

Когда позвонил Рэйфорд, Давид вводил свои позывные, чтобы записать встречу Карпати с Хикманом и остальными. Рэйфорд хотел узнать насчет операции МС в греческой общине.

— Я дам знать, как только что-то выясню, — пообещал он и позвонил Уолтеру Муну. Но прежде, чем Мун ответил, на пей-джер пришел приказ явиться в кабинет Хикмана.

В кабинет? Но разве Хикман не сидел в приемной вместе с Сандрай? И разве ему не была назначена встреча с Карпати через несколько минут? Давид положил трубку и перезвонил Хикману. Трубку взяла Сандрा.

— Говорит Хассид. Мне отправляли сообщение?

— Да, сэр. Верховный командующий хочет поговорить с вами в конференц-зале на восемнадцатом этаже.

В приемной царил хаос. До конца рабочего дня оставались считаные минуты, и Сандра уже собирала вещи, но в помещении

суетились рабочие. Визжали дрели, стучали молотки, пыль стояла столбом, стены были уставлены лесами и лестницами, везде валялись груды стройматериалов.

— Вас они не переселяли на время ремонта? — спросил Давид.

— Как видите, — вздохнула Сандра и ушла.

Хикман выглянул из конференц-зала, которому уже недолго оставалось быть его владением, и подозвал Давида.

— Заходите и закрывайте дверь, Хассид. Не впускайте сюда эту пыль.

Новый верховный командующий, дешевая евроверсия Фортунато, протянул Давиду мясистую ладонь и долго, с энтузиазмом, тряс его руку.

— Ну, как дела? Он воскрес, а?

— Ага, — ответил Давид и, встретив непонимающий взгляд, добавил: — Воистину.

Хикман, похоже, торопился и нервничал. Давид решил попробовать разыграть дурачка и выпытать немного информации.

— И как вам на новом месте? Как работаете вместе с...

— Пустяки! — Хикман уселся, и его пузо вывалилось из расстегнутого мундира. — У меня тут встреча с большими шишками, хочу прийти туда готовым как следует.

«Хотел бы я посмотреть на такое!» — подумал Давид.

— Чем я могу помочь?

— У нас ведь там все о'кей, на мази, схвачено и под контролем, да?

Давид потряс головой.

— Полагаю, что так, сэр. А мы о чем?

Хикман вытащил потрепанный блокнот и пролистал несколько страниц.

— Ну, гильотины, шприцы, все такое.

— Вы хотите сказать, инструменты воспитания верности и биоинжекторы?

— Да, точно! — Хикман накарябал что-то в блокноте. — Я знал, что Вив придумает для этих штук красивые названия. Понимаете, Хассид, я ведь копом работал. Меня тут повысили, все такое, но мне надо доказать его величеству... то есть святейшеству, что я справлюсь. Что я не подавлюсь этим куском.

— Чувствуете, что есть риск подавиться?

— Чувствую, что моя преданность и лояльность восполнит недостаток опыта на этом уровне командования, вот. Да, о чём бишь мы? Что мне ему сказать?

— Что все под контролем.

— Хорошо. Так я на вас рассчитываю.

— Конечно, Дж... господин верховный командующий.

— Да ладно, когда мы вдвоем, можете звать меня просто командующий. Ну а на публике — по всей форме, понятно.

— Конечно.

— Кстати, а скотину тоже вы закупаете?

— Продукты? Нет, ими отдел продовольствия занимается.

— Нет, живую. Мне не мясо нужно, а живое животное.

— Тоже не ко мне, боюсь. Я занимаюсь подвижным составом, авионикой, компьютерами, средствами коммуникации.

— А кто мне может достать свинью?

— Свинью, сэр?

— Живую и побольше, Хассид.

— Понятия не имею.

Хикман уставился на него, явно не принимая отказа.

— Я попробую выяснить, — сказал Давид. — Но...

— Я знал, что смогу на вас положиться, Давид. Отлично. Даешь знать утром, как там идут дела. Мне тут сказали, что Большая Шишка хочет поручить мне это дело сегодня.

— То есть от него самого вы пока приказ не получили?

— Нет, это был, знаете, дружеский намек от коллеги.

— Вот как?

— Ага. Стоит, знаете, заводить друзей на разных ступеньках лестницы. Мне приятель сказал, что был на встрече с Фортунато и Карп... ой, простите, не буду я разбрасываться именами, тем более перед подчиненными. Вычеркните это из протокола, Хассид. Приказываю как старший по званию.

— Есть вычеркнуть из протокола, сэр.

— Ладно. В общем, этот парень встречался с его святейшеством и его преподобием и сказал, что они там все озабочены насчет казуса... Знаете, что это такое? Насчет прен-цен-ден-та с иегудаитами.

— Понимаю.

— Ну вот. Они думали, что их главный давно на том свете, а он объявился в новом месте — неизвестно где — и склоняет народ в свою антикарпа... да, так можно сказать.

В антикарпатианскую банду. Говорит, что в Библии написано, что Антихрист — а он его святейшество Антихристом зовет, представьте себе, собирается осквернить храм и принести в жертву на алтаре свинью.

— Не может быть!

— А вот может! Меня там не было, но мой приятель сказал, что потентат просто взбесился, как узнал. Прямо на месте прыгал.

— Могу себе представить.

— Угу, и я. Он говорит, что преподобный чего-то там вещал насчет каких-то срок — мол, я им покажу. Ну, вы знаете, как он разговаривает, не поймешь ничего.

— Да-да.

— Ну и вот он, гений Николае Карпати, как проявился — вы уж простите мне фамильярность такую. Он вроде как исполнит это самое пророчество, про которое написано в Библии и у этого иегудита, как его...

— У Циона Бен-Иегуды.

— Точно! Он принесет ее в жертву на алтаре Иерусалимского храма специально, зная, что написано в Библии и у того парня. Вроде как плонет им в лицо.

— Так и есть. — Плевок в лицо Богу ни больше ни меньше.

— Вот. Но я-то этого всего пока не знаю, понимаете?

— Да, это все секретные данные от вашего знакомого.

— В точку. Ну и когда он, сами знаете кто, попросит меня достать ему свинью, я хочу ему ответить, что, мол, без проблем. Я смо-

гу ему так сказать? Вы попросите там кого-нибудь из своих, а я достану ему эту свинью, идет?

— Я сделаю все, что в моих силах, сэр.

— Я знал, что вы постараитесь. Да, вы спец что надо!

— Это вы нарочно каламбурите, сэр?

— Вы про что?

— Ну, мы тут свининку обсуждаем, а вы про специи заговорили.

Хикман чуть не лопнул от смеха и попытался сделать вид, что это был СПЕЦиальный каламбур. Наконец прия в себя, он выговарил.

— И знаете, чего я хочу, Хассид?

— Расскажите.

— Я хочу такую свинью... вы готовы?

— Готов!

— Чтобы его святейшество мог на нее верхом сесть!

— Сэр?

— Что слышали! Я хочу самую здоровенную хрюшку в мире. Ростом с пони. Чтоб ее можно было под седло поставить. Ну, не в прямом смысле, но понимаете, о чем я, да?

— Не вполне, командующий.

— Я хочу заработать пару призовых очков, ясно вам, директор? Ну, вам-то из кожи лезть не надо, вы и так справляетесь. А я хочу предложить его святейшеству, чтобы раз уж он бросает врагу перчатку нос к носу, то пусть уж все будет ступенькой выше.

Красивая метафора, Энни бы оценила...

— Ступенькой выше?

— Пусть въедет на этой свинье в храм!

— Мать честная...

Даже одержимый самыми низменными страстями, Карпати не опустился бы до такого представления.

— Она самая и есть, Хассид! Вы Библию читали?

— В принципе?

— Да.

— Немного.

— Вот. Там была история насчет Иисуса. Он въезжал в Иерусалим на осле, и все вокруг пели, листья кидали и все такое.

— Я иудей по воспитанию.

— А, значит, Новый Завет не читали? Ну, в общем, была там такая история, точно. Представьте, как его святейшество порадуется: он, значит, въедет на свинью, а мы заплатим народу, чтобы пели и бросали всякие штуки.

Боже!

— Представить себе не могу!

— Ну, я ж могу предложить, а, Хассид?

— Конечно, сэр.

— Ладно, я лучше побегу на совещание. Найдите мне свинью, ладно? Я скажу, что она у нас, почитай, в кармане.

— Я буду держать вас в курсе.

Давид уже открывал дверь, когда Хикман его окликнул.

— Да, забыл сказать. — Он перелистал блокнот. — В медслужбе работает девочка, медсестра... Ага, вот. Она была раньше вете-

Начертание

ринаром или что-то вроде. Вводила биочипы кошкам и собакам.

— Быть не может, — сказал Давид.

— Вы ее там проверьте, может, она нам пригодится с ее опытом. Ну, будет учить остальных, как это делается.

— Посмотрю. Как ее зовут?

— У меня тут как-то криво записано, Хассид. Смешная фамилия, вы ее быстро найдете.

— Хорошо, сэр, поищу сестру со смешной фамилией.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Рэйфорд не мог заснуть. Обходя этажи башни Стронга, он задержался у комнаты Хайма. Дверь была распахнута, и в темной комнате он увидел, как старик неподвижно сидит на кровати. Хайм не поднял голову, хотя не мог не услышать шаги. Рэйфорд заглянул в комнату.

— Доктор Розенцвейг, с вами все в порядке?

Хайм шумно вздохнул сквозь стянутые проволокой зубы.

— Не знаю, друг мой.

— Хотите поговорить?

Он усмехнулся.

— Вы ведь знаете мой народ. Поговорить — это таки наше все. Заходите, если есть время. Я рад вам.

Рэйфорд пододвинул стул и уселся в темноте лицом к Хайму. Ученый не спешил. Наконец, он заговорил:

- Девочка снимет шину завтра.
- Лия? Вы об этом беспокоитесь?
- Не могу спокойно ждать.
- Но вас и еще что-то беспокоит.

Хаим снова замолчал, но вскоре задышал тяжело, упал лицом в подушку и зашелся рыданиями. Рэйфорд подсел ближе и положил ему руку на плечо:

- Расскажите мне.
- Я столько потерял! — всхлипывал Хаим так, что слов было почти не разобрать. — Родных! Помощников! И это я во всем виноват!
- Нашей вины во всем этом мало, сэр. Это дело рук Карпати.

— Но я был так горд! Гордыня и неверие погубили меня. Цион, Кэмерон, Хлоя, вы — все, кто любил меня, предупреждали меня и пытались переубедить. Но нет, я считал себя слишком умным. Я думал, что уж мне-то лучше знать!

— Но вы ведь пришли к Господу, Хаим. Не стоит жить прошлым, когда наша жизнь обновилась.

— Но смотрите, где я был совсем еще недавно! Цион радуется, несмотря ни на что, он так рад за меня, так поддерживает меня. Я не осмелюсь сказать ему, где витают мои мысли.

— Где же?

— Я согрешил, капитан Стил! Я мог бы поступить так, как вы говорите, — оставить все в прошлом, если бы речь шла просто о гордыне и неведении. Но грех мой привел меня на такие пути, которые были немыслимы для

меня раньше. Мои дорогие, мои самые верные друзья мертвы по моей вине. Жестоко убиты в моем собственном доме!

Рэйфорд старался избежать банальностей.

— Все мы пережили немало потерь, — прошептал он. — Я потерял двух жен и сына, множество друзей... думай я о них постоянно, я сошел бы с ума.

Хаим снова сел, вытирая слезы ладонями.

— Вот в чем моя беда, Рэйфорд. Я почти обезумел от горя, но главное — от своей вины. Я убил человека! Я знаю, что он Антихрист, что ему было предназначено умереть и возродиться, но ведь я этого не знал, когда я убивал его. Я убил человека, который предал мою родину и меня. Убил! Вдумайтесь! Я, всеми любимый политический деятель, опустился до убийства!

— Вас обуял гнев, Хаим. Я сам хотел убить Карпати, а я прекрасно знал, кто он такой, и знал, что он воскреснет.

— Но это было намеренное убийство, капитан. Я планировал его много месяцев, я даже изобрел и изготовил оружие, я симулировал инсульт, чтобы приблизиться к нему, не вызывая подозрений, — и выполнил свой план точно так, как рассчитывал. Я убийца.

Рэйфорд наклонился вперед, уперся локтями в колени и опустил голову на ладони.

— Знаете, я ведь вас чуть не избавил от трудов.

— Не понимаю.

— Вы слышали выстрел, прежде чем уда-
ритъ Карпати?

— Да.

— Это я стрелял.

— Не верю.

Рэйфорд рассказал Хаиму, как все было: историю своего гнева, безумия, как он планировал операцию, менял внешность, доставал оружие, рисковал всем ради шанса убить.

Хаим только качал головой.

— Не могу поверить, что два человека, решившиеся убить Николае, оказались в одном месте. Но в конце концов, у вас не поднялась рука. А я убил с радостью — и пока я не понял, как нуждаюсь в Боге, я продолжал радоваться, что сделал это. А теперь стыд и вина так давят на меня, что я не могу дышать.

— И вам не приносит утешения мысль, что вы стали рукой судьбы и что вы не можете быть убийцей, если ваша жертва не мертва?

— Утешения? Я бы все отдал за единственное мгновение мира в душе. Дело не в том, кого я убил, Рэйфорд, дело в том, что я убил. Я не знал, как много во мне зла.

— Но Господь вас все-таки спас.

— Скажите, а человек должен чувствовать себя прощенным?

— Хороший вопрос, я сам с ним сталкивался. Я верю, что Бог способен прощать и забывать. Удалять от нас беззакония наши, насколько отстоит восток от запада. Но я ведь тоже человек. Я не забываю и часто не принимаю прощения, которое дарует Господь. Если мы чувствуем себя виноватыми, это не значит, что Господь не может простить нас.

— Но Цион говорил, что меня может ждать великое предназначение. Что, может быть, я стану тем, кто поведет народ мой в укрытие, спасая его от Антихриста. Но разве я могу совершить подобное, если я чувствую себя таким ничтожным?

Рэйфорд встал.

— Наверное, логическая ошибка тут в том, что вы решили, будто вы сами все это совершиете.

— Я бы рад сбросить с себя это бремя, но Цион говорит, что больше некому: сам он рисковать не имеет права.

— Я хочу сказать, что эти деяния совершит Господь — вашими руками.

— Но я же просто ученый. Я не оратор, я не знаю Слова Божия, я не знаю Бога, я даже не религиозный иудей!

— Ну, в детстве-то вы изучали Тору?

— Конечно.

— Если Цион прав — а даже он не уверен до конца, — то это дело сможет стать вашей Неопалимой Купиной.

— Вот уж кем мне никогда не стать, так это Моисеем.

— Вы хотите позволить Богу действовать через вас или нет? Если Цион прав и вы сделаете то, что, как он считает, вам предназначено, то вы как раз и станете современным Моисеем.

— Ох.

— Вы станете орудием Господа, которое позволит вашему народу скрыться от зла и найти безопасное укрытие.

Хаим застонал и снова лег.

— Моисей так же боялся, как и вы, — сказал Рэйфорд. — Вопрос в том, хотите ли вы.

— Понимаю.

— Вы правы, вы были грешником. Все мы были, пока Христос не спас нас. Бог может сотворить из вашей жизни чудо.

Хаим пробормотал что-то.

— Что-что? — не понял Рэйфорд.

— Я сказал, что хочу. Хочу хотеть.

— Ну, с этим уже можно работать.

— Но Господь что-то сделает со мной.

— Уже сделал.

— Больше. Сейчас для меня взяться за это задание — все равно что взлететь без самолета. Вождь евреев должен иметь ясный рас- судок, уверенность, какую дарует только Бог, и способность к общению, а этого у меня никогда не было. Да, я мог удержать внимание аудитории, но обращаться сразу к тысячам, как Цион, публично восставать против Антихриста и вести за собой массы на правое дело, это просто не мое.

— Но вы готовы довериться Богу и служить Ему?

— Он — моя единственная надежда. Себя я уже исчерпал.

* * *

В полдень по карпатианскому времени Давид первый раз за несколько дней вышел

из дворца на улицу. В два нужно было снять швы, и он уже ждал встречи с Ханной, пусть и в стерильном медицинском центре, где нельзя поговорить откровенно.

Жара напомнила ему день воскресения. Бродить по дворцовой территории без Энни было как-то неправильно. Душа еще болела, и так сильно, что рану на голове он почти не замечал. Ханна говорила, что снимать повязку будет больнее, чем снимать швы. Фурражка защищала голову от солнца, но в парадной униформе становилось уже жарко, и головная боль быстро возвращалась.

Население Земли сократилось в десять раз, и это уже чувствовалось. Если раньше дворец был шумным городом в городе, то теперь он стоял пустой оболочкой. Когда-то коридоры и улицы были полны занятых, энергичных сотрудников, теперь же здесь бродили только туристы и паломники, выворачивая шеи в надежде увидеть какую-нибудь знаменитость.

У внешних мониторов собралась толпа: передавали круглосуточные новости МС. Давид подошел ближе и пристроился незаметно в задних рядах. Его преосвященство преподобный отец карпацианства Леон Фортунато вешал из своих новых покоев.

Давид только головой покачал: Леон стоял за кафедрой, похожей на аналой, и, казалось, за это время он сильно вырос. Смуглый здоровячок чуть ниже шести футов был обложен в пурпур и лазурь и казался выше Пи-

тера Мэтьюза, хотя рост покойного владыки превышал шестифутовую отметку. Похоже, Леон стоял на какой-то подставке.

Преподобный рассказывал о всемирном состязании: каждый из городов и регионов стремился первым возвести у себя статую Карпати. Конечно же, Соединенные Карпатианские Штаты были бесспорным лидером, но мир сражался за второе место.

Со всех концов земли приходили репортажи о том, как каждый город старался сделать свою статую уникальной. Ограничения по возведению идола были лаконичны: не менее, чем в натуральную величину, не больше, чем оригинальное изваяние, один цвет. Материал не оговаривался. Большинство статуй было черного цвета, но репортеры показывали золотые статуи, хрустальные, фигуры из стекловолокна. Один идол был зеленым, еще один — оранжевым. Несколько были в два человеческих роста (вдвое меньше вавилонского изваяния), чем Фортунато, похоже, был особенно доволен и обещал в ближайшем будущем навестить эти города.

— В интересах полной гласности мне следует объявить, что, хотя в Израиле возведено несколько статуй — в частности, в Хайфе и Тель-Авиве, — в Иерусалиме строительство еще и не начиналось. — Леон переключился на свой торжественный бас. — От имени воскресшего владыки я говорю: горе! Горе врагам владыки мира сего, что отвращают лица свои от его величия.

Тут включился режим «дядюшки Лео»: Фортунато как будто читал детям сказку на ночь.

— Но вы же знаете: хотя я был наделен властью свыше творить те же чудеса, что и наш повелитель, и хотя доказал это, призвав огонь с небес на неверных, ваш владыка, его святейшество, — это воплощение любви, прощения и долготерпения. Не слушая моих советов и следя собственной божественной мудрости, великий потентат попросил меня объявить его волю. Нашему владыке ведомо, что в столице Святой Земли у него есть преданные приверженцы. Милость повелителя не обойдет стороной страдания верных под игом тех самых безумцев, которым когда-то доверили души сих невинных чад.

Через неделю объект нашего почитания сам навестит чад своих в Иерусалиме. Он появится там не только чтобы призвать к ответу своих противников — ибо он не только любящий, но и справедливый бог, — но и для того, чтобы благословить верных ему и принять восхваления и почести от тех, кто раньше был лишен возможности преклонить колени перед божеством.

Позвольте мне как мировому пастырю призвать бесчисленных карпатиан, что страдают под гнетом восставших безумцев в Иерусалиме, смело выразить свою поддержку тому единственному, кто заслуживает любых почестей и славы, когда он явится в ваш родной город. Пусть его вход в Иеруса-

лим станет триумфом, каких мир еще не видел. Позвольте мне от имени владыки нашего гарантировать вам защиту и безопасность. Смело вставайте на правую сторону, не страшась пострадать от козней могущественных лидеров оппозиции.

Мы знаем, что среди оппозиционной верхушки незначительный перевес имеют иегудайты и ортодоксальные евреи, которые своим фанатизмом рисуют навлечь на себя кару их собственного бога. Если они не узрят, что идут неверным путем, если не покаятся, преклонив колени перед владыкой, то, когда его святейшество покинет город, править им будут уже новые лидеры.

Тем же, кто вопит, что храм закрыт для самого потентата, я скажу так: не смейте восстать против армии господа воинств. Он есть господь мира и примирения, но да не будет у вас других богов, кроме него. Да не воздвигнут на земле иного храма, чем для господа нашего Николае Карпати. Потентат воскрес!

Толпа у экранов проорала стандартный ответ. Давид тихо вымолвил про себя: «Воистину воскресе Иисус Христос, Господь наш».

Фортунато напомнил, что статуи будут завершены и открыты для поклонения через два дня.

— Как вам известно, в первых ста городах, закончивших строительство, сразу же откроются центры распространения знака верности.

Ассистенты внесли демонстрационный стенд с перекидными плакатами и поставили так, чтобы Фортунато мог до него дотянуться со своей кафедры. Давид отметил, что рядом с помощниками его преподобие выглядело и вовсе семи футовым гигантом. Размахивая указкой, Фортунато продемонстрировал стандартный центр верности. Центр включал зону ожидания на несколько тысяч человек — с барьерами для очереди и большими мониторами, по которым будут крутить записи речей Карпати и Фортунато. Раз в четыре минуты будет транслироваться репортаж с воскресения: Фортунато, призывающий пламя с небес и восставший из мертвых Николае. Леон продемонстрировал ролик, и Давиду пришлось отвернуться. Туристы восторженно захлопали.

Фортунато вернулся к стенду. Посетителей будут принимать от одного до двух десятков палаток — в зависимости от городского населения и загруженности центра. Там каждому будет предложено выбрать дизайн и размер знаков, а также расположение — на лбу или на правой руке.

— Напоминаю, — усмехнулся Фортунато, — что если вы затяннете с оформлением или забудете о нем на радостях, то вам будет сделана стандартная инъекция в правую руку — с префиксом, обозначающим код вашего региона и тонким шрамом от биочипа.

Нас неоднократно спрашивали, как мы будем бороться с подделкой знаков. Хотя

подделку от подлинного знака действительно отличит лишь профессионал, биосканеры обмануть невозможно. Мы на сто процентов уверены в надежности этих технологий, и любой, чей биочип не будет считываться сканерами, будет подвергнут казни без права обжалования приговора. Для любых стандартных процедур купли-продажи будет требоваться считываемый имплантированный биочип.

И — да, каждый центр будет оборудован инструментом воспитания верности.

К удивлению Давида, тезис был снабжен иллюстрацией: камера показала постер с массивной сверкающей гильотиной, и Фортунато сопроводил фотографию коротким смешком.

— Не могу представить, чтобы гражданам Мирового Сообщества стоило беспокоиться об этом приспособлении, если они только не находятся до сих пор под влиянием культа иегудаитов или секты ортодоксальных евреев. Сейчас, когда воскресение господа нашего не видели только слепые и люди без доступа к телевидению, я думаю, что скептики остались разве что в Иерусалиме. Как видите, — Фортунато снова хохотнул, — долго это не продлится.

Он взвесил на руке массивную стопку писем и распечаток.

— Это, друзья мои, заявки от тех, кто хочет в первых рядах выразить свою лояльность его святейшеству и гордо принять знак

прямо здесь, в Новом Вавилоне. Граждане любого региона могут принять знак здесь у нас, хотя код все равно будет указывать ваш родной регион. К сожалению, мы не можем разместить всех желающих, так что поторопитесь с заявкой или получите знак в вашем местном центре.

Будет ли сама процедура болезненной? Нет. Благодаря современным технологиям и мощной местной анестезии вы почувствуете только давление от инжектора. Обезболивание будет действовать весь период возможного дискомфорта.

Благословляю вас, друзья, во имя воскресшего господа и владыки нашего его святейшества потентата Николае Карпати.

* * *

Рэйфорд вернулся в постель. Он устал, но сон все равно не шел. Час он лежал и обдумывал задания для отряда и в конце концов решил отправить в Грецию Альби и Бизона. Ему придется остаться на месте и поддерживать в отряде боевой дух, а Бизону нужна полевая работа, чтобы обличать тоталитарный карпатианский режим.

С этой мыслью он наконец уснул, напоминая себе поручить Зики сделать Бизону новые документы и попросить у Давида зеленую улицу для обоих, пока он еще в Вавилоне.

* * *

Давид передал шефу продовольственной службы, что верховному командующему Хикману требуется самая крупная живая свинья из доступных для организации визита Карпати в Израиль, а затем заглянул в кабинет проверить почту. Во входящих лежало срочное письмо от Минь Той.

«Не знаю, к кому еще мне обратиться, — писала она. — Я скорблю о вашей потере и могу только молиться, чтобы Господь даровал вам силы. Не могу и представить, как вам тяжело.

Мистер Хассид, вы ведь виделись с моими родными после того, как я ушла. Последнее, что я знаю, — они вас больше не видели, и я очень волнуюсь. Им дали бесплатное размещение в городе, пока Чань устроится на работу, и отец очень этим гордится. Мама, как всегда, молчит, но я говорила с Чанем — он в отчаянии. Он говорит, что ни под каким видом не будет работать на МС, но отец настаивает. Для него это самая высшая честь — чтобы его сын работал на Карпати.

Чань слышал, что все сотрудники получат знак в течение нескольких недель, но ходит слух, что начнут с новичков. Вы про это что-нибудь знаете? Тут есть своя логика: зачем нанимать человека, если

не уверен в его верности. Ну и после поступления на работу не придется тратить время на очереди в центре.

Отец настаивает, чтобы Чань подал документы уже сейчас и был в числе первых получивших знак — он хочет сам при этом присутствовать. Чань уже готов сказать отцу, что верит в Иисуса и что, по сути, его можно назвать иегудайтом, но он боится двух вещей. Во-первых, отец его выдаст, а во-вторых, он начнет выпытывать про меня. Поверьте, мистер Хассид, я отца знаю, он нас обоих продаст, чтобы доказать свою верность Карпати и МС.

Я прошу брата пока ничего не говорить отцу, но я не знаю, как ему избежать испытания. Есть два пути отказаться от этой работы: либо признаться отцу, либо сбежать. Вы сможете ему как-нибудь помочь? Простите, что беспокою вас в такое страшное время...

Помните, что я молюсь за вас. И — вы наверное знаете, но Лия говорила, что ваши товарищи в убежище тоже молятся за вас каждый день.

С величайшим уважением,
ваша сестра во Христе,
Минь Той».

Давид вызвал менеджера по работе с персоналом.

— Можете дать справку на Чаня Вонга?

— Да, сэр. Впечатляющее резюме, и о нем говорили публично — по меньшей мере,

в высшем руководстве: его упоминал Карпати. С ним все ясно — будет работать тут, как только оформим бумаги. Хотите его к себе, да? Все хотят.

— Пока не знаю, просто интересуюсь.

— Просто ваш отдел — это для него самое подходящее место. Если его направят к вам, вы ведь не откажетесь?

— Пока рано говорить, не хочу, чтобы за меня это решали. Если он всем так нужен, это еще не значит, что я его тоже должен с руками рвать.

— Верно. Но это ценное приобретение.

— Что там с ним дальше?

— Не знаю. Мы ждали бумаги вчера, мяч на его стороне. Как только он заполнит документы и подаст заявление, мы отправляем предложение.

— И он его принимает?

— Да, он в игре.

— Он еще школу не окончил.

— Наймем репетиторов. Он сам кого хочешь научит.

— Когда он может приступить?

— Через пару дней. Заминка из-за новых формальностей. Слышали уже?

— Нет.

— По почте рассылали.

Давид постарался скрыть волнение.

— Посмотрю, спасибо.

— Хотите парнишку себе, если мы его получим?

Нужно было решать быстро. Если он найдет мальчика, а потом исчезнет с остальны-

ми, Чань автоматически станет врагом народа. С другой стороны, если они обставят свое исчезновение как несчастный случай, то подозревать никого не будут. С третьей — если для приема на работу нужен знак, то и обдумывать нечего. Парень откажется, отец его выдаст — и точка. А Давиду незачем навлекать на себя подозрения, заманивая парня к себе или общаясь с ним.

— А можно с ним потолковать?

— Собеседование? Ну, не для протокола, но почему бы и нет.

— Где его поселили?

— Комната 5054.

Совсем рядом с Ханной. Интересно, она знает?

— Спасибо.

Давид поспешил в лазарет. Ханна официально приветствовала его, задала стандартные вопросы насчет кровотечений, дискомфорта и болезненных ощущений, потом пригласила в отдельный кабинет, чтобы снять швы.

— Выглядишь неплохо, только рассеянно. — Она обработала ему голову дезинфектантом и теперь отмачивала повязку.

— С чего бы это, — буркнул он.

— Язвишь? Я на твоей стороне, помнишь?

— А ты знаешь, что Вонги поселились на твоем этаже?

— А кто это?

Давид хлопнул себя по лбу.

— Чудненько, — хмыкнула Ханна. — Прощай, стерильность. Закрой глаза.

Он подчинился, и она снова обработала рану.

— Так кто такие Вонги?

Он рассказал ей всю историю.

— И что ты думаешь делать? — спросила она.

— Поставлю им жучка в комнату.

— А ты можешь?

— Я все могу.

— Не сомневаюсь. Но как?

— Я тебе расскажу, но потом...

— Знаю, тебе придется меня убить.

Она вспыхнула — видимо, вспомнив, что он потерял невесту.

— Прости...

— Это я виноват. Сам начал.

Она слегка потянула за повязку, и у Давида на глазах выступили слезы.

— Потерпишь меня еще немного. — Она снова спрыснула бинт.

— Эта штука поможет его отодрать?

— Это моя реплика! К счастью, тебе повезло с хирургом... о, это ведь была я! Я удалила достаточно волос, так что у нас тут только кожа, рана и шов. Представь, если бы там были еще и волосы.

— Даже думать об этом не хочу!

— Тогда думай о чем-нибудь еще, а я постараюсь побыстрее.

— А нельзя ее просто сорвать?

— Нельзя, там же швы. Их нужно правильно снять. Если я хоть один стежок сдерну вместе с повязкой, ты от боли на потолок полезешь. Теперь думай о чем-нибудь другом.

— Например?

Она остановилась и подбоченилась, стараясь, чтобы стерильные перчатки при этом ничего не задевали.

— Давид, мы с тобой едва знакомы. Откуда мне знать, о чем тебе надо думать?

Он пожал плечами.

— Думай о свободе. — сказала она. — О том, как мы отсюда убежим навсегда.

— По-твоему, это свобода? Просто очередная тюрьма.

— Я об этом думала. Но там будет меньше напряжения, верно?

— Просто другое, наверное... Ай!

— Прости. Мужайся, расскажи мне еще.

— Ну, там не надо будет беспокоиться, не смотрит ли кто, не слышит ли кто, не взломали ли секретную почту и телефонную линию. Не надо будет бояться, а вдруг нас уже вычислили и просто ждут, пока мы выдадим остальных и себя закопаем.

— Про это я и думала.

— Но это не будет свободой. Мы будем в бегах.

— То есть на мой план ты уже плонул?

— Нет, почему? Я его поручил Маку и Абдулле.

— Так если он сработает, нас никто искать не будет. Мы получим новые документы, изменим внешность, начнем все сначала.

— У нас не будет знаков.

Она запнулась.

— Да, проблема. Теперь не шевелись... есть!

Она помахала перед ним зажимом с повязкой. Помимо дезинфицирующего средства на бинтах виднелись следы крови и отпечаток раны — с двумя скобами и несколькими стежками.

— А можно у тебя кое-чего спросить, — начал Давид. — Не по теме.

— Кое-что, ты хотел сказать?

— Ну, вроде того. Образование демонстрируешь?

— Прости. Это не лечится.

— Ну, в убежище нам как раз такого грамматея и не будет хватать. Если Цион с Бизоном вдруг отлучатся. Так я о чем. Почему вы, медики, вечно думаете, что нам нравится смотреть на эти штуки. Я про эту вонючую повязку.

— Вонючую? — Она передразнила его сюсюкающим голоском: — Мы не хотим смотреть на эту плативную штуку...

— Ну, врачи и сестры вечно делают так же. Снимут и показывают. Думаешь, если я не увижу бинт, я счет не оплачу?

Она пожала плечами.

— Вы почему-то все очень любите грязные бинты, — сказал Давид. — Вот мой вывод. Кстати, а почему ты ничего не говорила про скобы?

— Ты только что ответил на свой вопрос.

— Не понял.

— Я показала бинт, чтобы ты понял, что будет дальше. Стежки я делала по отдельности, убирать будем по одному. Это не из тех

штук, которые разрежешь или развяжешь, а она сама снимается. Больно не будет, но их там несколько. Когда снимем швы, я посмотрю, удержит ли шрам твой огромный мозг. Потом возьму кусачки и подцеплю скобы — одну за другой.

— Шутишь.

— Нет, сэр. Я перекушу проволоку...

— Ай!

— Не больно, если не будешь дергаться.

— Это ты лучше не дергайся.

— Я профессионал, не бойся. Потом я отогну края — по два у каждой скобы — и осторожно их вытащу.

— Это будет больно.

Она замешкалась.

— Эй, вот тут надо было быстро сказать: «Ни капельки»!

— Ну, это будет ощутимее, чем швы. Глубокая инвазия требует тщательного извлечения.

— Извлечения... Тебе бы в менеджеры пойти.

— А как надо было сказать? Здоровая толстая проволока вытеснила больше ткани, чем тоненькие ниточки. Если часть тканей приросла к металлу, ты почувствуешь, как они будут отрываться.

— Не нравится мне это «отрываться».

— Бояка! Даже крови не будет. Если я увижу, что вынимать рано, что можно вызвать травму, то мы отложим процедуру.

— Только если эта травма меня убьет. Я серьезно, Ханна. Я хочу покончить с этим.

Начертание

— Не хочешь больше со мной встречаться?

— Не в этом дело.

— Нет уж! — Ханна изобразила оскорбленную невинность. — Я стерплю. Вокруг нет других христиан, у которых был бы повод зайти ко мне, но ничего. Оставь меня страдать в одиночестве.

— Ты работать будешь?

— Болтай поменьше — и я буду. А теперь снова думай о другом.

— А ты можешь разговаривать и работать?

— Я профессионал, я же говорила!

— А тогда расскажи пока о себе.

— Эта история будет подлиннее процедуры, Давид.

— А ты не торопись.

— Как мило с твоей стороны предложить!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

История Ханны Пэйлмун действительно отвлекла Давида от процедуры. И — да — сестра не торопилась: делала перерывы между каждым стежком. Первую нитку Ханна ему показала, но он одарил ее таким взглядом, что больше она так не делала.

Ханна родилась и выросла в резервации шайеннов — в регионе, который теперь назывался Соединенными Североамериканскими Штатами.

— Ты не поверишь, сколько мифов ходит о коренных американцах.

— Я никогда не был в Штатах, даже когда они назывались США. Но я читал книги. Вас назвали индейцами из-за ошибки Колумба.

— Точно. Он решил, что приплыл в Западную Индию, а стало быть, мы индейцы. И теперь эти индейцы повсюду: индейское

то, индейское се, индейские племена, ковбои против индейцев, проблема индейцев, американские индейцы — как тебе? Они бы еще сказали, американские китайцы. Ну и, понятно, все, кто не бывал в резервации, думают, что мы живем в вигвамах.

— Я бы тоже подумал, — сказал Давид. — На картинках же так и есть.

— Потому что картинки — с туристических маршрутов. Туристам хочется посмотреть на старый быт — мы его показываем. Наряжаемся в старые тряпки, танцуем старые танцы, продаем безделушки из бисера. Наша настоящая жизнь им не нужна.

— А там вигвамов нет, так?

— Там все как в обычной бедной стране. Многоквартирные дома, мелкие частные домишкы, трейлеры. Какому туриstu интересно, что мой отец работал механиком, а мама — секретаршей в слесарной мастерской? Гораздо интереснее верить, что мы участвовали в облавах, хлестали огненную воду и работали в казино.

— А этого не было?

— Мама любила игровые автоматы. Отец как-то раз спустил зарплату в блекджек, больше ни разу не играл.

— А ты работала ветеринаром.

— Только помогала. Мой дядя, мамин брат, был самоучкой. В резервации не нужны лицензии и сертификаты, если не хочешь работать с внешними клиентами, а он не хотел. Ну и в мистику он тоже никогда не ударялся.

Туристы вечно спрашивали, как он там шаманит, танцует, оживляет мертвых зверей, а он просто любил читать. Глотал все книги о том, как лечить животных, какие мог достать: он любил зверей, и у нас их было много.

— А ты не хотела быть ветеринаром?

— Нет. Я зачитывалась книжками про Клару Бартон и Флоренс Найтингейл. Училась неплохо, особенно естественным наукам, так что учительница мне посоветовала воспользоваться квотой для коренных американцев и поступить в университет. Я уехала в Аризону и назад не вернулась. Вышло дороже, потому что я не из Аризоны, но я хотела уехать подальше от резервации.

— Почему?

— Я ничего не стыдилась, просто решила, что во внешнем мире у меня больше возможностей. Так и вышло.

— А откуда ты услышала о Боге?

— Да отовсюду. В резервации были христиане. Наша семья была не из верующих, но мы знали кучу народа, кто ходил в церковь. Та моя учительница любила рассказывать о Боге, но мне было неинтересно. Она это называла — свидетельствовать. Само слово уже отпугивало. Потом университет — там проповедники были на каждом шагу. Идешь на лекцию, а тебя пытаются обратить по дороге.

— Тебе не было интересно.

— Не настолько, чтобы ходить на собрания. Я боялась, что меня затянут в секту или в сетевой маркетинг. Эти ребята пытались всех

убедить, что мы грешники, а они знают, что с этим делать. Если честно, я себя грешницей никогда не чувствовала. Тогда — уж точно.

— То есть они ошиблись с подходом?

— Они не виноваты. Я ведь была грешницей, понятное дело, я только этого не видела.

— А что же сработало?

— Когда я увидела, кто исчез, я чуть с ума не сошла. Все христиане из университета, мои знакомые верующие, моя учительница...

— И у тебя зародилось подозрение?

— Подозрение? Да я сразу все поняла! Люди говорили, что это Бог устроил, и я им поверила. И я Его за это ненавидела. Я вспоминала ушедших, как они были добры ко мне, сколько они для меня сделали, как они не боялись говорить со мной, хоть и выглядели для меня чудаками из-за этого. И я не хотела такого Бога, Который забрал их всех, а меня оставил тут. Мне нужен был герой, в которого можно верить, но Бог мне не подходил. И тогда я увидела Карпати по телевизору. В Библии же написано, сколько народу он обманул, — так я была в первых рядах! Заглотила наживку целиком. Узнала, что тут нужны медики, села на первый самолет до Нью-Йорка... Когда речь зашла о переезде в эту чудную, богом забытую пустыню, я засомневалась, но и тогда я верила Карпати.

Беспокоиться насчет Карпати я начала, когда он заговорил как политикан. Что, мол, все замечательно и ситуация под контролем. Весь этот хаос из-за исчезновений его будто и не волновал. И я была не согласна, когда

он сказал, что исчезновения доказывают, что Бога нет, потому что зачем Богу такое творить. Я верила, что это Бог и что это доказывает, что Он вовсе не любит нас.

Ханна закончила со швами, стянула перчатки, вымыла и высушила руки и надела новую пару. Она присела рядом с Давидом.

— Остались скобы, давай передохнем.

— Но кто-то ведь привел тебя к Богу. Нужели тут есть еще верующие?

— Я никого не знала, пока не увидела твою метку. Попробовала ее стереть сначала, потом поняла, что это такое, и чуть не заплясала от радости. Я ведь свою не видела и вообще ни одной не видела раньше, только читала.

— Где?

— Помнишь, нам объявили, что сайт Циона Бен-Иегуды — под запретом?

— Конечно.

— Этого мне и не хватало, я сразу туда полезла. Поначалу там все казалось китайской грамотой, но потом он предсказал землетрясение. Сначала оно произошло. А потом я узнала, что моей резервации конец. Всех засыпало: маму, отца, обоих братишек, родственников... Это, наверное, было единственное место в мире, где не выжил вообще никто. Ноль выживших.

— Ох...

— Можешь себе представить, каково мне было. Горе меня раздавило, я была одна, я была зла на весь мир, я не могла понять, как какой-то чудак из Интернета все предсказал.

— Не могу поверить, чтобы это тебя убедило. Ты, наверное, злилась на Бога еще сильнее.

— Вроде того. Но я начала понимать кто такой Николае. Ты ведь тогда был тут, да? Слышал, о чем шептались?

Давид кивнул.

— Говорили, он с боем пробился к вертолету на крыше, но это ладно, я бы, наверное, тоже так сделала. Но он же не вызвал помочь, не вызвал эвакуационные машины. Люди висли на шасси, умоляли их спасти, а он приказал пилоту взлететь. Он, может, и не мог никого спасти, башня же просто рухнула. Но он ведь даже не попытался! Это что, лидер?

А потом — опять фальшь. Скорбь была наигранной. Я делала свое дело и забыла про идеализм, но от сайта Бен-Иегуды оторваться просто не могла. Туда приходили миллионы, столько народу поверили... Я прочитала про метки, и мне стало завидно. Я пока не знала, хочу я такую или нет, но мне хотелось быть частью чего-то большего.

Да, но ты же хотел узнать, чем меня привлек Цион. Да, ты подумай, называю его по имени — кто он и кто я! Понимаешь, он блестящий ученый, гений. И при этом ухитряется все объяснять на пальцах для таких, как я. Я понимала, что он говорит, он делал сложное понятным. И он был открыт. Его родные погибли еще страшнее, чем мои.

И он такой добрый, так любит людей! Это даже через Интернет понятно! Он мо-

лится за людей, заботится, как самые лучшие врачи.

— И это тебя убедило?

— Вообще-то нет. Я верила, что он говорит искренне, я начала понимать, что он прав. И тут на меня напала исследовательская лихорадка. Я решила разложить все по полочкам, не торопясь, аккуратно. И тут он предсказал мор, и мор наступил. Дальше все пошло уже быстрее.

— Так ты увидела свои грехи?

Ханна встала и взяла кусачки.

— Ой, — сказал Давид.

— Расслабься. Слушай историю, которую тебе девушка рассказывает. — Она аккуратно прижала пальцами края скобы и подцепила проволоку кусачками. Потом сжала обеими руками, и проволока с треском разломилась.

Давид подпрыгнул.

— Живой? — спросила Ханна.

Он кивнул.

— Я ничего не почувствовал, только испугался.

— Вернемся к истории. — Она перекусила вторую скобу. — Цион нас предупреждал — ну, ты знаешь, ты ведь его читал.

Давид кивнул.

— Я с ним по телефону говорил.

— Врешь!

Он помотал головой.

— Не дергайся с проволокой в черепе!
Еще раз мне соврешь — я их пружинками скручу!

— Я не вру.

— Знаю... Просто я тебе *так* завидую!

— Ты ведь сама с ним можешь как-нибудь познакомиться.

— Так, тащи сюда ведро и швабру. Я сейчас растекусь лужицей по полу, будешь меня собирать.

— Я тоже.

— Ты-то его уже знаешь! Вы приятели!

— Только по телефону!

— «Только по телефону»! — передразнила она. — Ну да, болтаем, знаете ли, время от времени: эй, привет, Дэйв, как делишки? Я тут только что проповедь закончил...

Давид рассмеялся — и с удивлением понял, что это его первый смех с тех пор, как...

— Ну вот, — продолжила Ханна, аккуратно вытаскивая одну из проволочек. — Видишь? Техника, расчет и никакого мешенничества... Ой, это что там, никак, мозги вытекают? А, нет, голова-то пустая...

Давид помотал головой.

— Рассказывай дальше!

— Ну вот. Цион обещал, если мы начнем читать Библию, то она станет нам зеркалом, и отражение нам может не понравиться. Помнишь такое?

— Это я-то?

Вторая скоба вышла так же легко. Ханна торжественно сунула проволоку Давиду под нос, но он отмахнулся.

— Библии у меня не было, и тут они не валяются, сам знаешь. Но у Циона был сайт, где можно читать Библию на своем языке. Ну, на чероки, правда, там не было. И я стала читать Библию по ночам.

— И начитаться не могла?

— Э... нет. Я не читала руководство: с чего начать и на что смотреть. Я просто начала с самого начала. Истории из Бытия мне понравились, но потом пошел Исход и — что там дальше?

— Левит.

— Угу. И я все думала: а где же зеркало? Мне не нравилось то, что я читала, но зеркала я там не видела. Наконец я добралась до веб-страницы, где можно было задать вопрос. Всего-то миллион вопросов в день. Я и не ждала, что он мне лично ответит. Конечно, он и не ответил. Может, как раз болтал по телефону со своим приятелем Дэйвом. Но кто-то мне подсказал, где лежит это руководство. Я начала с Иоанна, потом прочитала Послания к Римлянам, потом Матфея. И вот тут-то оно началось — про читать не начитаться и про зеркало. Цион писал про главный грех — и для меня это была гордыня. Я пошла по этой «римской дороге» со всеми остановками: рождение во грехе, разлучение с Богом, отречение от Его дара жизни вечной — это же все про меня! Я просидела за Писанием всю ночь, а потом отработала сутки — и даже не почувствовала. Мне жутко хотелось со всеми поделиться, но умирать тоже не хотелось.

Ханна снова обработала Давиду голову дезинфицирующим спреем и промокнула стерильным полотенцем.

— Сейчас намажу тебя бетадином, чтоб ты не был похож на скунса с белой полосой посередке. Выглядеть все равно будешь

прикольно, но издалека за нормального сойдешь. И давай вылезать отсюда, пока они поисковый отряд за тобой не послали.

— Погоди.

— Что? — Она снова промокнула рану.

— Просто хотел сказать спасибо. Мне нужно было это услышать, такие истории никогда не приедаются.

— Спасибо, Давид. Можешь себе представить, сколько времени это все внутри меня кипело... да, и еще одно.

— Что?

— Передай от меня Циону привет, ладно?

* * *

— Не может быть! — воскликнул Бизон.

— А вот и может! — ответил Зики. — Попробуй покажу!

Бизон пошел за Зики, у двери обернулся и ошалело посмотрел на Хлою и Рэйфорда. Так и есть, у Зики в шкафу висело четыре комплекта перепачканной и мятой формы МС.

— Откуда?!

— Ну, когда всадники тут бегали, помните?

Бизон кивнул.

— Мертвые эмэсовцы тут пачками валялись. Мы с батей проехались по району, старались опередить поисковые группы. Мне не особо нравилось обдирать мертвяков, но мы с батей оба понимали: это ж просто дар Божий. Я забрал документы и остальное, но ксиву-то, понятно, использовать нельзя.

— Почему? — спросил Бизон.

Зики вздохнул.

— Эти ребята числятся в пропавших. Если кто-то голые тела не опознал, то они либо дезертиры, либо без вести пропавшие. Если вы появитесь с их документами и номерами, то на кого они мокруху-то навесят? Или кражу униформы?

— Ясно.

— Ну вот.

— Тогда что нам делать? Сделаем новую именную бляху и документы?

— Да, только я попробую скомбинировать что-нибудь подходящее. А сначала надо посмотреть, какой подходит. Вот этот вроде самый большой.

— Я и так вижу, что он мне короток.

— А вы на манжеты посмотрите и на штаны. Они там специально припуск делают, чтоб под каждого не подгонять.

— Зики, так ты еще и шьешь?

— Ну, я этим не хвастаю, но вообще-то да. Я все делаю, полный сервис.

Брюки были коротки дюйма на два и жали в талии. Рубашка — почти как раз, но рукава на дюйм короче, чем надо. То же с курткой. Фуражка была просто мала. Бизон покачал головой, но Зики вытащил из загашников швейный набор. Теперь оставалось только не расмеяться, глядя, как здоровенный парень ползает на коленках с дюжиной булавок во рту.

— И как ты собираешься комбинировать?

— Ну, — Зики не выпускал изо рта булавки, — документы будут от мертвого штатско-

го. Лицо вам уже поправили, хоть и не специально. Я вам волосы в темный цвет перекрашу, контактные линзы темные дам и сделаю фотку на новые бумаги. Если хотите, выберите сами, кто вам больше подойдет. Вы у меня в картотеке уже рылись, выбрали Грэга Норта. Возьмите еще несколько, отберите тех, у кого тот же рост и все такое. Чем меньше менять, тем лучше.

— Можешь дать мне звание выше, чем у Альби?

— Не, не выйдет. Видите, как у куртки плечи и воротник скроены? Это форма рядового миротворца. Вот если бы воротник был не отложной, а стойкой, да с парой полосок, — можно было бы командующего сделать.

— А ты такое не сошьешь?

— Долго возиться. Пойдет по двойной таксе.

Бизон улыбнулся, Зики взревел от хохота.

— Вы ж прям за бумажником потянулись, а? Проверить, вдруг денег не хватит.

— Почти.

— Батя всегда говорил, я тот еще тип. — Он внезапно помрачнел.

— Пока не знаешь, куда его отправили?

Зики покачал головой.

— Но вот то, что по телику показывали, мне не нравится. Болтали, что они начнут знак лепить с тех, кто уже за решеткой. Используют их как кроликов подопытных.

— Твой отец не примет знак.

— Знаю. Ни под каким соусом, ни за что. А значит, мы с ним больше не свидимся.

— Не отчаивайся, Зики. Всегда есть надежда.

— Да, наверное. Я про это дело молюсь. Но я знаю, когда надежды нет. Это когда они там всех соберут и в очередь за знаком выстроят. Им же дадут выбирать, так?

— Я так понял, да.

— А батя даже и думать не будет. У него один-то знак уже есть. Я его видел, и он мой тоже видал, так что я точно знаю. И он не будет прикидывать, как оба получить и в живых остаться. Он ни за что Карпати не присягнет. Он им скажет — нет, мол, и тут-то они его и прикончат. Не знаю, как они их там убивать будут, в каталажках: гильотинами этими или просто пристрелят. Но батя из тюрьмы только так и выберется. В ящике цинковом.

* * *

Возвращаясь в кабинет, Давид чувствовал внутри странное тепло и радость. Ему нравилась Ханна и ее манера вести себя. Из нее выйдет хороший друг. Она старше, но это незаметно. Давид начал верить, что в мире, может, еще осталось что-то хорошее.

Он поколдовал над компьютером, подключаясь к системе прослушки в комнате 4054. Надев наушники, он очутился в самом разгаре ожесточенного спора. Кричал телевизор, и миссис Вонг то и дело повторяла:

— Ш-ш-ш! ТВ! Ш-ш-ш!

Ее муж огрызлся по-китайски. Давид знал, что в китайском много диалектов, но не понимал ни одного. Понятно было только, что отец с сыном ссорятся, а мать хочет смотреть телевизор. Из спора мужчин Давид разобрал только «МС» и «Карпати». Сын вскоре начал всхлипывать, отец бранился.

Давид записал разговор на случай, если вдруг найдет голосовой автопереводчик, который не только распознает язык, но и переведет сказанное на английский или иврит. Вдруг отец заговорил еще более гневно, сын начал умолять и, похоже, расплакался. Мать снова попросила их говорить тише, отец рявкнул на нее, и Давид услышал, как кто-то снял трубку и набирает номер. Английский наконец-то!

— Миста Ақбал, говолить китайски?.. Пакистани? Нет. Англиски, да. Холосо. Да, Вонг! Воплос к вам. Новый лаботник получай знак пельый, так?.. Холосо! Когда?.. Ланьсе нет?.. Мозно ланьсе? Холосо. Миссис Вонг и я тозе? Холосо? Сын. Чань Вонг, мозно ему первый знак?

Мальчик выкрикнул что-то по-китайски. Мистер Вон, похоже, прикрыл трубку ладонью, чтобы ответить. Кто-то — видимо, Чань, — выбежал из комнаты и хлопнул дверью.

— Миста Ақбал, вы давать знак сыну, матери, отсу?.. Не вы? Кто?.. Мун? Уолтер Мун?.. Сам Мун нет?.. Люди Муна? Холосо! Сын пельый. И фото, делать фото сын!.. Когда?.. Да, я говоли с люди Муна. До свидания.

Сказал Чань отцу, почему не хочет принимать метку, или просто отказался? Когда в комнате все стихло, кроме телевизора, Давид отправил запись Минь Той с запиской: «Если не очень трудно или больно, не могли бы вы перевести, о чём они говорили? Ваш отец, видимо, давил на Чаня, чтобы тот поступил на работу и стал первым, кто получит знак. Я попробую узнать из других источников, когда они начнут выдавать знаки, но помогите, пожалуйста, как только сможете. Мне жаль, что пришлось подслушивать, но мы ведь оба хотим избежать несчастья».

Он позвонил в комнату 4045. Ответил Вонг-старший.

- Будьте добры Чаня.
- Вам нужен Чань Вонг?
- Да, будьте добры.
- Говорить пло лабота в МС?
- Да, сэр.
- Миста Уолтер Мун?
- Нет, я Давид Хассид, мы встречались на прошлой неделе.
- Да! Миста Хассид! Чань лаботать на вас?
- Пока не знаю. Об этом и хотел бы с ним поговорить.
- Он тут. Вы говорить. Вы компьютеры, да?
- Да, в основном вычислительная техника.
- Он лучший! Он вам помогать. Он вам лаботать. Минута... Чань! — Он крикнул что-то по-китайски, и мальчик ответил из другой комнаты.

Наконец Чань подошел к телефону.

— Алло. — По похоронному тону казалось, будто он потерял лучшего друга.

— Чань, это Давид. Просто слушай, ничего не говори. Твоя сестра мне все рассказала. Я попробую помочь, ладно? Отец с тебя слезет ненадолго, если ты сходишь на собеседование к директору?

— Да.

— Выиграем время. Не бойся, ладно?

— Стараюсь.

— Ничего не говори. Может, у нас даже получится вытащить тебя отсюда.

— До знака?

— Не говори ничего, Чань! Подыграй мне, понял?

— Да, Давид.

— Зови меня мистер Хассид, хорошо? Мы не должны выглядеть друзьями и уж точно не должны говорить, как братья по вере, понятно?

— Да, мистер Хассид.

— Молодец, Чань. Теперь слушай. Позвонишь завтра моей помощнице, запишешься на прием. Я скажу Тиффани, что ты позвонишь, а ты ей скажешь, что это я сказал тебе позвонить. Ясно?

— Да, сэр.

— Все будет хорошо, Чань.

— Надеюсь.

— Можешь мне довериться.

— Да, мистер Хассид.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Рэйфорда и остальных пригласили послушать, как Цион устраивает своему бывшему преподавателю экзамен по истории богоизбранного народа. Хаиму наконец-то сняли шину, он то и дело шевелил челюстью и с облегчением потирал лицо. Впрочем, оживленным он не выглядел: старика явно еще терзали сомнения, о которых он говорил с Рэйфордом несколько дней назад.

— Ну же, Хаим! — сказал Цион. — Это потрясающее, захватывающее, это чудо! Это величайшая история всех времен и народов! Я знаю, где Господь уготовал убежище для Своих детей, но я вам ничего не расскажу, пока вы не будете готовы. Вы должны быть готовы стать воином Божиим и ринуться в битву слов и разума. Ваши знания помогут вам, но силу даст вам Господь. Я верю: если Он утвердит в вашем сердце мысль, что вы

должны стать сосудом Духа Святого, то он наделит вас чудесными силами для борьбы с сатанинскими чарами Антихриста. Вы предвидите победу, друг мой? Как бы мне хотелось быть на вашем месте!

— Мне тоже! — отозвался Хаим.

— Нет-нет! Если вы избранный Богом воин, то вы не должны отказываться от священного долга и призыва! В истории Америки большую роль сыграла доктрина Божьего промысла, но если судьба какого-то народа Земли и определялась Божьим промыслом, то это был наш народ! Ваш и мой! А ныне частью нашего народа стали наши братья, поверившие в Мессию, в Его милосердие, в Его искупительную жертву на кресте. Иисус Мессия! Иисус Христос! Иисус воскрес!

— Воистину воскрес, — ответил Хаим, но его голосу не хватало Ционовой энергии.

— Вы сами себя слышите?! — Цион передразнил ученика: — Вой-и-истину воскре-е-ес... Нет! Воистину воскрес! Аминь! Хвала Господу! Аллилуйя! Вы ведь можете отправиться в Иерусалим, стать вождем, воителем! Вы встанете против лжи и скверны, против врага Всевышнего Господа! Вы обличите Антихриста миру как грешника, одержимого сatanой, и поведете верных на бой против знака зверя!

О, Хаим, Хаим! Вы так быстро учитесь, ваш мозг отлично работает, он готов воспринимать информацию. Вы все понимаете, я уверен! Если не вы, кто еще может пойти? Вы идеально подходите на эту роль, но, как

бы я ни хотел, я не могу отдать вам приказ. Как бы я хотел сам быть избранным и увидеть все воочию! Если эта честь выпадет вам, я буду расспрашивать малейшие подробности. Если вражье войско выступит против вас, если оно будет превосходить вас числом и силой, Господь даст укрытие, и вы, мой друг, отведете народ в это укрытие. И Сам Господь будет защищать вас и заботиться о вас. Хаим, вы понимаете, что все это было обещано нам еще в давние времена? Подумайте! Бог заботился о детях Израилевых, о слабых, хрупких, злобных, неверных, невежественных, нетерпеливых созданиях, готовых кланяться чужим кумирам.

Вы понимаете, что это значит? Вы можете повести свой народ — Его народ — в место, куда практически нельзя войти и откуда нельзя выйти. Если вы останетесь там до самого Великого пришествия, то что вы будете носить? Во что одеваться? Библия гласит, Господь Сам, как в старые времена, даст вам пищу — прекрасную, питательную, утоляющую голод. Манну небесную! А одежда — знаете, что с ней будет?

— Нет, Цион, — устало ответил Хаим. В его голосе читалось подразнивание. — Что бы ты ни делал, пожалуйста, не оставь меня в неведении насчет одежды.

— Не оставлю! И вы будете благодарны, чтобы не сказать ошеломлены. Если я вас ошеломлю, вы это признаете?

— Обязательно.

— Пообещайте!

— Даю слово, мой восторженный юный друг. Ошеломите меня — и я скажу об этом.

— Ваша одежда не будет изнашиваться! — Цион гордо выдержал паузу. — Ошеломлены?

— Возможно. Расскажи подробнее.

— Ага, теперь вам стало интересно!

— Мне всегда интересно, Цион. Я просто недостоин. Испуган до смерти, ничего не умею, не готов и недостоин.

— Если Господь призовет вас, то все это будет не важно. Вы станете Моисеем! Господь Бог Авраама, Исаака и Иакова предстанет перед вами, и слава Господня будет оберегать вас.

— А меня нужно будет оберегать? Кто будет охотиться за мной?

— Не фараонова армия, будьте уверены. Хотя даже и тогда Бог помог бы вам спастись. Против вас ополчатся слуги Карпати. Кто же еще сосредоточил в своих руках все мировое оружие под лживые разговоры о мире и разоружении. Но если понадобится, Красное море расступится вновь, Бог сотворит это чудо! Ибо что мы уже выучили, мой маленький зубрилка?

— Хмм...

— Хмм? Не мычать, Хаим! Скажите рабби, что вы узнали о великих чудесах из Торы?

— Что это не просто истории, не просто примеры, не просто мифы, чтобы ободрить нас.

— Отлично. Так что же они? Что они такое, господин отличник?

— Правда.

— Да! Правда!

— Они действительно происходили.

— Да, Хаим! Все это происходило, ибо Господь всемогущ! Он говорит, что это было — значит, это было. И если Он говорит, что это случится вновь, то что?

— То это случится.

— Да! Вот он, шанс, Хаим! Победить свои страхи. Победить сомнения. Отдать их Богу. Отдать себя в своей слабости, ибо в слабости нам даруют силу. Моисей был слаб. Моисей был никто. Моисей был косноязычен! Хаим! Моисей, герой нашей веры, не мог предложить Господу больше, чем вы!

— Он не был убийцей.

— Был! Вы просто забыли, разве он не убил человека? Думайте, Хаим! Ваш разум, ваш рассудок, ваше сердце говорят, что Бог не простит вас. Да, чувство вины еще свежо в вас, и я знаю, как оно тяжко. Но в глубине души вы знаете: милосердие Господне превыше нашего греха. И не может быть иначе! Потому что иначе мы все живем впустую. есть ли что-то невозможное для Бога? Слишком большое для Него? Грех такой тяжести, чтобы Он не смог его простить? Хаим, было бы богохульством утверждать такое! Если вы способны совершить грех, который превыше Господня милосердия, то вы выше Бога. Вот она, гордыня кающихся. Мы что, вообразили себя теми единственными, которых Господь не может достичь Своим даром любви? Хаим, Он нашел вас. Вытащил из

грязи. Смиритесь перед лицом Господа, и Он возвысит вас!

— Вернемся-таки к моей одежде, — подал голос Хаим. — Значит, я буду носить одно и то же, пока Иисус не вернется, и ничего не износится?

Цион откинулся на спинку кресла и махнул рукой.

— Хаим, если Он может спасти нас с вами, простить наши грехи, вернуть нас к жизни после духовной смерти, то одежда — это такой пустяк... Забудьте об оторванных пуговицах, дырках, затяжках. Просто возьмите с собой любимые вещи, потому что в них вы будете ходить до самого конца.

* * *

Давид превзошел самого себя, но все-таки поставил весь дворец Мирового Сообщества на прослушку с удаленного компьютера и прошептал благодарственную молитву Богу, Который позволил ему работать, несмотря на скорбь. Мак и Абдулла должны были прийти через час, чтобы окончательно утрясти план побега. Бежали четверо, включая Давида с Ханной, и все договорились внимательно выискивать в эти дни других верующих. Уже стало ясно, что Чань Вонг, умный китайский парнишка, скорее всего, примкнет к побегу. Оставалось сообразить, как это устроить.

Ожидая ответа от Минь Той, Давид прослушал записи, которые сделал раньше. В папке «Николае» лежала запись совещания с Сулеймом Акбаром, Уолтером Муном, Леоном Фортунато и Джимом Хикманом, сделанная в день разговора с Хикманом насчет свиньи. Давид подавил дрожь, готовясь прослушать файл, и быстро проверил, не остался ли кто в помещении. Закрыть программу и выключить компьютер он мог одним нажатием клавиши, но быть застигнутым врасплох все равно не хотелось.

Об этом они как раз говорили с Ханной совсем недавно:

— А откуда ты знаешь, что тут нет другого такого умника, который делает то же, что и ты?

— То есть?

— Ну, скажем, следит за тобой.

Давид отмахнулся. Он разработал уйму программ против взлома и устройств, глушищих жучки. У него были электронные «уши» везде и всюду, он бы, наверное, мог услышать любое слово, произнесенное в Новом Вавилоне. Не-воз-мож-но! Правда ведь? И потом, начальство не говорило бы так свободно, если бы они знали, что их подслушивают. А если бы за ним следили, то схватили бы уже давным-давно!

Он верил чипам безопасности в своих телефонах, а его почтовый ящик было просто невозможно взломать — так он и постарался объяснить Ханне.

— Давид, я в этом всем не разбираюсь. Может, это правда, что ты самый великий компьютерный гений во всем белом свете, но береженого Бог бережет, правда?

— Я берегусь!

— Точно?

— Точнее некуда.

— А то, что ты звонишь и пишешь друзьям из Штатов?

— Не отследить и не взломать.

— Но ты-то отслеживаешь и взламываешь?

— Я это умею.

— По краю ходишь.

— А по-другому нельзя.

Ханна пожала плечами и сменила тему. Наверное, единственной причиной для разговора было то, что она боялась за него. Ну и, понятно, во всем, что касалось информационных технологий, она, как и многие, была полным «чайником». Но зерно сомнения она все-таки заронила, и он почти хотел, чтобы этого разговора не было. Теперь с каждым сообщением, каждой передачей данных, каждым звонком он не мог отделаться от ощущения, что кто-то заглядывает ему через плечо. Все доступные данные говорили о том, что это невозможно, но интуиция не верит фактам. Он прогонял проверку за проверкой в поисках чужаков. Все было спокойно, но Ханна его напугала. Что ж, еще один стимул быть осторожнее.

Запись началась, когда Давида вызвали к Хикману, так что несколько минут Карпати

был в кабинете один. Последний раз, когда Давид слушал потентата одного, тот молился Люциферу. Теперь он был Люцифером. Молится ли сатана сам себе?

Нет, но он разговаривал сам с собой. Сначала Давид подивился четкости звука. Он установил в кабинете простой интерком: приемник-передатчик, переключающийся по команде, но устройство работало лучше, чем он мог надеяться. Он слышал, как Николае вздыхает, кашляет и даже напевает про себя.

Это было самое странное. Потентат явно никогда не спал, но сбрасывал излишки энергии даже наедине с собой. Давид слышал движения, шаги, звук переставляемых предметов. Где-то на заднем плане, за стенами кабинета, трудились рабочие.

— Хмм... — Карпати говорил тихо, будто думая вслух. — Зеркала. Хочу зеркала! — Он усмехнулся. — Зачем ограничивать себя в удовольствии, доступном другим? Они могут видеть меня, когда хотят.

Он нажал кнопку интеркома, и в ответ сразу послышался голос Сандры:

— Ваше святейшество?
— Тот бригадир еще здесь?
— Да, повелитель. Хотите поговорить с ним?

— Нет, просто передайте ему сообщение. А лучше — загляните сюда на пару минут.

— С радостью, — ответила она, будто ощущала эту радость всем своим существом. Сандра всегда казалась Давиду холодной и

скучающей. Ему стало интересно, как она общается с Карпати. Она была лет на двадцать старше своего босса.

Скрипнуло кресло — Карпати сел.

В дверь тихо постучали, почти сразу она отворилась и закрылась.

— Ваше святейшество! — послышался шорох одежды.

— Сандра, — протянул Карпати, — тебе не стоит преклонять колени каждый раз...

— Простите, сэр, — ответила она, — но я прошу вас не лишать меня этой привилегии.

— Ну конечно, если хочешь, но...

— Я знаю, что вы не требуете этого, сэр, но для меня честь поклоняться вам.

Карпати вздохнул. Во вздохе Давид не услышал ни тени раздражения.

— Какое прекрасное чувство! — сказал он наконец. — Я принимаю твою преданность с глубочайшим удовлетворением.

— Что я могу сделать для вас, господин мой? — спросила Сан德拉. — Окажите мне честь, попросите меня о чем-нибудь.

— Я просто хочу, чтобы в новом кабинете было несколько ростовых зеркал. Как их разместить, пусть решают архитекторы, но мне кажется, это добавит шарма.

— Вы абсолютно правы, сэр, меня просто пробирает нас kvозь, когда я представляю, как в зеркалах множится ваш образ.

— Что ж, спасибо. Тогда беги и передай это бригадиру.

— Сию минуту, сэр.

— Потом можешь идти.
— Но ваша встреча...
— Я сам их встречу, не беспокойся.
— Как скажете, сэр, но вы знаете, я была
бы более чем...
— Я знаю.

Дверь открылась, закрылась, и Карпати, похоже, снова встал. Давид едва расслышал, как он пробормотал:

— Меня тоже пробирает от моего образа в зеркалах, старая дура. Ноты знаешь, как дать мужчине почувствовать себя божеством.

Теперь он, видимо, начал расставлять стулья.

— Акбар, Фортунато, Хикман, Мун... Нет, Мун, Акбар... Пусть Леон поерзает на стуле, помучается, насколько он теперь близок. Хикмана надо подбодрить... Ага.

Снова интерком:

— Сандра, ты еще здесь?
— Да, сэр.

— Пока ты не ушла, соедини меня с мистером МакКалламом, будь добра.

Давид похолодел, потом обругал себя. Ну и что, что Николае говорит с Маком? Если Маку нельзя доверять, то нельзя доверять никому.

— Капитан МакКаллам, — сказал Николае несколько минут спустя, — как приятно поговорить с вами. Вы ведь в курсе, что десять процентов вооружений стран Земли было пожертвовано Мировому Сообществу, еще когда оно называлось ООН?.. Осталь-

ная часть была уничтожена — наши службы наблюдения это подтверждают. Если где-то и остались запасы оружия, то они немногочисленны и владеют ими ничтожно малые группировки. Мой вопрос вам: вы знаете, где хранится конфискованное оружие?.. Вы не имеете к этому отношения?.. Да, разумеется, капитан, мне это известно. Просто проверка. Вы пилот, бывший военный, у вас есть связи. Я хотел выяснить, нет ли утечки информации о расположении оружейных складов... Хорошо. Это все, капитан.

Видимо, Мак сказал Николае, что понятия не имеет, где хранится оружие. Насколько знал Давид, это было правдой. Но как такая масштабная операция могла пройти без утечек и что Николае планирует теперь?

— Джентльмены! — произнес Карпати через несколько минут, встречая посетителей. — Прошу, заходите.

— Позвольте мне первым преклонить перед вами колени, — сказал Леон, — и поцеловать ваши руки.

— Благодарю, Леон, но ты вряд ли будешь первым.

— Я хочу сказать, сейчас, — проскулил Фортунато.

— И он не будет последним! — ляпнул Хикман, и Давид почти услышал, как он шлепает губами.

— Благодарю, верховный командующий. Благодарю. Директор Акбар? Благодарю. Директор Мун? Благодарен вам. О, препо-

добный, нет, прошу вас. Я буду признателен, если вы сядете сюда.

— Сюда? — Леон явно удивился.

— Это проблема?

— Я сяду, где будет угодно его святейшеству, конечно. Я готов стоять, если вы прикажете.

— А я — хоть на коленях простою, — встярал Хикман.

— Вот сюда, друг мой. — Карпати явно старался рассадить всех так, как он задумал.

— Сэр, — начал Леон, когда все уселись, — вам удалось поспать, отдохнуть немного?

— Вы беспокоитесь за меня, преподобный?

— Конечно, ваше святейшество.

— Сон — для смертных, друг мой.

— Прекрасный ответ, сэр.

— Я-то уж точно смертный, парни... то есть, джентльмены, — сказал Хикман. — Спал вчера как убитый. Теряю форму, надо что-то с этим брюхом делать.

Повисло неловкое молчание.

— Можно начинать? — осведомился Карпати. Хикман забормотал извинения, но Николае уже обращался к шефу разведки Акбару: — Сухайл, я убедился, что расположение наших оружейных складов не раскрыто. Вы согласны?

— Да, сэр, хотя, честно признаюсь, меня это беспокоит.

— Беспокойство — это нормально, — сказал Хикман. — Мы же несколько сотен

человек там задействовали и... Ой, извиняюсь. Подожду своей очереди.

Давид мог только вообразить, как Карпати посмотрел на Хикмана. Он явно знал, кого возвысил. То, что Хикмана посадили с Сандрий и сделали мальчиком на побегушках при громком титуле, означало, что потентат прекрасно понимает, что делает.

— Миротворцы готовы перейти в наступление, директор Мун?

— Да, сэр. Готовы к высадке, когда угодно и где угодно. Сокрушим любое сопротивление.

— Какие новости у вас, преподобный?

— Насчет знака верности, Иерусалима или религии?

— Иерусалима, разумеется. — Голос Карпати сочился сарказмом.

Леона это явно задело.

— Высший приоритет, ваше святейшество, — ответил он. — Программа подготовлена, лоялисты ждут команды, это будет триумфальный вход во всех смыслах слова.

— Командующий Хикман, — снисходительно бросил Карпати, — можете опустить руку. Здесь не нужно просить слова.

— То есть можно влезть?

— Нет, влезать не нужно. Каждого из вас пригласили, потому что я жду от вас отчетов в ваших областях.

— Ну, я готов, у меня есть эти...

— И когда мне потребуется ваш отчет, я к вам обращусь. Это понятно?

— Да, сэр. Простите, сэр.

— Не стоит извиняться.

— Простите.

— Сухайл, Уолтер, какого сопротивления следует ждать в Иерусалиме?

Наступила пауза. Видимо, двое переглядывались, не желая перебивать друг друга.

— Оперативнее, джентльмены, — поторопил их Карпати. — Мне еще миром править.

Он добавил к словам смешок, но Давиду шутка смешной не показалась.

Наконец Акбар начал — медленно и четко. Давид подумал, что в иных обстоятельствах Сухайл стал бы отличным шефом разведки.

— Честно говоря, потентат, я не уверен, что иегудаиты туда сунутся. Я не недооцениваю их фракцию: их много, но они в подполье и общаются по Сети. Не думаю, что вас ждет встреча, как на стадионе Коллека, когда Цион Бен...

— Я хорошо помню тот день, Акбар. Скажите, а не станет ли одной из причин их молчания то, что многих из них переубедило истинное воскресение, не требующее слепой веры?

Наступило молчание, кто-то прокашливался — видимо, Сухайл.

— Нет?

— Невероятно, но нет, сэр. Это безусловно убедило бы меня в вашей божественности, не верь я в нее и раньше.

— И меня! — поддакнул Хикман. — Простите.

— Конечно, — сказал Фортунато. — Меня убедил мой личный опыт. А теперь... Ну, теперь не моя очередь, не так ли?

— Факт в том, ваше святейшество, — осторожно продолжил Акбар, — что отслеживание сайта иегудаитов показало: воскресение только сильнее убедило их. Они считают, что э-э... ваше воскресение доказывает не то, что очевидно каждому мыслящему человеку, а обратное.

Давид вздрогнул, услышав громкий стук по столу, шум отъезжающего кресла и череду ругательств из уст Карпати. Это было что-то новенькое. Прежний Николае никогда не терял самообладания.

— Простите меня, ваше святейшество, — сказал Акбар. — Вы понимаете, я всего лишь передаю факты, собранные лучшими...

— Знаю! — оборвал его Карпати. — Я просто не понимаю, что нужно, чтобы вдолбить в этих людей, кому следует поклоняться. — Он снова выругался, и остальные сочли нужным громко осудить безумие скептиков. — Ну ладно, — сказал Карпати наконец. — Значит, они решили показывать на нас пальцами из своих укромных норок?

— Совершенно верно.

— Какая жалость, я так надеялся посмеяться им в лицо. Есть подтверждения, что они прячут Розенцвейга?

Снова пауза. Давид затаил дыхание.

— Признаю, мы слухали, — сказал Уолтер Мун. — Мы отследили несколько наво-

док: люди думали, будто видели, как он бежит, садится в такси... Но теперь мы точно знаем, что это неправда.

— Безусловно, — кивнул Николае.

— Ясен пень! — подал голос Хикман. — Извините.

— Он обманул меня, — сказал Николае. — Надо отдать ему должное.

— Э, сэр... — продолжил Мун. — Я... э... не хочу подвергать ваши действия сомнению, но...

— Говорите, Уолтер.

— Ну, когда вы простили своего убийцу, может быть, вы не знали, кто он такой?

Карпати расхохотался.

— Думаете, я не знал, кто меня убил? Я поднял его руку, якобы парализованную, чтобы начать аплодисменты, а через несколько секунд я дергаюсь от звука выстрела, он сбивает меня с ног своим адским креслом — и я оказываюсь на коленях у маньяка. Я сразу понял, что происходит, хотя вряд ли когда-нибудь до-копаюсь до причин. Но он вовсе не был инвалидом. Не было паралича, не было костлявого старикашки. Он вонзил в меня этот клинок, и я слышал, как острие проламывает череп. Он силен, как лев!

— Надо разослать на него ориентировку по всем регионам, — сказал Хикман. — Есть же запись — надо показать ее по телику.

— Всему свое время. — Теперь Карпати говорил спокойнее, и Давиду показалось, что потентат снова сел и присоединился к осталь-

ным. — Я простил его, зная, что мои верные подданные с радостью отомстят за меня, стоит ему показаться на людях. Не стоит и упоминать, что мы не будем преследовать убийц, если такие возникнут.

— Не стоит, — повторил Хикман.

— Так, — сказал Карпати. — А что у нас с сообщником?

— Тот идиот с пистолетом? — уточнил Мун. — Не думаем, что он с Востока. Мы нашли его одежду и оружие. Пуля подходит, отпечатков нет, улик тоже. Вы уверены, что они работали вместе?

— Уверен? — Николае изобразил удивление. — Эксперт-криминалист тут не я, но, судя по времени обеих атак, совпадение оказалось бы натяжкой, не думаете?

— Я вот не думаю, — сказал Хикман. — Я занимался этим делом и...

— Продолжайте, — сказал Николае.

— По-моему, они друг друга страховали. Один вас не грохнет — так другому удастся. Парень с пушкой — это мог быть отвлекающий маневр, но хорошо, что он не убил никого.

Акбар прокашлялся.

— А вам известно о связи между Бен-Иегудой и Розенцвейгом?

— Расскажите, — сказал Николае.

— Бен-Иегуда когда-то учился у Розенцвейга.

— Да быть не может! — Давид впервые услышал от Николае разговорную форму. —

Хм, значит, если найти Бен-Иегуду, найдем и Розенцвейга.

— Вот и я про то, — сказал Хикман.

— Джеймс, я готов выслушать ваш отчет.

— Меня? Мой? Готовы? А, да, сэр. Ну, все под контролем. Инжекторы, головорезки... э... минутку, Вив... э... мисс Айвинз мне тут сказала, как оно правильно называется, у меня записано... Да, вот. Аппараты принуждения к лояльности. В общем, они уже едут... куда им там надо. По графику. Еще я нашел медсестру, которая вставляла эти биочипы этим... как их... собакам, наверное. Она может с обучением помочь. И мне сказали насчет этой вашей свиньи...

— Моей свиньи?

— Ой. Ну, то есть если вам свинья не нужна, то они ее просто зарежут и на мясо пустят. А если нужна, так мы точно заказали самую здоровую.

— А зачем мне, по-вашему, нужна свинья, Джеймс?

— Ну, я не то чтоб слышал... или знал там... то есть... ну, что вам вроде как нужна зачем-то свинья. Но если вдруг нужна, то вы скажите, ладно? Нужна? Хоть зачем-то?

— С кем вы разговаривали, Джеймс?

— Э, что?

— Вы слышали.

— Разговаривал?

Карпати вдруг снова взорвался, изрыгая проклятия.

— Мистер Хикман, то, что произносится в этом кабинете, — священная тайна. Вы понимаете?!

— Да, сэр, я б никогда не...

— Священная! От конфиденциальности и надежности переговоров, которые ведутся здесь, зависит безопасность всего Мирового Сообщества. Вы слышали выражение «Болтун — находка для шпиона»?

— Да, сэр, я понимаю, о чём вы.

— Кто-то сказал вам, что здесь говорили о свинье.

— Я лучше не...

— Нет уж, вы лучше скажите, мистер Хикман! Нарушение священного доверия потентата Мирового Сообщества карается смертной казнью, я прав, мистер Мун?

— Да, сэр.

— Итак, Джеймс, следующее, что я от вас услышу, должно быть именем преступника, иначе за его преступление поплатитесь вы. Я жду.

Хикман тихо заскулил.

— Имя, командующий. Если я услышу, что он ваш друг, или что вы лучше не будете говорить, или еще что-то, кроме имени, то вы покойник.

Хикман еще держался.

— У вас есть десять секунд, сэр.

Хикман хрипло вздохнул и закашлялся.

— Осталось пять.

— Это... это...

— Мистер Мун, вы готовы взять мистера Хикмана под стражу как приговоренного к смерт...

— Рамон Сантьяго! — выдавил Хикман. — Но я прошу вас, сэр, не надо...

— Мистер Мун.

— Не надо, пожалуйста!

Мун набрал номер в мобильнике.

— Это Мун. Возьмите под стражу Сантьяго... Да, из миротворцев... прямо сейчас... Да. Пока я тут.

— Вы позволите мне лично этим заняться, Уолтер?

— Как вам угодно.

— Нет! Пожалуйста!

— Джеймс, если завтра объявили о казни заместителя командующего миротворческими войсками, вы, надеюсь, поймете серьезность наших правил?

Хикман всхлипывал. Видимо, Карпати этого было мало.

— Поймете, господин *верховный* командающий?

— Да!

— Так я и думал. И — да, мне нужна свинья. Большая, жирная, мясистая, с огромным рылом. И чтобы она была так перекормлена, что не смогла бы меня сбросить, вздумай я въехать на ней по Виа Долороза в Святой город. Ну, Хикман? Расскажите мне о моей свинье.

— Я ее еще не видел, — потерянно ответил Хикман. — Но...

— Но вы поняли мой приказ?

— Да... — Голос Хикмана задрожал.

— Большая, жирная, уродливая.

— Да.

— Я не расслышал, Джеймс. Вонючая? Пусть это будет вонючий хряк.

Начертание

— Да.
— Все, что я пожелаю?
— Да!
— Вы на меня злитесь, мой верноподданный слуга?
— Угу...
— Что ж, спасибо за откровенность. Вы ведь понимаете, что мне нужно такое рыло, чтобы в каждую ноздрю входил мой кулак?
Давид подпрыгнул, услышав стук в дверь.
Пришли Мак и Абдулла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Бизон чувствовал себя на весь свой возраст, и в Козани его жестоко придавила смена часовых поясов. Было стыдно перед Альби: пилот старше его лет на двадцать вел самолет всю дорогу и выглядел при этом куда свежее.

— Не можешь держаться — пользуйся случаем, — посоветовал Альби.

— Что?

— Настроение никуда?

— Я справлюсь.

— Да ладно. Ты стараешься быть вежливым. А природный инстинкт, когда тебе пора спать, говорит, что надо брюзжать, злиться и раздражаться по пустякам. Вот и вывали это все на миротворцев. Это же мачо в погонах, они судят о людях по поведению.

— Угу, я заметил.

— Не проси, не извиняйся. Ты занят, у тебя задание, остальное тебя не колышет.

- Ясно.
- Точно?
- Думаю, да.
- Не похоже на мачо.
- А что, на тебя тоже надо рычать?
- Ну хоть потренируйся, Бизон. Ох уж мне эти американцы... Твоего тестя мне пришлось пинать и стыдить, чтобы он повел себя наконец как командир, а он ведь прирожденный лидер! Ты журналист-международник, ты что, не можешь сыграть роль, чтобы добиться своего?
- Думаю, смогу.
- Так покажи мне. Как ты получал интересные задания, как пробивался к знаменитостям, чтобы интервью взять?
- Пользовался положением.
- Вот!
- Но я тогда работал на «Глобал уикли»!
- Более того, ты был Бизон Уильямс, Тот Самый Бизон Уильямс из «Глобал уикли». Ты стал Тем Самым благодаря таланту, благодаря тому, что ты писал, но, когда ты заработал себе имя, оно стало придавать тебе уверенность, так ведь?
- Наверное.
- «Наверное», — передразнил Альби. — Ты ходил важный, как индюк!
- И что, я должен быть индюком?
- Ты должен добить нам машину до тюрьмы, где держат пастора Деметера, миссис Миклос и остальных.
- Но тебе ведь это проще.
- Почему?

— Ты старше по званию. Ты там старше всех окажешься.

— Так пользуйся этим. Я буду тем, кого все видят, но о ком не говорят — только честь отдают. Ты будешь говорить от моего имени. И щеголять отличной формой из бутика «Аля Зики».

— Я попробую.

— Ты безнадежен.

— Я справлюсь.

— Что-то не верится.

— А вот поглядим!

— Этого я и боюсь — что мне останется только глядеть, как тебя берут под белы руки и арестовывают. Докажи, что я не прав, Бизон!

— С дороги, старый хрыч!

— Вот это уже на что-то похоже!

— Заставишь их перезаправить нас в Птолемаиде?

— Нет. Ты заставишь.

— Эй, я же не разбираюсь в этих самолетах.

— А тебе и не надо. Действуй. Все, с этой минуты я злющий и раздражительный временный командующий с мигренью и разговаривать не желаю.

— То есть все на мне?

— Не спрашивай. Я молчу.

— Ты серьезно?

Альби не ответил. Огонек в его глазах потух, нижняя челюсть окаменела. Он сердито хмурился всю дорогу от самолета до терминала. До места их назначения оставалось еще миль двадцать пять.

Бизон остановил первого встреченного капрала.

— Говорите по-английски?

— Конечно, — ответил парень. — А что?

— Этот самолет нужно загнать в ангар и перезаправить, пока мы с командиром будем на задании.

— Да ну? А мне надо, чтобы мне начистили сапоги, пока я сплю.

— Сынок, я притворюсь, что я этого не слышал.

— Отлично. Я тоже.

Он дернулся уйти, но Бизон схватил его за плечо.

— Приступай.

— Я что, по-вашему, умею самолеты рулить? Я из наземной службы, понятно? Найдите себе другого мальчика на побегушках.

— Я нашел тебя. Найди кого-нибудь, кто знает, как это делается, и выполни приказ к тому времени, как мы вернемся, или пеняй на себя.

— Шутите.

Альби стоял к ним спиной, но Бизон сильно подозревал, что он еле удерживается от смеха.

— Ты понял, парень?

— Не-а. Я рискну не подчиниться, вы даже имени моего не знаете.

— Что ж, я знаю. — Альби резко развернулся, и капрал побледнел. — И вы будете делать то, что вам сказали, или наденете штатское и пойдете домой пешком.

— Да, сэр! — Парень вытянулся в струнку и отдал честь. — Будет исполнено, сэр!

— Не подведи меня, сынок, — напутствовал его Альби.

Бизон покосился на него.

— Кто-то собирался быть немым.

— Кто-то должен был тебя вытащить из лужи.

— Он был одного со мной звания!

— Так ссытайся на меня! Дубина у меня, а используешь ее ты. Попробуй еще раз.

— Теперь-то что?

— Я же говорил, нам нужна машина.

— Ох...

Бизон зашагал к терминалу, где толпились эмэсовцы. После обнаружения подпольных церквей сюда перебросили немало войск, так что в регионе будет шумно.

— Давайте свои бумаги, — сказал он Альби.

— Зачем это?

— Затем, что я сказал. Давайте.

— Вот это разговор!

Бизон обошел очередь эмэсовцы к стойке с единственным работающим окошком.

— Эй! — возмутился первый в очереди.

— Нечего! — парировал Бизон. — Вы тут временный командующий или его сопровождающий? Если нет, то будьте любезны, дайте пройти.

— Да, сэр.

Бизон покосился на Альби, потом заговорил с офицером за стойкой.

— Капрал Джек Дженсен, по поручению временного командующего Маркуса Эльба-

за. Прибыл из ССАШ с заданием. Нам требуется машина до Птолемаиды.

— Да, как и еще тысяче ребят. — Офицер лениво просматривал их документы. — Вообще-то вы в очереди где-то двухсотые.

— Прошу прощения, сэр, но мне кажется, мы в первых рядах.

— А как вышло, что ваш командир из ССАШ? Смахивает на араба.

— Людей распределяю не я, приятель. И я бы не советовал выяснить это у него. Впрочем, я бы посмотрел на такое. Вы ему скажите, что он смахивает на араба и что вы сомневаетесь в его назначении, а я посмотрю. Давайте.

Офицер поджал губы и просунул документы обратно в окошко.

— Обычный транспорт вас устроит?

— Любой. Я мог бы затребовать что-нибудь покруче, но мы торопимся. К тому же Эльбаз, если честно, весь день рычит, так что приятной поездки он не заслужил. Что у вас есть, то и возьмем.

Офицер вручил Бизону ключи с картонной биркой.

— Покажете во временном автопарке за воротами.

По дороге к воротам Альби передразнил Бизона:

— Он рычит весь день, он не заслужил хорошую тачку... Понижу тебя в звании до бойскаута!

— Попробуйте — и отправитесь домой пешком и в штатском!

* * *

— Карпати что-то задумал, — заявил Мак, сидя с Абдуллой в кабинете Давида.

— Я буду рад убраться отсюда, — сказал Абдулла.

Давид поерзal в кресле.

— Давай подробнее.

— Ты что, сам не хочешь сбежать?

— Прости, Смитти, я Маку.

— О, тысяча извинений!

— О, посмотрите на него! — фыркнул Мак. — Он и на небесах дуться будет.

— Я не дуюсь! И прекрати издеваться.

Мак хлопнул Абдуллу по плечу, и иорданец улыбнулся.

— Ладно, — начал Мак, поворачиваясь к Давиду. — Карпати мне намедни позвонил и спросил, не знаю ли я, куда они запрятали оружие. Я, понятно, не знаю, но не прочь узнать. Вот что, народ, можно что угодно говорить о том, как Карпати чудесно перестроил весь мир, но вот этот ход: уничтожить девяносто процентов вооружения и прибрать к рукам оставшиеся десять процентов — это же уникальная операция, а о ней все молчат.

— Болтун — находка для шпиона, — процитировал Давид.

— Думаешь, люди знают, но не болтают?

— Очевидно.

— Но как он заставляет столько народа держать язык за зубами?

— Думаю, я только что услышал как. —
Давил пересказал Маку и Абдулле подслушанный разговор.

Абдулла покачал головой:

— Карпати плохой человек.

Мак глянул на него, потом на Давида.

— Ну да! Смитти, это ты только что понял или все это время знал, а нам не говорил?

— Ты опять дразнишься, — сказал Абдулла. — Выучу ваш язык хорошо и отомщу.

— Мне уже страшно!

Зазвонил телефон Давида. Он откинулся на крышку и поднял руку.

— Извините, ребята. Это Минь.

— Нам уйти? — спросил Мак.

Давид покачал головой.

— Они спорили о том, о чем вы подумали, — сказала Минь. — Отец хочет, чтобы Чань сразу пошел работать и в числе первых принял знак. Чань поклялся, что никогда его не примет.

— Он сказал отцу почему?

— Нет, и, наверное, не сможет, если только отец вдруг не поверит. Я не потеряла веры и молюсь, но, пока этого не случится, Чань будет молчать. Он меня не выдаст.

— А мать знает?

— Нет! Она бы все рассказала рано или поздно, она его так боится, что не сможет ему противостоять. Давид, не дайте Чаню пойти работать там. Особенно если новые сотрудники первыми получат знаки.

— Похоже, что первыми будут заключенные, но новых сотрудников и правда скоро

заклеймят. Одновременно с наймом, видимо. Да и остальным осталась пара недель, не больше.

— Что вы будете делать, Давид? Вы и ваши друзья?

— Как раз сейчас говорим об этом. Видимо, сбежим или погибнем.

— Можете взять Чаня с собой?

— Похитить его?

Мин замолчала.

— Давид, вы сами слышите, что говорите? Вы оставите его принимать знак или умирать, потому что не хотите рисковать с похищением? Да, похитить! Пожалуйста! Он сам с радостью похитится.

— Завтра он придет ко мне на собеседование насчет работы.

— Тогда либо покажите всем, что он плохой работник, либо договоритесь, где встретиться, когда будете убегать.

— Скорее второе. Что может его дисквалифицировать? Его в любом отделе с руками оторвут, и в моем в первую очередь.

— Ну придумайте что-нибудь. Может, у него СПИД?

— Угу, и отец убьет его своими руками.

— А если генетическое отклонение?

— А оно у него есть?

— Нет, но помогите же придумать что-нибудь.

— Минь, я не врач. Это даст только отсрочку.

— Лучше, чем ничего.

— Нет, если это меня подставит. Мы хотим убраться, не вызывая подозрений насчет нашей верности.

— Отлично. Тогда скажите, что вы берете Чаня с собой, чтобы проверить его, прежде чем брать на работу. Тогда все, что с вами случится, случится и с ним. Он станет свободен и будет вам помогать там, где вы окажетесь.

— Может быть.

— Давид, это должно сработать! Выбора нет.

— А если не выйдет? Если мне скажут — бери его на работу, поставь ему знак, а потом уже давай задания?

— Но попробовать-то можно. Он умный, но он еще ребенок. Он не может сам себя защитить. Он даже от отца защититься не может!

— Я сделаю что смогу, Минь.

— Звучит как отмазка на случай неудачи.

— Прости, но я не могу сделать больше, чем могу.

— Давид, он мой брат! Я знаю, что вам он никто, но вы можете хоть представить себе? Если бы это была Энни, вы бы сделали, что сможете? Или костьюми бы легли, но вытащили ее?

Давид онемел.

— О, простите... Я не должна была, это было жестоко... Простите!

— Нет, я...

— Давид, это мой страх говорил.

— Все в порядке, М...

— Пожалуйста, скажите, что прощаете меня. Я не хотела.

— Минь, все в порядке. Вы правы. Я понимаю. Вы дали мне взглянуть на ситуацию с нужной точки. Положитесь на меня. Я сделаю все, чтобы защитить Чаня. Ладно?

— Давид! Вы принимаете мои извинения?

— Конечно.

— Спасибо. Я буду молиться за вас и любить вас, как брата по вере.

Когда Давид закончил разговор, Мак спросил:

— Что она тебе такое сказала? Ты так побелел, что стал на ирландца похож.

Давид рассказал.

— Знаешь что, — сказал Мак. — Смитти, понятно, сам за себя скажет, но если этот парнишка верит, если у него есть печать, то он с нами. И если мы кого-то еще тут найдем, то их мы тоже вытащим. Да, Смитти?

— Да. Я так думаю. Если я понял. Остальные, кто верит, все идут с нами. Конечно. Так?

— Вот про то мы и говорим.

— Мак, вопрос: а кто еще может за меня говорить?

* * *

По дороге на север Бизон позвонил Лас-лосу по защищенному номеру. Тот был в отчаянии.

— Спасибо, что приехали, но вы ничего не сможете сделать. У вас ведь нет оружия?

— Нет.

— Силы не равны, вы только себя погубите. Так зачем было приезжать?

— Я хотел увидеть все своими глазами, Ласлос. И рассказать людям правду.

— Простите, брат Уильямс. Мне нравится ваш журнал, я его читаю почти так же усердно, как послания доктора Бен-Иегуды, но неужели вы идете на такой риск, тратите время и средства только ради статьи? Вы знаете, что сюда доставили гильотины?

— Что?

— Это правда. Я бы сам решил, что это просто слухи, но я верю братьям и сестрам, которые мне рассказали. Их провезли по городу в открытых грузовиках, чтобы люди поняли, что их ждет, если они осмелятся думать. Мы ведь принадлежим к Соединенным Карпатианским Штатам, будь проклято это имя. Николае собирается устроить тут показательную порку. А вы приехали написать статью?

— Брат Миклос, послушайте меня. Вы знали, что мы ничего не можем сделать. Если бы мы попытались спасти пастора, вашу жену и прочих братьев, мы бы сделали только хуже. Но разве вы не хотели бы знать — если у нас получится это выяснить, — в каких условиях их держат, крепок ли их дух, не хотели бы они что-нибудь вам передать?

Молчание. Бизон услышал, как Ласлос плачет.

— Как вы, друг мой?

— Да, брат. Я понимаю. Простите, это просто горе. По телевизору только и говорят, что гильотины установят в первую очередь в тюрьмах, потом в центрах верности. Нас знак ждет через несколько дней. Но для заключенных это несколько часов. Скажите ей... — Он снова заплакал. — Скажите ей, что она лучшая жена, какая может быть у мужчины, что я люблю ее всем сердцем.

— Скажу, Ласлос, и передам ее ответ, если он будет.

— Спасибо, брат. Я благодарен вам, что вы здесь.

— Вы знаете, где их держат?

— Есть одна мысль, но мы не проверяли, нас бы тогда всех схватили. Вы же знаете, наша церковь состоит из множества общин, многие из них довольно большие. Эмэсовцы напали на главную, забрали мою жену, пастора и еще где-то семьдесят братьев, но осталось еще около девяноста общин!

— Ничего себе!

— Это хорошая новость. Плохая новость — что кто-то из арестованных, видимо, не выдержал давления и заговорил. Я не сомневаюсь, что это не жена и не пастор, но кого-то пытали, запугали или обманули, и он рассказал об остальных. Начались облавы, теперь мы боимся встречаться. Я чудом не попал на то собрание, где взяли жену, но если она станет мученицей, то я хотел бы умереть вместе с нею.

* * *

— Давид, у нас вопрос и предложение, и Смитти, кстати, тут здорово помог, — сказал Мак. — Мы его все дразним насчет языка, но мозги у него что надо. Абдулла, это комплимент!

— Ладно, ковбой. Настолько я вас все-таки понимаю.

— Ну, раз я смеюсь над арабами, он может смеяться над техасцами, а? Прям-таки за живое задел... Так. В общем, вопрос вот в чем. Мы можем точно рассчитать время с учетом, когда сотрудникам будут вживлять знак? Ты знаешь дату? Или нужно пространство для маневра?

Давид об этом уже задумывался.

— Тут не только пространство для маневра, Мак, тут еще и вопрос легенды. Если мы протянем до последнего, а потом подстроим, будто мы все погибли, это будет подозрительно.

— Я так и сказал! — заявил Абдулла. — Мак, я же так и сказал. Сказал?

— Он так и сказал. Точно. Так, если мы будем смываться до крайнего срока, то у нас есть куча возможностей. Эмэсовцы сейчас начали развозить первые партии — как они там зовут эти штуки? Аппараты... как их...

— Зови их тем, что они есть, — сказал Давид.

— Ладно. Вчера ночью они переправили в Грецию гильотины.

— Не отсюда, — сказал Давид. — Я бы знал.

— Нет, ту партию сделали в Стамбуле, оттуда и вывезли. Скоро начнут возить их туда-сюда, у нас минуты свободной не будет. Выбери стратегическую точку или груз, который нужно лично отследить, придумай повод прихватить с собой Ханну и этого Чана, как его там, и я запрошу «Квази-2».

— «Двойку»? А как ты обоснешь запрос? Мы же избегаем подозрений, а ты требуешь машину на пятнадцать миллионов ников под двоих пилотов и троих пассажиров?

— А мы возьмем на борт пару тонн гильотин и биочипов с инжекторами.

— Давай дальше. Этого все равно не хватит, чтобы запросить «двойку».

— А если мы полетим куда-то, где будет сам старый Ник?

— Скажи ему, кто это придумал, — вставил Абдулла.

— Ты уже сказал, находка для шпиона.

— Шпиона?

— Это шутка, Смитти. Придержи верблюдов.

Давид склонил голову набок.

— Вы думаете то, что я думаю, вы думаете?

— Это игра такая? — спросил Абдулла.

— Думаю, да, — сказал Мак. — Иерусалим.

Давид прикинул шансы.

— Я закину наверх мысль, что мы хотим там быть, привезем эксперта по биоинжен-

торам и лучшего стажера по компьютерным технологиям. Возьмем на борт максимальный груз, запросим внушительную машину — это потешит эго Карпати.

— Ты его что, за гордеца держишь?! — картино удивился Мак.

Давид улыбнулся.

— Это он опять шутит? — спросил Абдулла. — Во всей Иордании не хватит материи, чтобы сделать тюрбан на голову Николае.

Мак запрокинул голову и расхохотался.

Давид задумался.

— А «Квази-2» можно управлять удаленно?

— С современными технологиями почти любым самолетом можно так управлять, но с этой пташкой я натренировался.

— Тогда мы сядем по дороге где-нибудь подальше от чужих глаз. Потом ты поднимешь «двойку» с земли со всем грузом, кроме нас, — и грохнешь ее носом вниз на самом глубоком участке океана, который мы найдем на маршруте.

— На глазах у изумленной публики!

— Не понял?

— А пусть они своими глазами увидят. Ты же хотел логическое объяснение катастрофы — вот оно. Извини, что касаюсь большой темы, но мы недавно потеряли суперкарго. Энни запретила бы брать такой груз на этот борт, но я же ветеран, я решил, что справлюсь. Начну орать в эфир про смещение веса, груз ездит по отсеку, теряем управление, мэй-дэй, и прощай, жестокий мир!

— Ребята, вы гении!

— Спасибо!

— Мы оба, — сказал Абдулла. — Так?

— Конечно!

— Я еще хорошее придумал.

— Погоди, Смитти, — сказал Мак. — Я про это знаю?

— Придержи пони. Тебе понравится. Хочешь сделать это на глазах у всех — сделай в Тель-Авиве. Карпати летит через него. Устрой ему авиашоу, развлечи толпу и роняй «двойку» в Средиземное море — так глубоко, что они решат, будто мы мертвые, а самолет искать себе дороже.

— А сами мы где будем при этом? — спросил Мак. — В Тель-Авиве не спрячешься, если там будет Карпати и толпа народа.

— Мы не будем взлетать из Тель-Авива. Мы вылетим отсюда, только они не будут знать, что мы сядем в Иорданию. Я там все знаю, мы сядем, где никто не увидит. Самолет пошлем в Тель-Авив, сделаем шоу и упадем.

— И на каком расстоянии, по-твоему, я смогу управлять самолетом удаленно?

— Это не удаленно. Взлет — удаленно. Потом полет по плану, все трюки внесем в компьютер.

Мак перевел взгляд с Абдуллы на Давида.

— Знаешь, а что-то в этом есть.

— Правда? Ты сможешь составить такую точную программу?

— Потребуется время.

— Сюрприз, сюрприз! — сказал Абдулла. — Верблюд всех обскакал.

Зазвонил телефон — срочный вызов от Ханны.

— Давай, — сказал Мак.

— Привет, что стряслось?

— Давид, эта линия сто процентов не прослушивается?

— Точно. Ты в порядке?

— Прячусь в подсобке. Ты знаешь, что Карпати сегодня казнил миротворца?

— Да. Сантьяго?

— Спасибо, что сказал. Мне пришлось забирать тело из карцера Службы Безопасности.

— Не было времени сказать, Ханна. И кто знал, что пошлют тебя?

— Это было жутко. Я постоянно сталкиваюсь со смертью, но его застрелили между глаз в упор. И они даже не притворялись, будто это что-то там еще. Его пристрелил сам Карпати. Знаешь за что? Конечно, знаешь, ты же все знаешь.

— Я слышал, он сболтнул лишнее.

— Не похоже на статью, но я слышала то же самое. Видимо, сказал кому-то что-то, что услышал на совещании у Карпати.

— Прости, что тебя в это втянули, Ханна.

— Ага. Думаю, я знаю, кто его сдал.

— Знаешь?

— А ты?

— Вообще-то знаю.

— Давид, как ты с этим живешь, а?

— Это непросто.

— Так кто?

— Ты сказала, ты знаешь.

— Ты подтвердишь, если я права?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

— Ага.

— Хикман.

— Откуда ты знаешь?

— Я права?

— Да.

— Его только что привезли в морг. Нали в кабинете с простреленным виском. Покончил с собой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Бизон и Альби догнали колонну Мирового Сообщества, прокладывающую маршрут через развалины Птолемаиды, потом оторвались от нее, потом встретили ее снова.

— Ты посмотри только. — Альби кивнул на открытые грузовики с гильотинами. — Уродливые штуки, но ничего лишнего, а?

Бизон покачал головой.

— Как раз думаю пустить материалом на полях про то, как легко их собрать. Это простые машины с простыми, стандартными деталями. Деревянный каркас, болты, лезвие, пружина и веревка. МС просто выслало инструкции, и любой, у кого есть материалы и желание заработать, мог заняться производством. Под это дело открылись крупные мануфактуры, они конкурируют с частными производителями, которые гильотины в сарайчиках собирают.

— И все это для... как там МС это называет?

— Визуального устрашения граждан. Поставят по штуке в каждом центре верности, и все будут ходить по струнке.

Альби остановил машину: девушка в ми-ротворческой форме регулировала движение. Он просигналил.

— Я на службе, — устало сказала она, потом заметила форму и отдала честь. — К вашим услугам, командающий.

— Нас приписали к главной тюрьме, но я оставил наряд в сумке. Это далеко отсюда?

— Главное учреждение?

— Я, по-моему, так и сказал.

— Ну, они все примерно в трех километрах к западу. На следующем перекрестке сверните налево, потом по объездной грунтовке, пока не выедете на восстановленную трассу. Центр будет справа, вы его не пропустите. Большое знание, ограда из колючей проволоки и больше охраны. Если хотите успеть на потеху, поторопитесь. Они собираются сегодня кое-кого пошиковать, если мятежники не обделаются с испугу и не передумают.

— Вот как?

— Говорят, они их сейчас как раз отбирают. Кого вернут в камеры с целой башкой, тот получит симпатичную татушку.

* * *

Давид вымотался. Было уже около одиннадцати вечера, когда он наконец-то добрался из кабинета в свои комнаты и услышал энергичные шаги за спиной. Он обернулся и увидел Вив Айвинз, свежую и бодрую, как и утром. В руках она держала кожаный портфель.

— Добрый вечер, директор Хассид! — улыбнулась она.

— Мэм?

— Прекрасные дни настают, верно?

— Во всяком случае, интересные. — Он не знал, как долго сможет играть с ней в шаряды.

Вив остановилась.

— Наконец-то все наладилось. Просто гора с плеч!

«Кому гора, а кому и голова» подумалось ему. Интересная формулировка, учитывая, сколько она сделала для производства гильотин.

— Машина заработала? — сказал он.

— Я убедила высшее руководство не устанавливать аппараты принуждения к лояльности во дворце.

— Да?

— Плохо повлияет на имидж.

— Но их ведь везде показывают.

— И прекрасно. Я за, меня это устраивает. За пределами столицы, а уж тем более — резиденции правительства — можно найти

отдельные элементы, которым требуется визуальная стимуляция, напоминание о серьезности этой проверки. Чтобы отвергнуть знак, нужно быть просто фанатично преданным своей группировке. Если напоминание о последствиях будет наглядным и повсеместным, это убедит тех, кто просто решил привлечь к себе внимание и потянуть с принятием знака.

— Но не здесь?

— Нет надобности. Если человек не верен воскресшему владыке, то зачем ему работать здесь? Вот что здесь стоит поместить, так это изображения: статичные и видео — счастливых и ликующих лоялистов. Граждане Мирового Сообщества должны видеть восторг на лицах тех, кому доверено управлять новым мировым порядком. Здесь не требуется принуждение. Мы — пример всему миру, образец радостного подчинения, охотного исполнения своих обязанностей. Понимаете?

— Конечно. И мне нравится идея не портить пейзаж этими уродцами.

— Именно! Завтра мы начнем с новых сотрудников, они полны энтузиазма и жаждут получить знак потентата в первых рядах. Каждый хочет проставить себе портрет его святейшества на лбу. Я склонна к приуменьшению, но забавно смотреть, как эти дети стараются выделиться, мистер Хассид. Кстати, вы ведь интервьюируете кандидата завтра?

— Да.

— Юное дарование?

— Его самого.

— Отличная семья. Его отец умолял, чтобы мальчик получил знак первым. Для этого уже поздновато, мы начали с политзаключенных, но он вполне может стать первым из сотрудников Мирового Сообщества.

Давид побледнел и отвернулся.

— Но он ведь еще не работает.

— Но это дело решенное, не так ли?

— Ну, я хотел с ним поговорить, определить, готов ли он оставаться тут, доучиться последний класс, жить без родителей, потом надо понять, где он лучше подойдет...

— Но шансы, что его сюда не возьмут, мизерны. Мы проведем процедуру как предварительное разрешение на работу в любом отделе. Это как одобрение на кредит. Сначала подтверждается ваша платежеспособность, а потом можете брать любую сумму в рамках установленного лимита.

— Я бы не советовал, — выпалил Давид.

— Почему?

— Не похоже на наш стиль — с соблюдением всех формальностей. Пусть процесс идет согласно установленным порядкам — правильно.

— Мистер Хассид, право же, что здесь такого ужасного?

Он пожал плечами.

— Я слышал, мальчик до смерти боится уколов и слышать не хочет об инъекции.

— До такой степени, что готов упустить шанс всей жизни? Ему все равно поставят знак в Соединенных Азиатских Штатах, или он потеряет не только работу.

— Ну, может, к тому времени он свыкнется с этой идеей.

— Фи, директор. Если он такой умненький, то пришла пора повзрослеть. Пусть он боится, но процедура ведь займет несколько секунд, он быстро поймет, что устраивает трагедию на пустом месте.

— Ну, у меня с ним собеседование в девять. До этого времени можно подождать? Не хочу расспрашивать мальчишку после травмы.

— Да какая травма, я же вам говорю...

— Но он все равно будет расстроен.

— Ну, до девяти никто и не собирается ставить знаки.

Добравшись до своей комнаты, Давид вытащил ноутбук. Тиффани не говорила, на какое время назначено собеседование. Как оказалось, на два часа дня. Видимо, собиралась сказать утром.

Давид изменил в своем расписании время на девять утра, потом взломал сервер кадров и заменил время там. Позвонив в комнату 4054, он оставил сообщение на автоответчик:

— Чань, наше собеседование завтра перенесено на девять утра. Пожалуйста, не ходите в отдел кадров или еще куда-либо до нашей встречи. До завтра.

Не успел он записать сообщение, как получил сигнал об ожидающем звонке. Звонила Минь, в полном отчаянии.

— Тут началось. А у вас?

— Погодите, Минь. Что началось?

— Знак! Привезли оборудование этим утром, сейчас уже начали.

— Ставить знак заключенным?

— Да! До нас тоже скоро очередь дойдет. Я скоро убегу, хотела проверить.

— Верующие там есть? Кто-то отказывается от знака?

— Ни одного. Выстроились в очередь, как примерные скауты. Думают, наверное, что им это зачтется в примерное поведение. А на самом деле они так и будут тут гнить, только со знаком на лбу или на руке.

Давид рассказал ей о разговоре с Вив и о том, что он предпринял.

— О нет-нет-нет, — заволновалась Минь. — В девять Чань должен исчезнуть. Помогите ему убежать.

— Мы пока не готовы к отлету, Минь.

— Что вы собираетесь делать?

— Попробую что-нибудь придумать. Выдумаю причину, по которой он не готов. Может, скажу, что есть признаки незрелости, что он просто слишком молод для этой работы.

— Вы же директор, Давид. Придумайте что-нибудь убедительное — чтобы сработало.

— У меня есть ночь на раздумья.

— А у меня — на молитву.

— Любая помощь сгодится, Минь. Вот что, давайте я вам помогу. Я могу перебросить вас в ССАШ.

— Можете?

— Конечно. Поколдую с компьютером, ни у кого и вопросов не возникнет. Приказ

будет заверен кем-нибудь, у кого ранг выше, чем у вашего начальства, они подчинятся.

— В Штатах много тюрем... но я же ни в одну не попаду, так?

— Верно. Получите назначение, сядете в самолет, а потом мы вас как-нибудь потеряем. Убежите — а мы вас не найдем. Но потом вам придется самой добираться до убежища в Чикаго.

— А они меня примут?

— Минь, Лия всем о вас рассказала, им не терпится познакомиться с вами. Они знали, что вы с братом рано или поздно к ним присоединитесь. Вы нам оба пригодитесь. Так куда вас отправить в Штатах? Куда-нибудь поближе к Чикаго, но не так близко, чтобы эмэсовцы сложили два и два.

— Я Америку не знаю, — сказала она. — В Балтиморе есть большая тюрьма, там вечно не хватает сотрудников.

— Это далеко от Чикаго... Стоп! А вы можете добраться до Греции?

— Когда?

— Чем раньше, тем лучше. Сегодня ночью, может.

— Ну, это от вас зависит. Поставьте мой перевод максимальным приоритетом. Если вы хотите, чтобы меня эмэсовцы отвезли в Грецию, они так и сделают. Только, Давид, там сейчас неспокойно, везде миротворцы и акции устрашения. Я не хочу там ни работать, ни прятаться.

Давид объяснил ей, как она попадет из Греции в Штаты, якобы с сопровождением миротворцев.

— Бог есть! — сказала Минь. — Где я с ними встречусь?

— Доберитесь до аэропорта в Козани, они вас там найдут.

— Давид, а вы можете и Чаня туда перевправить? Пожалуйста! Вытащите его из комнаты, дайте ему какое-нибудь поручение, и пусть ваш пилот отвезет его в Грецию. И мы отправимся в убежище вместе.

— Минь, поймите, пожалуйста, мы должны действовать разумно. Если я что-нибудь такое выкину, ваши родители начнут искать сына, выйдут на меня — о вас я и не говорю. Вас обоих куда-то послали, и вы пропадаете? Подумайте сами, Минь. Я понимаю, что вы в отчаянии, но позвольте мне все продумать. Меньше всего мне хочется, чтобы МС взяло нас на мушку.

— Я понимаю, Давид. Я просто сейчас думаю сердцем.

— И это нормально, — сказал он. — Пока мы не перестали думать вообще и все не испортили.

* * *

— У нас проблемы? — спросил Бизона командир греческого подразделения, когда уви-

дел временного командующего. — Мы точно следуем инструкции.

— Вообще-то смахивает на дурдом, — сказал Бизон, разглядывая комплекс из пяти заурядных промышленных зданий.

Раньше тут, видимо, были фабрики. При перестройке окна забрали решетками, а периметр обнесли оградой и колючей проволокой. Все территория была запружена эмэсовцами, которые пялились в распечатки, подсвечивая себе фонариками, и пытались сориентироваться, где каких заключенных искать.

— Учитывая, с чем приходится работать, мы делаем все, что можем. — Командир нервно косился на Альби.

— Сколько здесь заключенных?

— Примерно девятьсот.

— А солдат столько же?

— Нет, сэр, меньше.

— Что они все тут делают? У них есть задание?

— Большая часть занимаются центром верности в главном корпусе.

— А что в остальных?

— В первом — подростки лет до двадцати. В западном крыле мужское отделение, в восточном — женское.

— Одиночки?

— Нет, там большие залы. Бывшая конвейерная линия.

— А в остальных корпусах?

— Дальше женщины. В основном — никого. В последних двух — мужчины.

— За что сидят?

— Тяжкое уголовное, мелкие кражи, хищения.

— А с насилием как?

Командир кивнул через плечо.

— Все тут: убийства, вооруженное ограбление и так далее.

— А политические?

— В основном во втором корпусе. Религиозные диссиденты — тут. Мужчины, по крайней мере. — Он снова указал на последний корпус.

— Вы держите диссидентов с уголовниками? — Бизон наклонился, будто вчитываясь в имя на значке.

— Куда их посадили — это не моя забота, сэр. Я координирую выдачу знаков лояльности, и мне надо быть в главном корпусе через пять минут. Помогите, если хотите. У меня тут шесть человек обходят корпуса с запада на восток. Делают предварительный отбор.

— То есть?

— Выясняют, кто отказывается от знака.

— И если такие найдутся?

— Сразу и определим. У нас нет времени ждать, пока они будут в очереди выкаблучиваться. Пусть сразу решат, жить хотят или умереть.

— А если кто-то передумает в очереди?

— Решат, что знак им не нужен? Не ве-
рится!

— Ну а если?

— Мы быстро работаем. Но лучше отсо-
ртировать всех заранее, чтобы не тянуть с
этим. Простите, джентльмены, у меня при-
каз. Так вы поможете с выбраковкой?

— А сортировать будут одновременно
во всех корпусах? — Бизон не хотел пропу-
стить пастора или миссис Миклос.

— Нет. Начнем с западного корпуса. За-
ключенных поведут в главный на обработку,
потом назад. Потом перейдем ко второму —
и так далее.

— Мы поможем.

— Атенас! — крикнул командир, и к ним
подошел коренастый, коротко стрижен-
ный солдат средних лет. За ним подтянулись
трое мужчин и две женщины в униформе. —
Все готово, Алекс?

— Так точно, сэр! — Писклявый голос
Алекса не вязался с его внешностью.

— Дженсен и Эльбаз пойдут с вами.

— Мне хватает людей, сэр.

Командир набычился и пронзил Атенаса
взглядом.

— Они из ССАШ. И если ты не заметил,
мистер Эльбаз — временный командающий.

— Да, сэр. Мистер Эльбаз хочет принять
командование группой?

Альби выпятил нижнюю губу и покачал
головой.

* * *

В Чикаго было два часа дня, и отряд Скорби собрался у телевизора. Местные новости рассказывали, что вживление знака верности началось в местах заключения.

Зики сидел перед экраном и раскачивался, зажав руками рот. Рэйфорд спросил, готова ли иерусалимская маскировка для Хайма. Не отрываясь от передачи, Зики убрал руки, только чтобы выдавить:

— Осталась ряса. Вечером доделаю.

Цион решил, что Зики изменит Хайму внешность, как и собирался, а из одежды смастерит сандалии и плотную коричневую рясу с капюшоном, закрывающим лицо. Подол будет почти до земли, вместо пояса — плетеный шнур. Все согласились, что такое одеяние будет скромным и незаметным в толпе, но превратится в символ, если Хайм обратится к народу.

Хайм постепенно привыкал к своей роли, и скрывающая одежда его немного успокаивала.

— И все-таки, по-моему, идти должен Цион.

— Позвольте, я вам пообещаю, мой друг, — сказал Цион. — Дайте Богу сделать вас Своим орудием для спасения Его народа, и я приду и обращусь к ним рано или поздно.

Диктор объявил: хотя местные службы не ожидали, что придется применять аппа-

рат принуждения, один из заключенных отказался от знака и был казнен.

— Это произошло в бывшей тюрьме округа Дю-Пейдж. Казнь состоялась менее полутора часов назад. Преступник, отбывавший неопределенный срок наказания за нелегальную торговлю топливом, опознан как пятидесятичетырехлетний Густав Цукермандель, ранее проживавший в Де-Плейнсе.

Зики закрыл лицо руками и завалился набок, беззвучно рыдая. Один за другим друзья подходили, клали ладонь сверху и плакали вместе с ним. Цион, Хаим, Рэйфорд, Лия и Хлоя окружили Зики, и Цион начал молитву:

— Отче наш, и снова нас постигла утрата. Даруй нашему юному брату вечное упование и всем нам — память, что однажды мы снова встретимся с этим храбрым мучеником.

Цион закончил, Зики вытер слезы рукавом, перевалился на четвереньки и тяжело поднялся.

— Как ты, сынок? — спросил Рэйфорд.

— Работать надо, вот и все. — Зики отвел глаза и ушел к себе.

* * *

У Бизона было кисло во рту. Ему приходилось и раньше бывать в таких ситуациях, хаоса и несправедливости он навидался столько, что хватило бы на несколько жиз-

ней. Но все-таки было страшно жаль, что они с Альби не притащили сюда пару мощных гранатометов, чтобы хотя бы попытаться спасти людей. Как же ему хотелось выпускать снаряд за снарядом в полчища солдат МС, ворваться в камеры, отыскать людей с печатью Христовой и вывести их на свободу, в безопасное укрытие...

Но это было невозможно. И снова на его глазах сбывалось пророчество, и он не мог отвернуться и не смотреть. В западном корпусе выбраковочную группу проверили у внешнего периметра, а потом еще раз — внутри знания.

Когда они свернули из главного коридора, в нос шибанула вонь. В огромную клетку набили больше сотни молодых парней — кто-то держался вызывающе, кто-то неподвижно глядел в пустоту. Клетку охраняли четверо или пятеро вооруженных тюремщиков, они курили, читали журналы и явно скучали.

Атенас вышел вперед и поднял руки, призывая к тишине. Бизон повернулся к охраннику, тот отложил журнал и вскочил:

— Сэр?

— Чем тут воняет, рядовой?

— Это парази. Вон, по углам, видите?

В каждом из четырех углов клетки стояло по баку на 55 галлонов, рядом деревянная лесенка, сверху — плохо приложенное сиденье.

— Тут нет удобств?

— Только для нас, — ответил охранник. — Вот там, дальше по коридору.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Бизон покачал головой.

— И их нельзя туда водить время от времени?

— Опасно, у нас людей не хватает.

Алекс Атенас наконец добился от заключенных тишины.

— Вам дарована привилегия одними из первых продемонстрировать верность и преданность его святейшеству воскресшему потентату Мирового Сообщества Николае Карпати!

К изумлению Бизона, клетка ответила ликованием и аплодисментами, которые длились не меньше минуты. Некоторые юнцы начали распевать гимны и песни, славящие Карпати.

Наконец Атенас снова их утихомирил.

— Через несколько минут вас отведут в главный корпус. Там вы выберете место печати верности: на лбу или на правой руке. Выбранная зона будет обработана дезинфицирующим спиртовым раствором. Затем, когда наступит ваша очередь, вы зайдете в кабину, где сядете и получите инъекцию, вживляющую под кожу биочип, а также татуировку с префиксом 216, соответствующую коду Соединенных Карпатианских Штатов. Процедура займет несколько секунд. Дезинфектант является также местным анестетиком, поэтому вы не почувствуете дискомфорта.

Любые акты неповиновения будут караться немедленно. Для неграмотных поясняю — это значит, что вы сдохнете раньше, чем на пол упадете.

Клетка ответила новыми воплями, а Бизон понял, что не может оторваться от парнишки, стоящего в толпе. Тощий и бледный, с темными курчавыми волосами, в перекошенных очках с выбитым стеклом. Парень был, пожалуй, моложе всех здесь, но внимание Бизона привлек не возраст, а тень на лбу. Грязь? Или все-таки печать?

— Простите, офицер! — Бизон отстранил Атенаса и уставился в глубь клетки. Вопли стихли, заключенные смотрели на него. — Ты, там! Да, ты! Шаг вперед!

Парень вышел к решетке. Он дрожал.

— Откройте дверь кто-нибудь, — рявкнул Бизон.

Никто не пошевелился. Он развернулся на каблуках и грозно глянул на охранника, с которым говорил раньше. Тот заерзal и вопросительно посмотрел на Атенаса.

— Остальным отойти! — скомандовал тот и кивнул охраннику.

Дверь открылась, Бизон зашел в клетку и ухватил парня за руку. Рукав грязного серого свитера пошел сборками.

— Изdevаешься над миротворцами, щенок? Я тебе покажу, что значит уважение!

— Нет, сэр, пожалуйста, я...

— Заткнись и пошел за мной!

Бизон проволок парня мимо охранников, которые кричали: «Нет, стойте, кто это? Его надо обработать!»

— Позже! — отрезал он.

— Куда мы идем? — спросил парень с греческим акцентом.

— Домой, — шепнул Бизон.

— Но мои родители тоже здесь.

— Как их зовут? — Бизон записал имена. —

Насчет их ничего не обещаю, но ты сегодня не умрешь.

— Вы верующий?

Он кивнул и приказал парню молчать.

Они пронеслись мимо внешней охраны. Когда Бизон тычками погнал «пленника» через дорогу, к джипу, на них почти никто не обернулся.

— Садись на переднее сиденье, — скомандовал Бизон. — Там еще верующие есть?

Мальчик помотал головой.

— Не видел.

— Дай мне имя одного из парней в клетке. Одного хватит.

— Кого?

— Любого, просто имя.

— Пауло Гантер.

— Ясно. Теперь слушай. Сиди тут, в джипе, пока я не вернусь. Чего тебе НЕ надо делать — слышишь меня? — это проверять, не смотрит ли кто. Потому что, если окажется, что никто не смотрит, ты, наверное, захочешь сбежать — и бежать, пока не окажешься в безопасности. А я потом вернусь и буду гадать, куда это делся мой пленник. Понял?

— Вроде да. Вы не хотите, чтобы я все это делал?

— Конечно, нет. Я же не знаю, что делать, если обнаружу побег, а ты?

Парень выдавил слабую улыбку.

— Знаешь что? — сказал Бизон. — Помоему, никто не смотрит прямо сейчас.

Он вспомнил Аниса, пограничника, который когда-то, уже давно, нашел Циона под сиденьем автобуса. Бизон положил одну руку парню на плечо, а другую — на голову.

— А теперь — благослови тебя Господь. Да воссияет лик Господа над тобой и да дарует он тебе мир. Счастливого пути, сынок.

Когда он вернулся к воротам и посмотрел назад, мальчика уже не было.

Охрана внешнего периметра пропустила Бизона без вопросов. Внутри спросили:

— Кто это был?

— Гантер Пауло. Переводится в тюрьму ССАШ.

Охранники зашуршали распечатками, и Бизон двинулся дальше.

Атенас заканчивал:

— Есть тут кто-нибудь, кто желает откаться от знака верности?

В ответ раздался хохот. На Атенаса замахали руками.

— Ни одного? Никого? Есть кто-нибудь?

Заключенные начали переглядываться и смолкли. Бизон ждал и следил, прав ли мальчишка, что верных в клетке не осталось.

— А если откажемся? — ухмыльнулся какой-то здоровяк.

— Ты знаешь последствия, — ответил Алекс. Парень чиркнул пальцем по шее. — Вот-вот. Вопросы есть?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

— Тут мятежников нет! — выкрикнул кто-то. — Тут все честные и верные граждане!

— Это мы и хотели услышать. Так нет вопросов?

— А картинку можно будет выбрать?

— Нет. Вы ограничены в правах, и вам разрешен только базовый чип и татуировка с номером.

В клетке завозмущались, и Атенас дал знак группе и вооруженной охране занять свои места.

— Все пройдет по правилам, — объявил он, — а не то вы пожалеете, что не отказались от знака!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд заглянул к Зики. Тот дошивал рясу.

— Материала хватит, можно две сделать.

— Ты же слышал, что Цион сказал про одежду.

Зики кивнул.

— Но разнообразия ведь тоже хочется. И потом, Цион вроде не говорил, что одежда не пачкается.

Рэйфорд пожал плечами.

— Я восхищался твоим отцом, Зики. Ты это знаешь?

Зики кивнул, не отрываясь от работы.

— Он держался храбро до самого конца.

— А я не удивляюсь. Я ж говорил, что так и будет.

— Ты его отлично знал. Я молюсь, чтобы нам всем хватило храбрости в наш час.

Зики помотал головой, смотря куда-то вдаль.

— Хотел бы я, чтоб его не поймали. Время не то, он столько бы сделать смог для верных. Как и я.

— Тобой я тоже восхищаюсь, Зики. Как и все мы.

Зики снова кивнул.

— Дай себе погоревать. Тут нет ничего плохого.

— Я удержаться не могу. Уже по нему скучаю...

— Я просто хочу сказать, что ты не обязан казаться сильным при нас. Мы все пережили страшные потери. Пусть Господь и помогает нам пройти сквозь это, мы не обязаны этому радоваться. Библия не говорит, что нам нельзя горевать. Она только говорит, что не надо отчаиваться и терять надежду. Плачь от всей души, Зики, потому что у нас есть надежда. Мы знаем, что снова увидим своих близких.

Зики вдруг встал и протянул руку. Рэйфорд пожал ее.

— Наверное, не выйдет тело забрать, да?

Рэйфорд покачал головой.

— Первое, что они сделают, — это спросят, кем ты ему приходишься. А второе — сам знаешь.

— Скажут знак принимать.

— Смерть твоего отца по всем нам ударила, Зики. Не знаю, что бы мы делали, если бы и тебя потеряли.

— Я просто думать не хочу, что они с ним сделают. Как представляю, что он... что у него голова... Понимаете?

— Понимаю. Но, что бы они с телом ни сделали, Бог знает твоего отца. Его душа на небе, и в конце концов она соединится с телом — здоровым и обновленным. Если Господь может воскресить кремированное тело... Ты знаешь, что это значит?

— Сожженное, угу.

— Значит, может воскресить любое. Вспомни, Он же нас из праха земного создал.

— Спасибо, капитан Стил. Знаете, если уж пришлось такое услышать, то я б не хотел еще где-то быть. Я вас люблю всех.

— Мы тебя тоже любим, Зики.

Рэйфорд вышел и закрыл дверь. Снаружи, прислонившись к стене, стоял Цион.

— Простите, — сказал он. — Я не хотел подслушивать. Не знал, что вы там. Нам в голову, похоже, пришла одна и та же мысль.

— Ничего.

— Я рад, что я это услышал, Рэйфорд. Господь восстановил вас и сделал вождем. Вы сделали именно то, чего, я уверен, хотел бы от вас Бог, — и сделали это хорошо.

— Спасибо, Цион. Бог со мной терпелинее, чем я того заслушиваю.

— Разве не то же можно сказать о каждом из нас?

Они направились к общим залам.

— Я только что говорил с Хлоей, — сказал Цион. — Надеюсь, не сказал ничего неуместного.

— Док, вы неспособны быть неуместным. Вы это знаете. О чём вы говорили?

— Спросил, как идут дела с вашим заданием. Я же заинтересованное лицо, сами понимаете.

— Это насчет пилотов и машин? Да уж, не сомневаюсь! Так что там, чтобы мне ее второй раз не расспрашивать?

— Она сама удивляется. Она разослала запрос, кто из наших храбрых братьев готов пожертвовать свое время, самолет или машину, топливо на иерусалимскую миссию. Сообщила, что люди понадобятся уже скоро. И реакция, она говорит, была просто ошеломляющая. Элемент риска всех воодушевил, пилоты охотнее готовы играть со смертью в Иерусалиме, чем летать в обычные транспортные рейсы для кооператива.

Из-за угла пыхтя притопал Кенни, которого догоняла Лия. Малыш любил, когда она его тискает и щекочет, но сейчас, похоже, твердо решил, что должен убежать.

— Деда! — запищал он и потянулся к Рэйфорду, но в последний момент передумал и прибежал на ручки к рабби.

— Дядя Цон!

Лия рассмеялась и сделала вид, что сейчас схватит Кенни.

— Дедушки тебя не спасут! — И мальчик сильнее прижался к Циону.

— Дедушки? — сказал Цион. — Мисс Лия, я уязвлен!

Он понес мальчика матери, а Лия задержалась.

— Рэйфорд, я чувствую себя нужной, когда помогаю Хлое. Кстати, она просто потрясающая, она могла бы руководить целой корпорацией. И я обожаю возиться с малышом.

— Но?..

— Вы же знаете, что у нас готовится.

Он кивнул.

— Я пока не распределил задания окончательно, — сказал он, — но вам придется поработать в поле.

— Спасибо, Рэй! Не хотелось бы быть эгоистичной, и я знаю, что Хлоя издергалась не меньше моего.

— У нее есть обязанности здесь. Больше, чем у вас.

— Не очень честно по отношению к ней.

— Но она понимает, как ответственна ее роль. Думаю, она с ней смирилась.

— Ну... Не могу говорить за нее, но мне бы казалось, что я связана.

— Связана материнством?

Лия улыбнулась.

— Сразу видно мужчину. Я ведь была на ее месте, и знаете — временами хочется передохнуть. Недолго, и потом рвешься назад, но... А, ладно. Не мое дело. Но если вы ей найдете полевую работу — пусть крохотное задание, — я ее с радостью подменю.

— Вы справитесь с тем, что делает она? И с кооперативом, и с Кенни?

— Конечно. Это только мужчины у нас тут ни на что не годятся.

Рэйфорд прищурился, выискивая намек.

— Шучу, шучу, Рэй. Вы мне лучше скажите — пошлете меня в Израиль?

— А вы хотите?

— В прошлый раз я застряла в Бельгии. Все самое интересное всегда происходит в Иерусалиме.

— И самое опасное.

— И что?

Он вздернул подбородок.

— Ну да. Вы живете ради адреналина.

— Я живу ради служения, Рэй. Я не хвастаюсь, это так. Жила еще до того, как поверила. Я хочу быть полезной нашему делу. Я ведь ни у кого не вызову подозрений. А с этой дурацкой шиной на зубах, да еще если Зики меня перекрасит — я вообще невидимка.

— Чтобы сделать из вас восточную женщину, понадобится больше усилий.

— Тогда, может, наш Давид сделает из меня миротворца? Придумает мне причину, по которой я там окажусь.

Рэйфорд поднял брови.

— Может быть, — сказал он. — Кто знает.

* * *

Бизон и Альби вместе с выбраковочной группой стояли в женском крыле. Бизон поверить не мог, что условия здесь такие же, как у парней. Две женщины-охранницы, остальные — мужчины. Здесь было меньше шума и буйства, но общий расклад — тот же:

явные лидеры и явные жертвы. Всем было интересно, что происходит.

Бизон всмотрелся в группу — и встретился глазами с высокой брюнеткой. Казалось, они заметили печати друг у друга одновременно. Глаза девушки расширились, и он постарался просигналить ей: не выдавай меня. Алекс Атенас начал зачитывать инструкцию, и Бизон пододвинулся к Альби.

— Я бы не рисковал второй раз. Сможешь вытащить ее отсюда?

— Возможно, — ответил Альби. — Ты же не собираешься продевывать такое в каждом корпусе, а?

— Меня убивает беспомощность.

— Меня тоже, но еще вернее нас убьют эмэсовцы. А если нам попадется сразу несколько?

— Я не могу беспокоиться обо всем одновременно.

Альби вздохнул.

— Где она?

Бизон показал.

— Смотри и учись, молокосос!

Он закричал и пошел к клетке. Алекс замолчал и начал вместе с остальными следить, как Альби прохаживается вдоль решетки, не сводя глаз со своей жертвы.

— Ты! Вот ты — из Североамериканских Штатов?

Девушка замерла, ее взгляд метнулся на Бизона — тот едва заметно кивнул, — потом снова на Альби.

— Нет, — ответила она, ее голос сорвался в сдавленный писк. — Я...

— Не ври мне, сучка! Я тебя везде узнаю! — рявкнул Альби с такой злобой, что Бизон ему чуть не поверил. — Алекс, пусть откроют клетку. — Он обернулся к девушке: — Подошла к двери! Быстро! Руки за голову!

На негнущихся ногах, дрожа, она вышла вперед. Альби схватил ее и вытащил из клетки.

— Наручники! — приказал он, и охранник бросил ему пару. — Ключ тоже. Верну.

Он прижал девушку к клетке, завел ей руки за спину и защелкнул наручники. Сунул ключ в карман и повел ее на выход.

— Хорошо повеселиться, — пробормотал охранник им вслед.

Альби развернулся, схватил его за лацканы куртки и прижал к стене:

— Повтори, что сказал.

— Простите, сэр. Я не хотел.

Альби встряхнул его еще раз, вернулся к девушке и толчками погнал ее прочь. Несколько минут спустя он вернулся и вернул охране наручники.

Бизон вздрогнул, когда девушка с сильным греческим акцентом ответила утвердительно на вопрос Атенаса. Остальные заобирались, чтобы посмотреть на нее, Бизон вытянулся вперед, ища печать. Печати не было.

— Ты отказываешься принять знак лояльности Мировому Сообществу? — спросил Алекс.

— Я бы хотела подумать, — ответила она. — Это серьезный шаг, его нельзя делать легкомысленно.

— Ты осознаешь последствия?

— Я просто хочу подумать.

— Честный ответ. Еще мыслящие есть?

Молчание.

— Леди, поскольку ты в этом заведении одна такая, то к аппарату принуждения мы тебя пока не пошлем. Можешь обдумать решение в очереди. Ребята, ваши соседи уже почти закончили, так что время на раздумья зависит от того, где в очереди ты окажешься. Потом тебя спросят, принимаешь ли ты знак, — и это будет твой последний шанс отказаться.

— А потом?

— Тебя отведут к аппарату принужде...

— Дура, ты знаешь, что это такое? — выкрикнула девчонка из толпы.

— Тебя прикончат!

— Голову отрубят!

Наконец клетка успокоилась, и Атенас посмотрел на девушку.

— Ну что, думаем?

— Они серьезно? Вы отрубите мне голову за то, что я хочу подумать?

— Не за раздумья, мисс. За отрицательное решение. Если решение будет положительным, останется только выбрать место.

— То есть выбора на самом деле нет?

— Ты откуда свалилась? — сказала одна из девушек, и остальные ее поддержали.

— Конечно, выбор есть, — сказал Алекс. — По-моему, я ясно объяснил: принимаешь знак или принимаешь последствия отказа.

— То есть или знак, или смерть?

— Будешь еще думать?

Она покачала головой.

— Устроила проблему на пустом месте, — возмущались в клетке.

— Ну, я же не знала, что выбора нет.

Прежде чем перейти в женский корпус, Бизон и Альби проводили девушек к главному. Там уже установили образцовый порядок. Заключенные равномерно продвигались в очереди, они уже выбрали место знака и его обработали дезинфектантом-анестетиком. Инжекторы трещали, как электрические стеклорезы, некоторые отшатывались, но ни один явно не чувствовал боли.

Почти все парни выбрали лоб. Один из последних, возвращаясь в очередь, поднял руки вверх и закричал: «Да здравствует Карпати!» — и это быстро подхватили остальные, в том числе девушки, которые чаще выбирали руку.

Бизон смотрел и жалел, что не может обратиться к юнцам с проповедью. Да, они сделали свой выбор, но понимали ли они, между чем и чем они выбирают? Не верность или смерть, нет. Выбор был между раем и адом. Вечной жизнью и вечной смертью.

Наконец девушек завели обратно. Сердце Бизона заколотилось сильнее: скоро он увидит миссис Миклос. Сколько ее подруг окажется там с нею?

Женский корпус их удивил: там не было клетки. Охрана — тоже в основном мужчины — явно не ждала сопротивления. Женщины сидели, в основном неподвижно, некоторые тихо беседовали. На выбраковочную группу тут тоже посмотрели с интересом.

Бизон прошелся вокруг толпы заключенных, выискивая жену Ласлоса. Наконец он нашел ее в дальнем углу, где около двадцати женщин собирались отдельной кучкой и стояли на коленях. Миссис Миклос стояла в центре и молилась.

— Заткнулись все и слушайте! — крикнул охранник, и большинство женщин повернулось к нему. — Это офицер Атенас, он сделает объявление и прочтет вам инструкцию.

Алекс начал говорить, но женщины в углу не обращали на него внимания и продолжали молитву. Некоторые подняли глаза к небу, и Бизон увидел, что у одной из них нет печати. Жена Ласлоса явно пыталась обратить новых сестер.

Атенаса явно раздражала эта группа. Он прикрикнул на них, но не получил ответа. Он кивнул одной из своих подчиненных, та передала винтовку и пистолет напарнику, вытащила дубинку и направилась в угол. Молодая, здоровая, крепко сложенная женщина, она не колеблясь раздвинула местных заправил, зная, что товарищи прикрывают ее тыл.

— Итак, как я уже сказал... — Алекс снова прервался, потому что женщины начали оглядываться.

— Леди! — гаркнула охранница. — Прекратить саботаж, смотреть вперед, слушать офицера Атенаса!

Многие подчинились. Некоторые встали и отошли. Некоторые остались на коленях, но подняли взгляд. Нашлись и те, кто не прервал молитву. Миссис Миклос стояла на коленях спиной к охраннице, опустив голову и сложив руки, и тихо молилась.

Охранница пихнула ее дубинкой и чуть не заставила упасть. Когда миссис Миклос посмотрела вверх, она нагнулась и крикнула ей в лицо:

— Мэм, вы понимаете, что я говорю?

Миссис Миклос застенчиво улыбнулась, отвернулась и продолжила молиться. Охранница начала терять терпение. Она ухватила дубинку обеими руками и размахнулась.

Бизон чуть не закричал, Альби пришлось схватить его и держать, когда тяжелая деревянная дубинка обрушилась на затылок миссис Миклос.

Брызнула кровь, запачкав несколько женщин вокруг. Жена Ласлоса упала вперед, ее руки и ноги непроизвольно задергались. Раздались крики. Многие молящиеся, даже с печатями на лбу, встали и поспешили к основной группе. Одна из женщин встала на колени проверить, что стало с раненой сестрой, и охранница ударила ее дубинкой по лицу, как раз под носом.

Бизон услышал скрежет от выбитых зубов. Женщина вскрикнула, завалилась назад и закрыла лицо руками.

Охранница вернулась — и толпа расступилась, пропуская ее. Миссис Миклос каким-то чудом удалось встать на четвереньки. Медленно и величественно она снова приняла молитвенную позу.

Она стояла спиной к остальным, и всем открылась зияющая рана. Потоки крови стекали по волосам и свитеру, сверху белели кости черепа. Многие отворачивались, Бизон не мог отвести взгляд. Череп был явно проломлен, осколки не могли не повредить мозг. Но она по-прежнему стояла на коленях и молилась.

Вторая женщина перевернулась на живот, медленно поднялась, выплевывая выбитые зубы, и тоже вернулась к молитве. Кровь струилась у нее по подбородку, и у Бизона пошли мурашки по спине, когда он представил страшную боль, которую испытывает эта женщина.

Охранница с довольным видом забрала у товарища свое оружие. Толпа притихла, прикидывая, кто будет следующим, и Алекс произнес:

— Посмотрим, у кого тут хватит сил стоять в очереди к аппарату принуждения.

Наконец он добрался до решающего вопроса. Сердце Бизона заколотилось еще быстрее, дыхание перехватило. Он замер.

— Итак, дайте нам знать. Сколько народу отказывается от знака верности и выбирает альтернативу?

Миссис Миклос встала и обернулась к нему. Она была бледна как смерть, зрачки беспорядочно метались, грудь тяжело взды

малась при каждом вдохе, из страшной раны все текла и текла кровь. Ее тряслось, как в судорогах, но она подняла вверх обе руки. Блаженная улыбка смягчила ее исказенное болю лицо.

— Вы предпочитаете казнь на гильотине знаку верности? — переспросил Алекс.

Рядом с женой Ласлоса поднялась вторая женщина. Ее лицо распухло, нос залита кровью, она улыбнулась жуткой улыбкой: верхних зубов не было — и тоже подняла руки.

— Двое, значит?

Больше. Теперь остальные женщины поднялись, чтобы посмотреть, кто сделал свой выбор. Из группы молящихся руки подняли шесть.

— Вы все хотите умереть сегодня? — крикнул Алекс, будто ничего нелепее он в жизни не видел. — Вижу восемь человек. Вы восемь отойдите... девять... отойдете к крайней правой стене, когда вас... десять... когда вас приведут в центр. Ладно, можете опустить руки. Еще двое? Двенадцать. Руки можно не держать.

Две женщины в передних рядах переглянулись и пошли назад. Когда они подняли руки, на их лбах появилась печать.

— Ладно, — сказал Алекс. — Кто принимает знак, поворачивает влево на входе в центр. Самоубийцы — вправо.

Пока он говорил это, еще три женщины присоединились к истекающим кровью мученицам.

Бизон боролся со слезами. Он мог бы податься эмоциям и стать мучеником сегодня же, и сейчас это не казалось таким уж плохим, но у него были жена и ребенок, были товарищи, которые рассчитывали на него. Он заморгал, стараясь взять себя в руки. Эти женщины были героинями веры. Они волются в число тех, кто превратит свои тела в живую жертву, мучеников, которые появятся у алтаря Господня в белых одеждах праведников. Бизон не мог не завидовать им.

Когда женщин выводили, Алекс крикнул через шум:

— Вы можете передумать! Если вы выбрали это идиотское решение, а потом передумали, просто перейдите в другую очередь!

Но женщины одна за другой проходили мимо Бизона, он видел печать на лбу у каждой и знал, что ни одна не повернет назад. Он поравнялся с охранницей, ведущей группу на гильотину. Остальные удивленно смотрели им вслед, прикидывая, где будут носить знак Николае. Охранница ушла вперед поговорить с двумя эмэсовцами, обслуживающими машину смерти. Бизон подошел к миссис Миклос и постарался сделать вид, будто допрашивает ее.

— Ласлос просил передать, что он любит вас всем сердцем и ждет встречи на небесах.

Она вздрогнула и обернулась, посмотрела сначала на его униформу, потом на лоб, потом в лицо.

— Я вас знаю, — сказала она.

Он кивнул.

— Вы ведь не встречались с госпожой Детемер?

Так значит, это жену пастора ударили в лицо!

— Я бы пожала вам руку, — прошептала та разбитым ртом, — но вас бы поставили в нашу очередь.

Госпожа Миклос наклонилась к Бизону.

— Скажите Ласлосу — спасибо, что привел меня к Иисусу. Я вижу Его. Вижу. Вижу Спасителя моего и не дождусь встречи с Ним.

Ее колени подкосились, Бизон подхватил ее. Вернулась охранница и дернула ее за плечо.

— Нет уж, леди! Вы это выбрали — значит, пойдете до конца.

Бизон изо всех сил сдерживался, чтобы не ударить ее по лицу.

— А что нам делать с телами? — спросила охранница. — Мы не ждали такого.

Бизон вернулся назад — туда, где у стены выстроилась охрана. Это была первая казнь в тюрьме, и они явно не хотели пропустить зрелище. Альби подошел к нему. Он был явно потрясен.

— Женщина с миссис Миклос — жена пастора.

Альби покачал головой.

— Они настоящие победительницы, Бизон. Не уверен, что хочу смотреть на это.

— Идем отсюда.

— Наверное, нам нужно быть с ними до конца.

— Начнем с принуждения, — объявил Атенас. — Кто хочет сменить очередь, может сделать это сейчас. Леди, когда вас зафиксируют в аппарате, передумывать будет уже поздно. Дайте знать раньше или примите последствия своего выбора.

Не в силах пошевелиться, Бизон смотрел, как госпожу Миклос подводят к уродливой машине.

— Механизм проверяли? — крикнул Атенас. — Мне только поломок не хватало.

— Так точно! — ответил помощник. Они с палачом должны были меняться местами на каждой новой жертве.

— Приступайте!

По губам палача Бизон прочел: «Последний шанс, мэм».

Жена Ласлоса встала на колени, помощник начал возиться с колодками.

— Поверните ее! — крикнул кто-то. — Нам не видно!

Альби развернулся к кричавшему:

— Заткнись. Казнь не для твоего увеселения проводится.

В наступившей гробовой тишине Бизон услышал негромкий голос госпожи Миклос:

— Иисусе, люблю Тебя. Вверяю себя Тебе.

Рыдание сжало Бизону горло. Одним движением помощник запер колодки, встал и поднял руки, показывая, что ушел от лезвия.

ТИМ ЛАХЭЙ ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

Палач дернул короткий шнур, и тяжелое лезвие устремилось вниз. Раздался тошнотворный хруст, толпа встретила его ликующими воплями. Бизон растолкал охрану и выбралася на воздух.

Он был рад, что приступ тошноты позволил ему плакать, не скрываясь. Он представлял, как бездушные работники убирают головы и тела, освобождая место всем новым, а слезы текли и текли по щекам.

Он стоял в прохладной траве, тяжело дыша, и зажимал уши, чтобы не слышать стука гильотины и криков зрителей. Стук — крики, стук — крики... Появился Альби, положил ему руку на спину и бережно убрал его ладони от ушей.

Голос у него был хриплый.

— Когда я попаду на небо, — прошептал он, — то после Иисуса я первыми захочу увидеть этих женщин.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Хаим завел привычку бродить по башне Стронга и твердить свой текст. Обычно он носил с собой Библию, но порой это были комментарии или его собственные заметки. Рэйфорд не находил его речь ни красноречивой, ни убедительной, ни уверенной. Казалось, Хаим поставил целью всего лишь усвоить основные моменты и понять, о чем вообще нужно говорить. Вид у него был жалкий, и Рэйфорд хотел снова завести разговор о Боге и Его орудиях, но не чувствовал в себе сил помочь Хаиму. В Ционе же ученый явно видел не личного наставника, а учителя и неустанного вдохновителя.

Неожиданно для себя Рэйфорд понял: все они, прия к вере, прошли сквозь те же сомнения и страхи. Однажды упустив истину, они боялись, что пришли к Богу просто как к

шансу избежать ада. Разве такой мотив может быть «засчитан»? В Библии говорилось, что они обновлены, что старое отмерло и жизнь начинается с чистого листа. Рэйфорду пришлось немало работать и размышлять, прежде чем он принял эту мысль: Бог теперь смотрит на него через Своего безгрешного Сына, Христа.

Это казалось почти невозможным. Да, он изменился внутренне. Он признавал это с духовной точки зрения. Но снова и снова он боролся со своей старой личностью. И хотя Господня истина о нем по идеи имела больший вес, чем его собственные ограниченные метания, эмоции упорно лезли на передний план его сознания и застили остальное. Кто же объяснит Хаиму Розенцвейгу, что нужно просто верить: Бог знает и понимает его лучше, чем он сам.

Если кому-то и удалось стремительно обновиться, прияя к вере, то это была Хэтти. Ирония ситуации от Рэйфорда не ускользнула. За сутки до того, как поверить, Хэтти пыталась покончить с собой. За несколько месяцев до того она заявляла каждому члену отряда Скорби, у кого хватало терпения с ней спорить, что понимает и верит в истинность Благой вести, но решила отказаться от спасения, потому что не заслуживает его. Пусть Богу все равно, что она натворила, ей самой не все равно. Иными словами, хотя Бог и предлагает ей полное прощение грехов без судебных разбирательств, она не должна его принимать.

И тем не менее, приняв наконец этот дар, она изменилась. Ее упрямство постепенно слетало с нее. Да, характер Хэтти-христианки оставался таким же резким и несносным, как и у Хэтти-неверующей, но все не могли нарадоваться, что она теперь в отряде.

Хайма, если судить по лицу, Хэтти как минимум смущала. До нее он был последним новообращенным и, вероятно, видел в ней себя. Но в разговоры он с ней не вступал — будто ее нет. Что заставляло его прислушиваться к болтовне Хэтти? Белая зависть? Гадал ли он, почему его, с его стремлением к истине, не наделили такой непринужденностью?

Рэйфорд не хотел опережать события, не хотел понимать слишком буквально комплимент Циона о своем лидерстве. Но порой самым действенным оказывался нестандартный ход, нарушающий правила и ломающий стереотипы. А нельзя ли — должно ли? — попросить Хэтти растормошить Хайма и заставить его сдвинуть фигуру с первой клетки? Цион был убежден, что именно Хаим станет современным посланцем Господа, а Рэйфорд привык доверять интуиции рабби. Но, чтобы стать тем сосудом для Духа Святого, о котором говорил Цион, Хайму придется проделать долгий путь за короткое время.

Рэйфорд нашел Хэтти, когда она покормила и теперь переодевала Кенни. Малышу повезло: вокруг него крутилось множество нянек. Мужчины в нем души не чаяли, и даже

Зики, хоть и робел немножко, был с малышом очень нежен и ласков. Женщины, интуитивно чувствуя, когда предложить помочь, поочередно нянчились с ним, но основная нагрузка ложилась, конечно, на Хлою.

— Есть минутка? — спросил Рэйфорд, когда Хэтти обработала малыша присыпкой, сменила подгузник и подняла головкой на плечо.

— Если этот парнишка быстро уснет, но у меня времени хоть до скончания веков. То бишь, если верить нашему замечательному рабби, целых три с половиной года.

Вовсе не так смешно, как считает Хэтти, подумалось Рэйфорду, но как раз столько на самом деле и нужно.

— Можешь сделать для меня кое-что? — спросил он.

— Что угодно.

— Хэтти, не торопись с ответом!

— Я серьезно. Что угодно. Если это вам поможет, я это сделаю.

— Ну, если у тебя выйдет, это поможет нашему делу.

— Все, больше ничего не говори, я твоя!

— Дело связано с Хаимом.

— Он же лучше всех!

— Он великолепен, Хэтти. Но ему нужно кое-что, чего ни Цион, ни я ему дать не можем.

— Рэйфорд! Он меня вдвое старше!

* * *

Чтобы не вызвать подозрений, Бизон предложил Альби отправиться сразу в следующий корпус — к востоку от главного. Если верить командиру подразделения, там держали мелких правонарушителей. Религиозные диссиденты сидели вместе с серьезными уголовниками в последнем корпусе.

Они подошли к охране корпуса номер четыре.

— Ну что, наша очередь? — спросил один из солдат с акцентом кокни.

— Скоро подойдет, — сказал Бизон — Вы следующие.

— Там орали вроде. Что, кто-то выбрал ножик?

Бизон кивнул, стараясь дать понять, что не хочет обсуждать эту тему.

— Больше одного?

Он снова кивнул.

— Зрелище не из приятных.

— Да? Жаль, я не видел. Ни разу не видел, как казнят. Так вы смотрели?

— Я же сказал, ничего приятного. Как бы я это определил иначе?

— Извиняюсь! Просто спросил. А сколько вы видели?

— Одну.

— А было ж больше, да? А вы, командующий? Вы все шоу посмотрели?

— Замолчите, капрал, — оборвал его Альби. — Казнь выбрали несколько женщин и показали при этом больше мужества, чем любой мужчина из тех, что мне встречались.

— Ну да. Только они ж потентата предали, так?

— Они отстаивали свои убеждения.

— Убеждения, предубеждения... приговор, считай.

— А вы бы выбрали смерть, будь вы также преданы идеи?

— А я предан. Только я на другой стороне, угу? Я выбираю то, в чем есть смысл. Человек восстает из мертвых — считай, он меня купил.

Охрана отвела помрачневших женщин обратно в корпус, а группа Атенаса подошла к Бизону и Альби. Бизон отметил, что выбраковщики были так же подавлены, как и заключенные женщины, а вот тюремщиков казнь явно раззадорила.

— Ладно, за работу, — сказал Атенас и вошел внутрь.

Здесь явно сидели «белые воротнички» — крупные и мелкие мошенники. Ни угроз, ни показной бравады, вообще никакого шума. Они выслушали объявление, гильотину не выбрал никто, все спокойно прошли в центр верности. В центре в ноздри ударил запах крови. Среди заключенных быстро распространилась весть о казненных женщинах, и очередь стала еще тише. Работники при гильотине явно радовались перерыву.

Бизон в отчаянии следил, как люди покорным стадом идут за клеймом. Работники, вживляющие чипы, явно набили руку: очередь шла все быстрее: встал в очередь — выбрал место — мазок тампоном — сел — инъекция — обратно в очередь — ушел в корпус. По страшной иронии, путь к настоящей жизни шел через кровавую смерть. Люди, принимающие знак, думали, что выбирают жизнь, но на самом деле они подписывали себе смертный приговор. В смерти — жизнь. В жизни — смерть.

Бизон давно хотел вновь увидеть пастора Деметера, но почему встрече суждено было состояться здесь и сейчас? Он с ужасом ждал столкновения с самыми страшными преступниками из пятого корпуса, потому что знал: многие верующие там выберут кровавую судьбу праведника.

Завибрировал мобильник: пришло сообщение. Высший приоритет. Встреча в Козани не раньше 1:00. Офицер МС, перенаправлена в ССАШ из Буфера. Срочный перевод. Точное назначение указано в документах. На вид 20 лет, волосы темные. Минь Той. Место печати».

— У нас сегодня пассажир, — сообщил Бизон Альби. — Будет неплохо, если с нами полетит сестра, которая не будет напоминать мне об этом месте одним своим видом.

— Понимаю, — ответил Альби. — Проживи я жизнь, не увидев такого, не жалел бы ни секунды.

* * *

В убежище день клонился к вечеру. Все были заняты, кроме Рэйфорда: Зики шил, Цион писал, Хлоя сидела за компьютером, Лия работала с копиром, Хаим зубрил, Кенни спал. Рэйфорд подмигнул Хэтти, и та подошла к Хаиму.

Старик удивленно поднял взгляд. Рэйфорд сел неподалеку и демонстративно уткнулся в книгу.

— Можно вас отвлечь? — спросила Хэтти. — Потому что я ведь отвлеку!

Она уселась на полу у его ног.

— Ну, раз выбора у меня нет, мисс Дюрхем, то небольшой перерыв мне не помешает. Что-то хотите спросить?

— Вы тут тоже новенький, — сказала она. — Могли бы носиться по дому, ко всем с этим приставать, как я. А вы ни с кем не разговариваете.

— У меня есть задание. Нужно много выучить. Помните колледж?

— Я его бросила. Решила мир посмотреть. Но как учеба мешает чувствовать себя ожившим? Вам что-то другое радоваться мешает, не учебники.

— Радоваться? Это не для меня. Мы с вами пришли к вере в самое страшное время в истории человечества, тут не до радости. Сейчас наше дело — выжить, а радость придет потом. Поверь мы до Восхищения, я знаю, где мог бы радоваться сильнее.

Она нахмурилась.

— Я же не про тупое веселье, как от анекдотов там. Но мы ведь можем впустить радость в себя, правда? Внутрь нас.

Хаим покачал головой из стороны в сторону:

— Возможно.

— Да? А вот по глазам, по тому, как вы сидите, мне что-то не видно, что вы меня поняли.

— О, не сомневайтесь, я верю. Во мне есть вера.

— А радости нет.

— Я уже сказал вам о радости.

— Мне с вами умом не тягаться, но я не сдамся. Мне плевать, что вы в сто раз больше знаете, я хочу, чтобы вы меня поняли.

— Я попробую, — сказал Хаим. — С чем вы хотите, чтобы я согласился?

— Нам ведь есть за что быть благодарными.

— О, с этим я согласен.

— Но это вас не радует? Не заводит?

— В каком-то смысле радует. Мм... на мой лад.

Хэтти шумно вздохнула.

— Нет, мне вас не переубедить. Но меня так заводит, что вы мой брат, а от вашего предназначения меня прям в жар бросает.

— Видите, мисс Дюрхем, здесь мы, видимо, и расходимся. Я пришел к заключению, что Цион прав: мое положение уникально, и только я подхожу для этой роли. Но эта роль меня не греет, я не стремлюсь к ней, не жажду ее.

— А я жажду!

— Выслушайте меня, мисс Дюрхем.

— Извините.

— Я принимаю эту миссию с тяжелым сердцем. Я стараюсь не быть трусом, не сопротивляться своему предназначению. Но это не что-то желанное, это не оказанная честь, не достижение. Понимаете меня?

Она кивнула.

— Вы правы наверняка. А вам не внушает смирения то, что Бог выбрал вас для такой миссии?

— Конечно, я смиряюсь. Хотя иногда я вспоминаю Мессию — как Он молился, чтобы Его миновала чаша сия.

— Но потом он добавил: «Не Моя воля, но Твоя да будет».

— Верно, — сказал Хаим. — Помолитесь, чтобы я достиг такого же самоотречения и желания.

— Ну... — Она встала. — Я просто хотела сказать — я знаю, что Бог хочет свершать через вас великие дела. Я буду за вас молиться на всем вашем пути.

Хаим, казалось, не мог говорить. Его глаза наполнились слезами, и наконец он выдавил:

— Спасибо, юная сестра. Для меня это значит больше, чем я могу выразить словами.

* * *

В пятом корпусе Бизон оказался рядом с Атенасом. Тот сверялся со своими записями.

— Работа не подарок, — сказал Бизон.

— Хуже, чем я думал, — проворчал Атенас. — Кто мог представить, что они окажутся такими непоколебимыми... А теперь надо разбираться с их мужьями. Посмотрим, кто круче.

— Не могу поверить, что религиозных диссидентов держат вместе с уголовниками.

— Это не мое дело. У меня задание — больше ничего не знаю.

— Не хотел бы вашу работу.

— Я на нее не напрашивался.

— Но вы согласны, что тут в корпусе странное соседство.

Остальные миротворцы проходили мимо. Алекс остановился и уставился Бизону в лицо.

— Вопрос, Дженсен. Вы когда-нибудь говорили с Николае Карпати?

Он замер. С чего бы такой вопрос?

— Давно.

— А я говорил. И он считает, что диссиденты так же опасны, как и преступники. Да они и есть преступники.

— Убийцы и верующие?

— Неправильно верующие, подстрекатели религиозной розни, нетолерантные верующие.

Бизон сделал шаг вперед.

— Алекс, вы сами себя послушайте. Вы только что отправили два десятка женщин на гильотину, потому что они не верят в Николае Карпати. И вы говорите, что это они нетолерантны?

Алекс уставился в ответ.

— Меня подмывает написать на вас рапорт. Что-то я начал сомневаться в вашей лояльности.

— Я, возможно, тоже. Что у нас случилось со свободой?

— Со свободой все в порядке, Джек, — бросил Алекс. — Они свободны решать, жить или умереть.

Бизон прошел за ним внутрь. Тут клетка была существенно больше. Мужчины всех возрастов слонялись по ней и разговаривали. Бизон углядел не меньше двух десятков верующих — они, казалось, призывали к чему-то небольшие группки заключенных. Как ни странно, их явно слушали.

Бизон переглянулся с Альби. «Всех нашел?» — проговорил он одними губами. Альби удрученно кивнул. Видеть столько верных было прекрасно, то это означало новое страшное кровопролитие. Как бы дать пастору знать, что он тут...

— Кто главарь у диссидентов? — спросил он охранника.

— Местных иегудайтов?

— Не знаю, как они там себя называют, — пожал плечами Бизон.

Охранник кивнул и указал на высокого темноволосого человека, вокруг которого собралось не меньше дюжины слушателей. Он что-то быстро и убедительно говорил им, жестикулируя. Рэйфорд рассказывал о даре проповедничества, и теперь Деметер явно

применял его в отчаянной спешке. Бизон подошел, чтобы лучше слышать.

— Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Мы — это мы с вами, господа. Я умоляю вас не принимать этот знак. Примите Христа, примите прощение грехов. Перейдите на сторону Творца и Владыки вселенной.

— И платить жизнью? — спросил кто-то.

— Да, заплатить придется жизнью, друг. Думаете, я не знаю, как это трудно? Спросите себя: хочу я нынче же ночью оказаться с Богом на небесах или присягнуть сатане и безвозвратно погубить свою душу? Сегодня вы станете мертвыми на один миг, а затем предстанете перед Господом. Или же проживете еще несколько лет, а потом вас ждет вечность в аду. Выбор за вами.

— Я за Бога, — сказал спросивший.

— И готовы к последствиям?

— Да, давай быстрее.

— Молитесь со мной!

Они преклонили колени.

— Встали все, живо! — крикнул Алекс.

— Господи, я знаю, что согрешил, — начал пастор, и обращаемый повторил его слова.

— Встать, я сказал!

— Я принимаю Твой дар и принимаю Тебя прямо сейчас.

— Не говорите, что я не предупреждал!

Бизон заметил, что многие, оставаясь стоять и глядя вперед, тоже повторяют слова молитвы.

— Аминь.

Охранник как раз добрался до пастора, когда тот встал и поднял соседа.

— Вы двое, будете слушать теперь?

Охранник отошел, и Бизон услышал шепот:

— Скажите ее еще раз!

И пастор начал молитву снова — негромко, делая вид, будто слушает речь Алекса. По всей клетке слова молитвы повторяли снова и снова, побуждая соседей делать то же. Клетку заполнило бормотание, в котором трудно было найти конкретных нарушителей порядка.

— Итак, есть ли среди вас желающие отказаться от знака, чтобы мы сформировали правую очередь заранее?

— Поставьте в очередь меня! — ответил пастор.

— Вы отказываетесь?

— Да, сэр!

— Вы осознаете последствия?

— Да, я отвергаю власть правителя мира сего и приношу..

— Сэр, ваша философия меня не интересует, просто пройдите вы очередь справа от меня и...

— ...и приношу клятву верности Единому истинному и живому Господу и Сыну Его Иисусу Христу!

— Молчать, я сказал!

— Ибо Он дарует спасение всем, кто верует в Него.

— Заткните его кто-нибудь!

— И что вы сделаете? Убьете меня дважды? О, я и дважды готов умереть за Господа моего!

— Еще кто готов?

— Я!

— И я!

— Я тоже!

— И меня запишите!

Один за другим заключенные выбирали смерть, выкрикивая причины:

— Я только сегодня поверил, прямо тут. Народ, это правда! Идите к нам, Бог любит вас!

— Молчать!

— А меня арестовали, потому что я молился с моими братьями. Бог вас не оставит и не предаст!

— Охрана!

Охранники вместе с группой Алекса ворвались в клетку, начали сбивать верующих с ног и пинать их ногами по голове и лицу.

— Не сопротивляйтесь! — крикнул пастор Деметер. — Скоро наши мучения закончатся! Пусть бьющие нас услышат наши слова, пока не поздно!

Его ударили по голове дубинкой и повалили на пол. Уголовник, на лбу у которого Бизон не видел печати, схватил охранника сзади и повалил. Остальные сели сверху.

— Не сопротивляйтесь, братья! — крикнул один из верных. — Только свидетельствуйте об истине!

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Но неверующие взбунтовались.

— Я принимаю знак, — проревел один, — но этих трогать не смейте! Я трус, а они смелье! Можете с ними не соглашаться, но они храбрее всех нас тут!

На него напал охранник, ухватил за голову и надавил на подбородок. Шея хрустнула, и мертвое тело упало на грязный пол.

Алекс, стоявший снаружи клетки вместе с оружием, схватил пистолет и выстрелил в потолок. Это утихомирило большинство неверующих.

— Я позволю моим людям стрелять на поражение! — крикнул он. — А теперь, если вы принимаете знак верности Мировому Сообществу и воскресшему потентату, встаньте слева от меня. Справа — те...

— Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус!

— Заткните его!

Верные подняли пастора, но он не мог стоять. Его отнесли вперед очереди справа от Алекса, десятки встали сзади. Внезапно все они начали петь:

Что поможет смыть мой грех?
Ничего, лишь Кровь Иисуса!
Что поможет исцелиться?
Ничего, лишь Кровь Иисуса!

— Выводите их! Заткните всех! Группу на гильотину выводить первыми! Живо, живо!

О как ценен поток,
Омывающий меня!
Я не знаю ничего ценней,
Чем Кровь Иисуса!

Когда очередь миновала Бизона, тот схватил пастора за рубашку, будто заставляя его идти быстрее. Отчаянным шепотом он выдохнул:

— Христос воскрес!

Полумертвый Деметрий Деметер, с затаивающимися глазами, с распухшим языком, на подкашивающихся ногах, — сам он или его дар проповедника — отозвался:

— Воистину воскрес!

Шатаясь, «правые» прошагали в комнату смерти, распевая гимн и получая удар за ударом. У каждого на лбу сияла печать верного. Бизон не мог пройти следом — он знал, что не сможет спокойно смотреть на гибель этих мучеников — давно верующих и новообращенных. Он прогнал слезы, отыскал в толпе Альби и кивнул на выход. Они поспешили к джипу, но все-таки успели услышать первый стук гильотины и ликовение кровожадной толпы.

Бизон скорее включил зажигание, чтобы заглушить звуки снаружи, и с визгом шин рванул в темноту. Все двадцать пять миль дороги до аэропорта Козани они не проронили ни слова. Бизон вдавил тормоз в пол у автопарка, они выскочили из машины и помчались к воротам.

— Ключ в зажигании? — спросил кто-то.
Бизон кивнул, не оборачиваясь.

По дороге к ангару, где ждал заправленный реактивник, Бизон заметил на скамейке под осветительной мачтой крохотную китаянку с огромным чемоданом и сумкой поменьше. То ли дело было в освещении, то ли в красной одежде — униформе тюремщицы, — но Бизону почудилось в девушке что-то ангельское.

Увидев их, она неуверенно поднялась и достала из кармана свои бумаги. После недавнего кошмара она была частицей реальности, ниточкой, связывающей их с жизнью, чашей холодной воды в пустыне.

— Скажите мне, что вы Минь Той. — Бизон не мог справится с голосом.

— Это я. Мистер Уильямс?

Бизон кивнул.

— И мистер Альби?

— Дженсен и Эльбаз, пока мы не на борту, мэм, — ответил Альби, и по голосу Бизон понял: эмоционально он так же подавлен.

— Разрешите ваши документы, — сказал Бизон, берясь за чемодан. Альби поднял вторую сумку.

— Позвольте, я понесу что-нибудь! Вы не представляете, как я вам благодарна!

— Пока мы не сели в самолет, мисс Той, — сказал Альби, — мы с капралом исполняем приказ по сопровождению сотрудника МС к новому месту назначения.

— Понимаю.

Начертание

— А вот на борту сразу станем хорошими.

Бизон закинул чемодан под заднее сиденье, помог ей забраться в самолет и показал, где сесть. Пока она пристегивалась, Альби скользнул на место пилота. Бизон сел рядом, но пристегиваться не стал. Он сел боком и вытащил планшет.

Он повернулся к молчащей девушке.

— Мисс Той... — Голос сорвался в плач. — Мы должны пройти контрольный перечень проверок перед взлетом и запросить разрешение на взлет.

Она прищурилась, как, наверное, смотрела на заключенных в Буфере, пытаясь понять, что с ним такое стряслось.

— Но когда мы взлетим, — сказал он, тяжело дыша, — мы вам объясним, какое вы чудо и как вы были нужны нам сегодня. — Он перевел дыхание и добавил: — И расскажем вам историю, которой вы ни за что не поверите.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Каждые несколько часов Давид просыпался и проверял время. Наконец в шесть утра он встал, пробежал пять миль на беговой дорожке с максимальным уклоном, по завтракал, принял душ и оделся. В кабинет он пришел к половине восьмого.

— Вы переназначили встречу? — спросила Тиффани.

— Да, прости, Тифф. Проблема?

— Нет, просто спрашиваю.

Давид позвонил в комнату 4054 — уточнить, что Чань еще на месте и придет к девяти. Трубку взяла миссис Вонг.

— Миста Вон не дома. Он вам звонит, когда плидет, холосо?

— А можно поговорить с Чанем?

— Нет. Чань с отцом.

— А вы не знаете, куда они пошли?

— Миста Мун.

— Они сейчас у мистера Муна?

— Он вам звонит.

— Миссис Вонг, мэм, ваш муж и ваш сын сейчас у мистера Муна?

— Я не понимать. Вы звонить мистера Муна.

Давид позвонил Муну, там сказали, что тот в отделе кадров. В отделе кадров сообщили, что начальство на совещании.

— Скажите, а они уже начали выдавать знаки новым сотрудникам?

— По-моему, нет, но собираются начать сегодня. Совещание как раз об этом.

— А не подскажете, у вас там нет моего кандидата — Чаня Вонга?

— По-моему, я с утра видела его с отцом и мистером Муном.

— А теперь они где?

— Понятия не имею. Дать вам номер комнаты? Они...

— Спасибо, не нужно. Но мне позарез надо поговорить с Муном.

— Сэр, я же вам сказала, он на совещании с руководством...

— Вопрос безотлагательный.

— Это вы так говорите.

— Мэм, я директор. Будьте любезны, прервите совещание и скажите мистеру Муну, что мне необходимо срочно с ним поговорить.

— Нет.

— Прошу прощения?

— У меня уже были неприятности из-за такого. Если это так важно, приходите и прерывайте совещание сами.

Давид бросил трубку и побежал в отдел кадров. Конференц-зал был пуст. Он нашел секретаршу, та подняла руку, не отрываясь от телефонной трубки.

— Попросите их подождать. Это срочно.

— Минуту, пожалуйста.

— Спасибо! Я...

— Я их прервала не для того, чтобы вам помочь, а сказать, чтобы вы подождали своей очереди.

— Но я...

Она снова подняла руку и вернулась к звонку. Потом зазвонил другой телефон, и она переключилась на него. Давид перегнулся через стойку и нажал отбой.

— Директор Хассид! Я на вас рапорт подам!

— Лучше увольте меня, пока я вас не уволил, — бросил он. — Где совещание?

— Не знаю.

— Не здесь. Где?

— В другом месте, очевидно.

— Где?

— Я правда не знаю. По-моему, в подвале корпуса «Д».

— Это отсюда четверть мили! Почему вы мне сразу не сказали, когда сказали прийти?

— Я же не знала, что вы правда придете.

Телефон слова зазвонил.

— Не отвечайте.

— Это моя работа!

— Ответите — и работы у вас не будет. Почему совещание в корпусе «Д»?

— Я не знаю, где оно. Я же сказала — помоему!

— Почему оно может там быть?

— Потому что там они разворачивают центр верности. — И она подняла трубку.

Давид грохнул ладонями по столу. Секретарша подпрыгнула и долго извинялась перед звонившим. У двери она его окликнула сладким голоском:

— О, директор Хассид, может, вы возьмете трубочку? Это ваша помощница!

Он метнулся к стойке, и секретарша смерила его снисходительным взглядом.

— Думаете, я вам дам пользоваться моим телефоном?

Она кивнула на аппарат в приемной зоне.

— Это Давид.

— Привет. Только что звонил Уолтер Мун.

— Где он?

— Прости, он не сказал, а я не сообразила спросить. Найти его?

— Что он хотел?

— Сказал, что кандидата на 9:00 сам приведет. Что ему и отцу кандидата очень интересно, что вы хотите спросить у мальчика — вы ведь знаете, какой на него спрос.

— Что он там делает с Муном?

— Не знаю, сэр, но могу выяснить, если хотите.

— Найди Муна и перезвони мне на мобильный

Он бросился к корпусу «Д», но у подвала наткнулся на оцепление. Чтобы пройти, при-

шлось использовать все свое влияние. Очутившись наконец перед двустворчатой дверью в переговорную, он не удержался и заглянул в зал, где ставили центр. Барьеры направляли очередь сначала к пунктам обработки, а потом к кабинам, где делали сами инъекции.

— Зачем это все? — спросил Давид у женщины, которая расставляла стулья.

— Да ладно, вы знаете!

— Но зачем делать такой огромный центр? Я думал, они пока обработают только новеньких.

Она пожала плечами.

— Сначала их, потом нас всех. Решили сделать все заранее. Дождаться не могу, это же мечта всей жизни!

— Вы сегодня видели Муна, шефа СБ?

— Вообще-то он тут был недавно.

— Один?

— С кем-то, я их не знаю. Там была пара кадровиков.

— И еще кто-то?

Она кивнула.

— Я не присматривалась.

— Не знаете, где он может быть теперь?

Она покачала головой.

— Но вы же слышали слухи?

— Расскажите.

— Бедное начальство, — улыбнулась она. —

Вечно до вас сплетни не доходят!

— Так и есть.

— А ведь начинаете их вы — то есть ваши решения.

— Согласен. Так что болтали сегодня утром?

— Что Мун метит в верховные командующие.

— Быть не может!

— Мне он нравится. Думаю, у него не-плохо выйдет.

У Давида зазвонил телефон.

— Люди Муна говорят, он у Карпати, — сказала Тиффани.

— Один?

— Давид, прости, я не спросила. Я выясню что угодно, мне только нужно заранее знать, что ты хочешь.

— Прости. Они не говорили, Уолтер по-прежнему сам приведет Чаня на собеседование?

— Да! Это я знаю, да!

— Точно?

— Честное слово!

— А Чань сейчас с ним у Карпати?

— Прости, не знаю.

— Я иду назад.

По дороге в кабинет Давид снова позвонил в комнату Вонгов. На этот раз ответил мистер Вонг, и Давид, окрыленный, попросил к телефону Чаня.

— Не может говорить. Плидет в девять, да?

— Да, верно. С ним все в порядке?

— Лучше чем в польдке. Очень ладуется.

Мистера Муна его пливодить.

— Вы тоже придете?

— Если мозно. Мозно?

— Почему нет? — Давид вздохнул.

— Нет?

— Да. Конечно.

До встречи оставалось пятнадцать минут. Он подключился к кабинету Карпати. Первое, что он услышал, были слова Николае:

— Хикман был шутом гороховым. Без него проще, чем с ним. Не знаю, чем думал Леон.

— Возможно, он планировал занять ваше место, а Хикманом легко управлять.

Карпати рассмеялся:

— Вы хорошо разбираетесь в людях, Уолтер. Остались две кандидатуры: вы и Сухайл. У него впечатляющее резюме, но он и на своей работе без году неделя.

— Вы готовы доверять пакистанцу? Я не понимаю этих людей.

— А кому в наши дни вообще можно доверять, Уолтер? Вот что, не знаю, как вы относитесь к помпе и ритуалам, но я бы хотел обставить все скромно. У вас будет нормальный кабинет, без соседей, но я думаю просто объявить о вашем назначении без лишних церемоний.

— Отлично, — сказал Уолтер. — Не хочу красть у вас даже толику внимания, сэр.

Давиду показалось, что он неискренен и почти явно разочарован. Но подмазать этого Карпати было верным ходом. Так или иначе, эту славу было не отнять.

— Уолтер, — сказал Карпати. — А что у нас с БНМС?

Мун явно удивился.

— Сэр, блюстители нравов давно вне-дрены. Я получаю рапорты каждый день. Сухайл, насколько я знаю, тоже полагается на их разведданные.

Карпати был явно раздражен.

— Мистер Мун, вы ведь уловили мой намек, когда я говорил о мобилизации мощных сил из каждого народа и каждого племени, которые бы...

— Конечно, потентат! Я работаю с шефом Акбаром над...

— Ушам своим не верю! Вы не поняли! Уолтер, я хочу, чтобы меня окружали люди, которые понимают меня на лету!

— Простите, ваше святейшество. Я...

— Несмотря на все Леоновы недостатки и придури, это тот человек, который остается подле меня, предупреждает мои потребности, желания и планы. Вам изв...

— Именно таким подчиненным я хотел бы ст...

— Не перебивайте меня, будьте любезны!

— Прошу прощения.

— Вам известно, где Леон сейчас?

— Я слышал, он вылетел в Соединенные Европейские...

— В Ватикане, Уолтер! Он созвал правителей десяти регионов и попросил каждого привезти с собой самого доверенного и преданного духовного лидера, чтобы собрать их в бывшей великой твердыне христианства.

— Я не пони...

— Разумеется! Пошевелите мозгами! В этот самый момент я вижу, как преподобный Фортунато стоит на коленях в Сикстинской капелле, а духовные отцы, служители карпатианства из каждого региона, возлагают на него руки и благословляют на великое служение.

— Мне жаль, что меня там нет, ваше святейшество.

— Вы мой шеф безопасности, и вы этого не знали?! Я готов сделать вас верховным командующим, но вам придется соответствовать этому посту!

— Сделаю все возможное!

— Леон позвонил мне на рассвете и с радостью сообщил, что приказал уничтожить все реликвии Ватикана. Каждую икону, каждый образчик искусства, посвященный этому беспомощному библейскому Богу. Среди правителей — и даже среди карпатианских отцов — нашлись те, кто предложил перевезти эти так называемые сокровища во дворец ради их исторической ценности. Исторической! Я никогда так не гордился Леоном. Прежде чем он вернется, в Ватикане не останется ни одного предмета, посвященного иному богу, чем тот, кого мои поданные могут лицезреть, слышать и осязать.

— Аминь, владыка! Вы воистину воскресли!

— Разумеется, и тому был свидетелем весь мир! Итак, когда я говорил о мобилизации, я имел в виду ядро моих самых преданных

войск — БНМС! Они уже вооружены — обеспечьте их поддержкой. Полной экипированной! Дайте им доступ к нашим боеприпасам: нравственность должна быть с кулаками! Их должны уважать, перед ними должны благоговеть, их должны бояться!

— Вы хотите, чтобы население боялось, сэр?

— Уолтер, меня не следует бояться тем, кто любит меня и поклоняется мне. Вы это знаете.

— Да, сэр.

— Но если мужчине, женщине, подростку или ребенку есть чего стыдиться при встрече с блестителем нравов — то да! Я хочу, чтобы они тряслись, как зайцы!

— Понимаю, ваше святейшество.

— Понимаете, Уолтер? Это важно.

— Полностью понимаю, сэр.

— Мне плевать, кого вы поставите шефом безопасности. Я хочу одного: чтобы вы лично отвечали за исполнение этого моего желания.

— Усиления БНМС.

— Преуменьшение века!

— Как насчет финансирования?

— Уолтер, вы отчитываетесь непосредственно передо мной. Я управляю политической, военной, духовной и экономической жизнью мира. Я владею бездонным морем ресурсов. Уверяю вас, на то, чтобы превратить БНМС в мощное и наводящее ужас чудовище, вы можете потратить больше одного ника.

— Да, сэр!

— Оттянитесь с этим! Получите удовольствие! Но не мешкайте. Мне нужен полный контингент войск — не меньше сотни тысяч полностью вооруженных бойцов — в Израиле, когда я вступлю туда с триумфом.

— Но, сэр, остались считаные дни.

— У нас что, нет людей?

— Есть.

— У нас что, нет оружия?

— Есть. Вы снимаете эмбарго на демонстрацию военной силы в виде танков, истребителей, бомбардировщиков и прочего?

— Вы начали схватывать, Уолтер. Я хочу подавить сопротивление в Израиле, прежде чем оно там зародится. От кого мне ждать протестов?

— Иегудайты и...

— Вы уже говорили, что они туда не сунутся. Будут поливать меня грязью в Интернете. От кого мне ждать сопротивления во плоти — в том же Иерусалиме? Мои планы вам известны.

— Не вполне, сэр.

— Вы знаете достаточно, чтобы понять, кого это возмутил.

— Ортодоксы, сэр. Верующие иудеи.

Давид услышал скрип кресел: Карпати встал, и Мун поднялся следом.

— Скажите мне, Уолтер, насколько опасны для меня эти забавные человечки — с бородами, пейсами, в круглых шапочках, —

если им будут противостоять сотни тысяч тяжеловооруженных солдат, поклоняющихся мне и готовых защищать меня?

— Не особенно, ваше святейшество.

— Именно, что не особенно, Уолтер. Всего хорошего.

Уолтеру понадобится время, чтобы дойти до кабинета, решил Давид. А его задача — заговорить зубы Уолтеру, улестить старшего Вонга и как-нибудь избавиться от них, чтобы обсудить с Чанем план побега. Не снимая наушников, он готов был уже выключить компьютер, но вдруг услышал, как Карпати мычит себе под нос, а потом напевает что-то, будто сочиняет песню, по несколько раз переделывая каждую строчку. Давид замер и вслушался.

Подгоняя мотив под военный марш, Карпати тихо напевал:

Правь, Карпати, наш воскресший царь!
Правь, Карпати, над миром государь!
Ему преданы до смерти —
Всемогущему Кар-па-ти!

* * *

В Чикаго близилась полночь. Не спали только Рэйфорд и Цион. Все ждали возвращения Бизона и Альби с новой сестрой — Минь Той. Хлоя и Лия просили разбудить их, когда прилетит вертолет.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Цион весь день работал над новым посланием.

— Хочу отослать его, — сказал он Рэйфорду. — Но я был бы рад, если бы вы посмотрели. Это интересное исследование, но не для начинающих. К нам присоединяются тысячи людей каждый день, но мне кажется, стоит подумать и о том, чтобы перевести более зрелых верующих на, так сказать, твердую пищу. Возможно, придет день, и кто-нибудь, как и Хаим, начнет учить вновь прибывших.

Рэйфорд с радостью взял в руки распечатку: увидеть первым то, что вскоре будут жадно читать миллиарды, было для него большой честью.

Дорогие братья во Христе!

Из ваших писем мне удалось выделить несколько вопросов об определенных фрагментах Писания и определенных сторонах христианского вероучения. Один из них я хотел бы обсудить сегодня. Я нескованно рад вашей пытливости, вашей жажде рasti в вере. Если вы уповаете на Христа и на спасение благодатью через веру, то вы истинно святые Скорби.

Но, хотя все мы радуемся новой жизни, которую даровал нам Бог, нашему духовному обновлению, несомненно, мрачная реальность наводит нас на грустные мысли.

Дни наши сочтены, и сегодня это ясно, как никогда.

Я понял, что многие из вас превыше всего мечтают дожить до Пришествия во славе. Разделяю это ваше желание, но прошу: помните, что это не самоцель. Апостол Павел писал: «Жизнь — Христос, и смерть — приобретение». Да, было бы несказанной радостью увидеть, как Господь наш Христос возвращается на землю во славе Своей и устанавливает тысячелетнее царство. Но мне кажется, я смог бы смириться, будь я призван на небеса раньше и увидь все оттуда.

Возлюбленные братья, главная наша цель сейчас — даже не препятствовать козням Антихриста, хотя я прилагаю усилия к этому каждый день. Да, я готов проклинать и обличать его, приводить его в бешенство, мешать его планам и устремлениям, а стремиться он к одному: возвысить себя, добиться поклонения себе и нести смерть и разрушение тем, кто иначе мог бы стать святым Скорби.

Итак, сколь благородной ни была бы борьба с нечистым, главное, что мы можем сделать в нашем служении, — это вести к вере сомневающихся. Каждый день может стать для нас последним, каждый день нас могут схватить и потащить в центр верности, где нас ждет смерть во имя Господне, а потому мы не можем мешкать.

Многие пишут мне о своем страхе, о том, что не чувствуют в себе решимости предпочтеть смерть жизни у подножия гильотины.

Я такой же, как и вы, паломник на пути веры, и мне тоже трудно это понять. Моя плоть слаба, я хочу жить. Я боюсь смерти, а еще больше боюсь умирания. От одной мысли о том, чтобы лишиться головы, мое тело так же содрогается, как и у любого человека. В своем самом жутком кошмаре я вижу, как стою перед солдатами МС slabой содрогающейся тварью, которая способна лишь молить о пощаде. Я вижу, как разбиваю сердце Господа, предавая Его. Ужасная картина!

В этом кошмаре я не выдерживаю ни спасенного испытания и принимаю знак верности, который, как все мы знаем, есть проклятый знак зверя, — только потому, что я так дорожу своей жизнью.

Вы этого сейчас боитесь, друзья? Пока вы прячетесь и умудряетесь выжить, все в порядке, но вас терзает страх, что однажды вас поймают и заставят выбирать: публично признать свою веру или отречься от Господа?

У меня для вас хорошая новость, которую, как я уже сказал, сложно понять даже мне, пусть мне и было уготовано стать вашим пастырем и открывать вам Слово Божие. Библия гласит, что печать верного, дарованная Господом, — это такой же единственный и окончательный выбор, как и знак преданности Антихристу. Иными словами, выбрав Христа и печать верного, вы уже не сможете передумать!

Это говорит мне, что, когда мы представим перед последним испытанием, Господь

чудесным образом превозможет нашу злобную, эгоистичную и слабую плоть и наделит нас благодатью и мужеством принять верное решение вопреки собственным страхам. Иными словами, мы неспособны отречься от Иисуса. Неспособны даже выбрать знак, чтобы временно продлить себе жизнь.

Разве это не прекрасная мысль? Для меня во плоти совершить этот подвиг так же невозможно, как переплыть Тихий океан. Я слышал истории о христианах, которых принуждали отречься от веры под дулом пистолета, но они умирали, не колеблясь в вере. Я никогда не видел подобной силы в себе.

С моего прошлого послания я узнал о человеке, который предстал перед испытанием одним из первых. У нас нет рассказа свидетелей, мы не знаем, как разворачивались события, но мне известно, что из всех бывших там (место я, конечно же, опущу) он был единственным, кто отказался от знака. Зная, что его ждет, он предпочел умереть, но не отречься от Иисуса Христа.

Мое сердце разрывает боль за его близких. Какой страшный образ витает над их утратой! Но как радостно понимать, что Бог был верен Своему чаду и был с ним в самый темный час его жизни! Ныне же наш брат стал одним из мучеников у алтаря Господня, и одежды его белы как снег.

Сейчас, когда ложь Антихриста и его лжепророка распространяется по всему миру, когда миллионы людей вынуждены

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

поклониться сатане или умереть, утешением нам станут строки из Откровения. В стихе 4 главы 20 он описывает свое видение:

«И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет».

Ваши любимые, встретившие свой конец, который в мире сем назовут бесславным и кровавым, вернутся со Христом в Его Пришествие! Они оживут и будут править с Ним тысячу лет! Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу!

А мы с вами, друзья, удостоимся ли такой чести?

Вот что гласит Откровение (14: 12—13):

«Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса. И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними».

Что же ждет тех, кто заработает недолгое расположение владыки мира сего? Что будет с теми, кто избежит гильотины ради того, что кажется жизнью в довольстве? Как вдохновляющи строки Писания о святых, омытых кровью Агнца, так страшно будущее избравших иной путь. В стихах 9—11 14-й главы Иоанн приводит слова ангела:

«Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его».

Не надо быть ученым-богословом, чтобы понять, что это значит.

Позвольте теперь мне, драгоценные братья и сестры, объяснить некоторые отрывки из Библии, вызвавшие у вас вопросы.

Итак, в Псалтыри псалмопевец молит Бога о своих врагах:

Пс. 68: 29: «Да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся».

Исх. 32: 33: «Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей».

У многих слова эти вызвали страх потерять спасение. Но я считаю, что здесь говорится о Книге Отца, куда вписаны имена всех созданных Им людей.

Новый Завет говорит нам о Книге Жизни Агнца, а нам известно, что Агнец — это Иисус, ибо о нем говорит Иоанн Креститель (Ин. 1: 29): «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира».

Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, а значит, в Книгу Жизни Агнца

внесены имена тех, кто принял Его дар жизни вечной.

Главное различие между этими книгами — в том, что имя человека может быть изглажено из Книги Жизни, но в Откровении (3: 5) Иисус обещает нам: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Еgo».

Победители, о которых здесь говорится, — это праведники, одетые в белые одежды самим Христом, обетовавшим, что имена их не будут изглажены из Книги Жизни Агнца.

Для меня Книга Жизни Агнца — это образ милосердия Божьего. Любя нас и ожидая нашего спасения, Он вписывает наши имена в эту книгу. Если человек умирает, не веря в Христа Спасителя, его имя исчезает из Книги, потому что его уже нет среди живых. Но поверившие Христу занесены в Книгу Жизни Агнца, и когда они умрут, то души их останутся жить и никогда не исчезнут.

Рэйфорд признал, что и сам беспокоился, что ответит, если придется встать перед гильотиной. Он старался хранить верность Тому, Кто умер за него, хотел снова встретиться с родными. Но, если он окажется труском, отвернется ли от него Бог?

— Это послание вдохновит и утешит миллионы, — сказал он. — Оно точно помогло мне. Я бы не стал менять ни слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Давид не находил себе места. Как ему привернуть этот трюк? Может, показать, что Чань ему в отделе не нужен? Поверят ли? Он встал и начал расхаживать по комнате, поправляя галстук и застегивая пиджак.

Когда Мун и оба Вонга наконец пришли, Давида поразил внешний вид Чаня: худощавый подросток был одет в штаны-хаки, простую рубашку и куртку, застегнутую до подбородка. На голове у него красовалась красная бейсболка, надвинутая на лоб по самые брови. Он явно сердился и прятал глаза от Давида.

Мун и мистер Вонг смеялись и громко болтали.

— Видели такой испуганный мальчик? — говорил Вонг.

— Не думаю!

Тиффани ввела гостей, Давид поприветствовал их: сначала Уолтера, потом мистера Вонга, который сказал:

— Чан, сними шапку!

Впервые с похорон Карпати Давид увидел, как Чань игнорирует слова отца. Вонг-старший перестал улыбаться, покраснел, потом изобразил улыбку и сжал руку Давида.

— Заставили снять шапка для фото!

Мун засмеялся, явно вспомнив что-то.

Давид протянул руку Чаню, тот продолжал смотреть в пол.

— Позми луки с босс, Чань! — взорвался Вон.

Мальчик вяло протянул руку — Давиду показалось, что он сжимает не ладонь, а дохлую рыбину. На щеке Чаня, кажется, виднелся след от слезы. Может, это и к лучшему. Если через несколько дней он вытащит мальчишку отсюда, то лучше им пока не демонстрировать особой симпатии друг к другу.

— Он воскрес! — сказал Мун.

— Воистину воскрес! — отзовались Вонг и Давид.

Давид вздрогнул, услышав, как Чань бормочет:

— Христос воистину воскрес.

Мальчишка, видимо, считал свою выходку мужеством праведника, но для Давида это было просто ребячество. К счастью, больше его никто, видимо, не услышал.

— Пожалуйста, садитесь, господа, — сказал он. — Я хотел поговорить с кандидатом

наедине, но, возможно, то, что вы здесь, даже к лучшему. Директор Мун, мистер Вонг, я изучал инструкцию по набору персонала и, увы, не вижу способа обойти пункт о возрасте.

— Пункет? — воскликнул мистер Вон. — Какой пункет?!

— Вот и ладно. — Чань встал.

— Сиди! Соблюдай манелы! Ты гость и собеседование!

Чань плюхнулся назад, сгорбился и скрестил ноги.

Мун отмахнулся от слов Давида.

— Его святейшество решил в этом случае сделать исключение и...

— Но правила не знают исключений.

— Давид, — медленно начал Уолтер — и Давид вспомнил, как Карпати говорил с са-мим Муном. — Его святейшество — и есть правила. Если он считает, что этот молодой человек, его интеллект и знание компьютерных технологий будут полезны для Мирового Сообщества, значит, это дело решенное.

Давид вдохнул, чтобы возразить, но Мун продолжал:

— Вам известно, что потентат Карпати уже позволил Чаню закончить выпускной класс здесь, и, конечно, он пройдет здесь курсы колледжа.

— Мне казалось, что местная школа — для детей сотрудников, — попытался возразить Давид.

— Не думаю, что учителям важно, чьих детей они учат. Давид, скажите мистеру Вонгу, что, по-вашему, лучше всего подойдет Чаню.

Вонг подался вперед в предвкушении.

«Приехали...» — подумалось Давиду.

— По-моему, ему лучше всего подойдет закончить школу в Китае и начать карьеру где угодно, только не здесь.

Улыбка исчезла с лица Вонга. Он повернулся к Уолтеру:

— Что?

— Давид! — сказал Мун. — Что за...

— Да вы посмотрите на него! — сказал Давид, и все трое посмотрели на Чаня. Тот по-прежнему не поднимал головы и не вынимал рук из карманов.

— Сядь плямо! Ты мой позор!

Чань вяло пошевелился, чуть приподнял подбородок, но остался воплощением дерзости. Отец потянулся дернуть его за плечо, но Чань отшатнулся. Вонг сердито смерил сына взглядом.

— Он же не хочет тут работать, — сказал Давид. — Он еще незрелый юнец, он просто не готов. Я не сомневаюсь в его способностях и его потенциале, но пусть он изжигает свои подростковые комплексы не за наш счет.

— Ну-ну, не стоит торопиться, Давид, — сказал Мун. — Мальчик только что пережил травму. Он был напуган, но выдержал, и теперь ему немного не по себе.

— М-да? — Давид дернул головой, будто пытаясь оценить оправдание.

— Да, — сказал мистер Вонг. — Он ластлоен. Боялся иглы. Не хотел укол. Плакал.

Хотел бежать, мы его делжали. Скажет спасибо потом. Может, завтла.

— И зачем ему делали укол?

— Биочип! — гордо объявил Вонг. — Первый его получил, понятно?

Он потянулся к бейсболке Чаня, но мальчик встал и повернулся к отцу спиной. Давид изо всех сил старался сохранять спокойствие.

— Когда? — выдавил он. — Как?

— Этим утром, — ответил Уолтер. — Я надеялся, что в центре все готово, прихватил фотографа с собой. Но пришлось подождать. Там увидели, что подводят меня, быстро протестировали образец и сделали инъекцию. В этом центре она первая. Правда, боюсь, фото вышло не очень удачное: мальчик был таким же хмурым, как сейчас.

— Ну... Это... это...

— Это что-то, да? — подхватил Мун. — Думаю, мальчик рад, что все уже позади. И в глубине души понимает, что бояться было нечего, это же не больно.

— Я голд! Сын будет голд, вы увидите! Но он готов лаборатория сейчас! Возласт — это не пункт. Школа — это не пункт. Это место для него!

— Возможно, — глухо ответил Давид. Что он скажет Минь теперь? — Но не в моем отделе.

— Ну это же смешно, Давид. Мы просто объяснили, почему он так себя ведет. Мы оба знаем: лучшего места ему не найти.

— Ну так забирайте его себе. Мне он не нужен. У меня нет ни сил, ни желания завоевывать авторитет у подростка.

— А я вполне готов забрать его, Давид. С этим парнишкой любой начальник будет казаться гением, так почему бы не я.

Давид встал и распостер объятия.

— Рад был снова встретиться, спасибо, что пришли.

Чань начал вставать, но отец остановил его и посмотрел на Уолтера.

— Сядьте, Давид, — сказал Мун. — Да-вайте мы оставим вас с Чанем на несколько минут. Возможно, он вас переубедит.

— Во всех Соединенных Штатах Азии не найдется столько цветов и конфет.

— Узнайте, что его беспокоит. Если это просто травма от процедуры, то он заслуживает второго шанса. Что скажете?

— Подозреваю, если я откажусь, вы побежите к потентату?

Мун встал и жестом пригласил Давида сделать то же. Перегнувшись через стол, он выдохнул ему в ухо:

— Нам не стоит вести себя так при посторонних, особенно в присутствии такого ярого сторонника Мирового Сообщества, как мистер Вонг. Как только я буду наверху, там все узнают. Вы знаете, что Карп... его святейшество хочет взять мальчишку в штат. Так выполняйте указание!

Он выпрямился и обернулся к Вонгу:

— Давайте дадим им познакомиться.

Уходя, Вонг объявил сыну:

— Хочу тобой голодиться. Или ты знаешь!
Чань не ответил.

Как только дверь закрылась, Чань пересел в кресло напротив Давида и снова принял свою вызывающую позу. Давид облокотился о стол, опустил подбородок на ладонь и начал смотреть на мальчика. Тот по-прежнему прятал глаза. Не поднимая взгляда, Чань проговорил:

— Шторы за мной открыты?

— Да.

— Закройте.

— Это подаст неверный сигнал, Чань. Если они следят, пусть видят, что я от тебя не в восторге. Что в данный момент чистая правда.

— Они за дверью?

— Да.

— Тогда закройте или скажите, когда они уйдут.

— Уходят.

— Ладно, тогда подождите, пока они не скроются из вида, а потом закройте шторы. Так вы им сигнала не пошлете, а я буду спокоен, что больше никто не придет на нас глязеть. Включая вашу секретаршу.

— Помощницу.

— Не важно. Тиффани, да?

— Ты наблюдателен.

— Я ничего не пропускаю. В частности, того, что она не из верных.

— Я работаю над этим.

Невообразимо, но Чань не менял позы. Он по-прежнему пялился в пол, как ершистый подросток.

— Вы не можете ей довериться, потому что боитесь, что она вас выдаст.

— Ты прав.

— Закройте шторы, пожалуйста.

— Сначала расскажи, что ты такое задумал.

— Я подожду, — сказал Чань.

Давид встал, закрыл шторы и вернулся за стол.

— Что мне надо было делать, сынок? Я не знал...

Чань выпрямился.

— Не называйте меня «сынок», ненавижу это слово! — Он сорвал бейсболку. — Смотрите! Смотрите, что они со мной сделали!

Давид взгляделся в знак верности — он впервые видел его воочию.

— Странно... — произнес он.

— Скажите что-нибудь новое, а?

— Нет, я о другом. Верные ведь видят по-другому, мы можем видеть обе печати. И печать Господа по-прежнему здесь, Чань. — Давид не мог отвести взгляд от маленькой черной татуировки с номером 30 и короткого розового шрама рядом. Через пару дней шрам потемнеет и станет почти незаметным. — Ни-как не разберусь, что значат эти префиксы.

— Вы серьезно?

— Конечно.

— Только не говорите, что вы даже не сообразили, почему Карпати так тащится от числа 216.

— Ну, это-то просто, — сказал Давид. — Намек прозрачен.

— А там та же логика. Десять регионов — субпотенций, или как их там Карпати называет. Мы-то знаем, что это царства. Десять префиксов — все связаны с Карпати. То, что один из них — 216, — это же первая подсказка.

— Не говори, Чан, я сам догадаюсь.

— Да теперь уже пора бы.

— Ладно, погоди. Не знаю, как я мог это предотвратить. Твои фокусы не помогли, твоя сестра меня убьет. И если ты так же хочешь сбежать, как Минь хочет тебя вытащить и как мы четверо хотим смыться, то я не понимаю, чем нам это может помочь.

— Можете себе представить? Мун и отец решили, что я симулировал припадок, потому что боюсь уколов!

— Хорошо, хоть не заорал на весь Вавилон, что ты верующий.

— А кто я теперь, Хассид?

— Ты не любишь слово «сынок», так? Не называй меня «Хассид».

— Извините. А как лучше?

— Пока мы тут, мистер Хассид или директор Хассид. Когда сбежим — сойдет мистер или брат.

— Говорите, как старикан.

— Это потому, что ты сопляк. А что до твоих печатей — ну, ты явно попадаешь в особую категорию.

— Но доктор Бен-Иегуда столько писал про выбор между Божьей печатью и знаком зверя. Я выбрал, у меня теперь обе. И что?

Давид покачал головой. Чань вздернул подбородок и поджал губы.

— На самом деле я-то знаю, мистер Хас-сид. Я вас проверяю. Вы что, не такой умный, как про вас рассказывают, или вы просто не выспались? Про префиксы не поняли, про...

— Во-первых, я не такой умный, как они думают, но тебя могу удивить.

— Я не пытаюсь вам хамить, сэр. Правда. Просто странно, что до вас так медленно доходит.

— Я месяцами не вылезаю из стресса, особенно последнюю пару недель.

— Да. Мне жаль вашу... вы были обручены? Она была ваша невеста?

— Тайно. Да. Спасибо.

— Ну, это кого угодно выбьет из колеи. Это понятно.

— Итак, ты переживаешь из-за знака, но уже во всем разобрался?

Чань откинулся в кресле и скрестил ноги.

— Вы ведь лично знаете Бен-Иегуду, так?

— Мы не встречались, но вместе работаем.

— У вас есть его телефон?

— Разумеется.

— Ну, вы могли бы ему позвонить и подтвердить, или дайте мне номер, я сам с ним поговорю...

— Не думаю.

— Угу, честный ответ. Ладно, тогда вы ему позвоните и спросите, прав я или нет. Я верующий. Это не изменилось. В Библии

говорится, что нас ничего не может отлучить от Христовой любви, а раз ничто, то и мы сами. И Бог говорит, что никто не похитит нас из руки Его. Я этот знак не выбирал, мне его поставили насилино. Значит, ничего плохого, а сплошная выгода.

— Тогда зачем было устраивать истерику?

— Ну, я же на все могу сразу сообразить. Я точно не хотел эту метку. Я пытался придумать, как ее избежать, пока они меня не схватили. Мне это не нравится, но сделанного не воротишь, а кто-то сообразительный вроде вас мог бы и разглядеть тут преимущества.

— Просвети же меня, о мудрейший!

— Издевайтесь-издевайтесь. Все равно мне не стоило вам ничего говорить.

Давид встал, обошел стол и уселся на него — вплотную к Чаню.

— Ладно, слушай. Всем уже понятно, что ты мегамозг, супервундеркинд и все такое. Я слышал, что ты еще и Библию чуть ли не наизусть знаешь, что тоже кое о чем говорит, учивая, что таскать книгу с собой тебе было рискованно. В Сети читал?

Чань кивнул.

— Мне плевать, кто тут самый умный, — продолжил Давид. — Так было не всегда, в твоем возрасте я только и делал, что поражал людей постарше своим интеллектом. И мне было важно не просто их побить, а еще и дать понять, кто тут на самом деле царь горы. Хочешь, чтобы я ползал на коленях и ноги тебе

целовал? Не вопрос. Ты — лучший. Ты умнее меня. По сравнению с тобой я тупой ремесленник. Ты это хотел услышать? Меня не тревожит, что ты меня опережаешь на пару шагов. Абсолютно. Что меня тревожит — так это то, что ты думаешь, что я тревожусь. Потому что это значит, что ты на моем месте тревожился бы. И вот тогда я начинаю защищаться и доказывать, что меня это не тревожит, а это явный признак того, что все как раз наоборот. Улавливаешь?

Чань улыбнулся.

— Ага, я понял.

— Так просвети же меня и прекрати тыкать мне в нос своими мозгами. Что ты хочешь делать с этим твоим «преимуществом», с этой двойной верностью — назовем это так. И как тебе в этом поможет показной конфликт со мной?

— Спасибо, что спросили. Можно я начну сначала?

Давид кивнул.

— Ну, во-первых, мне нравится термин: двойная верность. Так ведь и выглядит со стороны. Эта дрянь у меня на лбу многих верующих смущает. Они могут решить, что печать у меня поддельная, потому что знак зверя подделать невозможно. Придется их убеждать, и я на их месте ни за что бы им не поверил. А вот лоялисты Карпати — они же Божью печать не видят, видят только знак. И у них нет причин принимать его за что-то другое. Значит, я могу жить среди них, поку-

пать и продавать, ездить куда хочу, даже работать тут. Не вызывая подозрений и, если буду осторожен, не рискуя.

— Чань, ты хорошо соображаешь, но вот последняя твоя идея — это ребячество.

Чань подумал, потом кивнул.

— Может быть. Жаль, что рядом не будет старшего товарища вроде вас, который сдерживал бы мои юношеские порывы.

— Я начинаю чувствовать себя древним старицом.

— А вы он и есть, директор. Вспомните, сколько вам жить осталось.

— Смешно.

— Вопрос в том, как вам с друзьями отсюда выбраться и как мне получить ваше место.

— Ты его не получишь.

— Я могу делать вашу работу.

— Может быть, но даже Карпати не настолько авантюрист, чтобы предложить ее тебе. Начнешь с низов, и у меня есть мысль, кто займет мое место. Тебе придется работать на него.

— Жаль, если так.

— Так, так. Ты же умный, прояви толику здравого смысла. Они не посадят подростка в кресло директора. Просто не посадят, и все. Сам посуди. Я сейчас самый молодой из директоров, следующий по возрасту старше меня на восемь лет.

— Поздравляю.

— Не в том дело. Если ты хочешь оставаться здесь «кротом» и превзойти меня на этом

поприще, то тебе нужна стратегия. Не разбрасывайся. Делай то, что можешь.

— И что это, по-вашему?

— Я могу научить тебя всему, что знаю, прежде чем скроюсь.

Чань не сдержал улыбку.

— Что? — спросил Давид. — Давай, я же вижу, что тебе не терпится.

— Просто подумал, что на то, чтобы выучить все, что вы знаете, много времени не надо. Шутка! Не обижайтесь.

— Искрометный юмор. Ну, учитывая мои ограниченные способности, возможно, тебя удивит, сколько я успел тут сделать и сколько полезного у меня под рукой. Что меня беспокоит — это то, что удаленный доступ к этому богатству будет работать до следующей смены системы.

— Теперь можете не беспокоиться, — сказал Чань.

— Почему?

— Потому что тут буду я.

— Но ты не будешь директором. От тебя не будет зависеть, оставят они старую систему или выберут новую — и какую.

— Зато я смогу подогнать ваши устройства под новую систему.

— Может быть.

— Точно.

Давид прикрыл рот рукой и начал размышлять. Почему он сразу не подумал о такой возможности?

— Твоя уверенность одновременно и внушает надежду, и пугает.

— Вообще-то она большей частью фальшивая, сэр.

— Да?

— Конечно. Все, что я тут изображал, — это игра. Ну, по вашим мозолям я прошелся — это я просто щутил. Хотел показать, как я себя буду тут подавать. Немного иронично, немногого снисходительно. Буду подкальывать людей. Думаете, им придет в голову, что я иегудаит?

— Я все гадаю, Чань, что же у тебя внутри.

— В каком смысле?

— В духовном. Твоя сестра — солдат. Тюремная охранница.

— Она меня одной левой побьет.

— Но она вся светится одухотворенностью, смирением. Она настоящая христианка.

— Только не с заключенными.

— Согласен. А как насчет тебя, Чань? Ты знаешь, кем являешься, а кем — нет? Понимаешь глубину своего падения? Понимаешь, что Бог спас тебя от смерти во грехе?

Чан кивнул, не отводя глаз:

— Знаю. Мне бы стоило чаще вспоминать об этом, больше думать о душе, но да, я знаю. И спасибо вам за то, что напомнили.

— Ладно. У меня есть план.

— Это радует. У меня тоже. Но у меня было больше времени на обдумывание, так что начинайте вы первый.

— Я начну, потому что я старше, выше по званию и ты у меня на собеседовании. Ты, между прочим, тут даже еще не работаешь.

— Я вам уступаю. Мой план все равно лучше, так что начинайте... Шучу!

— Продолжай вести себя так на людях и при отце, но не сразу. Нужно, чтобы он решил, что ты хотя бы не против тут работать. Не изображай, будто ты от меня в восторге.

— Это будет нетрудно.

— Так!

— Я слушаю.

— Надеюсь. Тебе нужно неохотно прийти к заключению, что ты все-таки хочешь тут работать и что этот отдел — самое подходящее место, чтобы приложить твои способности, хоть ты от него и не в восторге. Не рвись в бой. Они без ума от твоих талантов — пусть продолжают в том же духе. Пусть поуговаривают тебя. Я не буду изображать больше восторга, чем при Муне, и назначу тебя в помощники парню, который, скорее всего, сменит меня. После рабочего дня мы будем связываться — в основном по телефону и электронной почте, — и я покажу тебе, что я тут устроил. Днем ты работаешь с ним. Не нарывайся на конфликт — ты скоро станешь его правой рукой. Следи, чтобы не затмевать его, тебе невыгодно быть суперзвездой. Пусть он тебе доверяет — и не замечает. Так ты принесешь нашему делу больше пользы. Логично?

— Это вы все прямо сейчас придумали?

— Не начинай снова!

— Я серьезно. Ровно то, что и я хотел предложить. И я ничего так не хочу, как использовать любой дар, что мне дал Господь, на

Начертание

пользу, как вы сказали, нашему делу. А меня примут в отряд Скорби? Или для этого надо жить в убежище?

— Меня они считают членом отряда. Тут нервный узел всей системы, они зависят от того, что мы тут делаем. Мы даем им поддержку, чтобы они могли путешествовать и проникать в стан врага.

— Значит, они меня скоро примут.

— Думаю, так.

— Можно я пожму вам руку, пока никто не видит? — Давид протянул руку, и Чань крепко сжал ее. — Вы не принимайте меня слишком всерьез, мне просто нравится дурить людям головы.

— Думаю, тут у тебя мало достойных соперников, — сказал Давид.

— Ну, вы точно один из них.

— Сейчас я тебя отпущу. Ничего не делай, ничего не говори. Пусть спросят, что я решил, тогда я неохотно скажу, что найду тебе работу, если они настаивают. Так мы сохраним дистанцию.

— И когда вы исчезните, они не заподозрят, что я как-то с этим связан.

— Вроде того. Но вообще-то...

— Извините, мистер Хассид, а вы не думали обставить ваше исчезновение так, чтобы никто не решил, будто вы бежите от знака?

Давид покачал головой.

— Найдется еще пара минут?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

За неделю до разрекламированного триумфального входа Николае Карпати в Иерусалим Рэйфорд Стил созвал вечернее собрание отряда Скорби в лифтовом холле башни Стронга.

Смерть греческого пастора, с которым он так и не успел толком познакомиться, и несчастной госпожи Ласлос ударила по нему сильнее, чем он старался показывать. Надо было держаться: если Бог хочет, чтобы он был лидером, он исполнит свой долг. Пока остальные рассаживались, Рэйфорд пролистал потрепанный блокнот и прокашлялся. Он не думал, что эмоции и волнение захлестнут его настолько, что это подорвет его авторитет, но голос командира не должен дрожать.

В башне их было одиннадцать, включая Рэйфорда, Бизона и Хлою, вступивших в отряд с самого его основания, — и Кенни

Брюса. Остальные — в порядке вступления: Цион, Лия, Альби, Хаим, Хэтти и Минь.

— Нам важно помнить тех братьев и сестер, что далеко от нас, — сказал Рэйфорд. — В Греции остался только Ласлос, в Новом Вавилоне — Давид, Мак, Абдулла, Ханна Пэйлмун и Чань Вонг. Возможно, мы встретимся раньше, чем предполагаем. Пока же я благодарен Господу за каждого члена нашей большой семьи.

Он попросил Циона произнести молитву, и все в холле, не сговариваясь, встали или преклонили колени.

— Отче наш, мы приходим к Тебе — слабые, ранимые и измученные. Столь многие из нас понесли тяжкие потери, и все же мы благодарны Тебе за Твою благодать и за Твое милосердие. Мы воспеваем Твою любовь и Твою доброту, и молимся Тебе за всех наших братьев и сестер, и просим: пребудь с нами, когда через семь дней мы отправимся совершать предписанное Тобой.

Нас утешает знание, что Ты любишь наших близких даже больше, чем мы сами. Мы уповаляем узреть Тебя воочию и молим Тебя: даруй нам радость привести к Тебе многих и многих.

Во имя Господа нашего Иисуса Христа,
Аминь.

Все расселись по местам, и Рэйфорд продолжил:

— У меня есть задания для всех. Во время операции «Орел» в башне останутся пятеро:

Хлоя с Кенни, Минь, Зики и Цион. Минь в будущем хотелось бы использовать активнее, но пока что она числится в самовольной отлучке из карательных служб МС и ей лучше не рисковать. Ее внешность даже Зики будет непросто изменить.

Мы с Альби завтра берем истребитель и «гольфстрим» и летим в Негев — в Мицпе-Рамон. Там мы проверим, как идут дела со вспомогательным аэродромом и точкой дозаправки. Бизон и Хаим летят в Иерусалим коммерческим рейсом — под маскировкой и вымышленными именами. Хаим остановится в отеле «Царь Давид» и готовится встретить Карпати, когда тот въедет в город. Бизон едет в Тель-Авив и возвращается к приезду Карпати.

Хэтти и Лия летят коммерческим рейсом в Тель-Авив. Там они организуют добровольцев на машине, которые будут вывозить верных из Иерусалима в Негев, когда понадобится. Они отследят прибытие Карпати, Хэтти вместе с Бизоном посмотрят на авиа-шоу, которое устроят Карпати наши друзья из Нового Вавилона, и присоединятся к свите Карпати по пути в Иерусалим.

Лия возьмет машину и подберет в Иордании нашу вавилонскую четверку в аэропорт «Королева Алия» — сейчас он называется «Воскресение». Она привезет их в Мицпе-Рамон, потом мы с Альби перебросим их в Америку. Вопросы есть?

— Не больше тысячи, — поднял руку Хаим. — Но не пора ли моему учителю проявить-

таки уважение к старшим и сказать наконец, где находится убежище евреев?

Цион улыбнулся и посмотрел на Рэйфорда.

— Скоро все узнают, куда направятся беглецы после Негева. Да, Хаим, вы столько трудились последнее время, что заслужили право знать, куда поведете свой народ. Это город, знакомый вам с детства. Вы, без сомнения, слышали множество историй о нем, и я не удивлюсь, если вы бывали там с экскурсией. Это один из знаменитейших древних городов Востока. Некоторые называют его Город красной розы.

Глаза Хaimа загорелись.

— Петра! — воскликнул он. — Земля древнего Эдема!

— Она самая, — сказал Цион.

— Как я не догадался! Даже нам будет трудно попасть туда, что уж говорить об армии преследователей.

— Вообще-то, Хаим, Бог не допустит туда врагов. Он уготовил им особые препоны, которых не видел мир со времен первого Исхода. Скажите, вы бывали в Петре?

— Два раза, еще мальчишкой. Но помню до сих пор. Цион, это гениально!

— Еще бы. Я согласен с бесчисленными учеными, которые пишут, что Бог определил ее предназначение с самого начала.

* * *

Труднее всего для Давида было планировать побег четверки без возможности встре-

тится с Ханной. Видеть Мака и Абдуллу было проще: они числились у него в подчинении. И хотя Давиду и приходилось осторожничать и играть на публику, он провел некоторое время с Чанем, не изображая недовольного босса. Больше всего ему хотелось собрать всех четверых и как следует проработать всю схему, но приходилось обходиться звонками и электронными письмами по закрытым каналам.

Чаньправлялся лучше, чем ожидал Давид. Юность и импульсивность не мешали ему быть не только компьютерным гением, но и отличным актером. Его непосредственный начальник не мог нахваливаться на усердие мальчика. Когда супруги Вонг вернулись в Китай, Чаню предоставили постоянные комнаты, где они с Давидом установили компьютер с непробиваемой защитой, способный на все трюки, которые вытворяла машина самого Давида.

Теперь у отряда Скорби будет удаленный доступ ко всем системам, которые создал Давид, но главное — Чань будет отслеживать побег и держать электронную связь с Чикаго, чтобы весь отряд знал, как продвигается операция и кто где находится.

Ханна внесла несколько ценных практических предложений. Она напомнила, что нельзя брать с собой больше вещей, чем в обычную поездку на такой срок. «Противитесь искущению, — говорила она. — Захочется ведь прихватить вещей на всю остав-

шуюся жизнь». Ни малейшего намека на окончательный уход ни в квартире, ни на рабочем месте — надо оставить все так, будто уезжаешь на несколько дней. Из всех своих компьютеров Давид мог себе позволить забрать только ноутбук.

Каждый из четверки прошелся по списку: горсть мелочи и пара нераспечатанных писем на комоде, незаконченные дела, фотографии на стенах, разбросанные личные вещи. Может быть, даже оставить свет на кухне или включенное радио — и любовно приготовить на спинке стула любимую одежду. Списки дел на холодильнике и недоеденные продукты внутри.

Мак записался на прием у врача на второй день после предполагаемого приезда. Абдулла отправил в чистку два комплекта формы. На квитанции стоял день прилета. Давид распланировал встречи и совещания в отделе на всю неделю после возвращения, разослал списки вопросов на обсуждение «чуть позже, когда эта суматоха немного уляжется».

О назначении Уолтера Муна на пост верховного командующего объявили без особой помпы, и оно прошло почти незамеченным. Первый раз делая доклад новому начальнику, Давид неофициально поинтересовался, должен ли он пересмотреть свои планы относительно Израиля в связи со сменой руководства.

— И в чем состоят эти планы, директор Хассид?

— Мак и Абдулла пилотируют «Феникс-216» в Тель-Авив, где потентат Карпати и высокопоставленные лица откроют первый общегражданский центр верности. Как мы поняли, перед открытием там будут еще встречи, и это продлится дня два.

— Так. У его святейшества и преподобного Фортунато назначены встречи с субпотентатами и их религиозными лидерами.

— Тогда Мак и Абдулла успеют слетать сюда и вернуться на одном из «Квази-2». Они привезут молодую специалистку из медслужбы — у нее есть опыт обращения с биоинжекторами.

— Могу сразу сказать, Давид, я бы не стал ничего менять. Его святейшество гордится этим самолетом и с удовольствием продемонстрирует его публике.

— Мы подумали, может, Мак устроит небольшое авиашоу: пусть народ увидит, на что способна эта крошка.

— Потентату это понравится! — сказал Уолтер.

— Мне бы тоже понравилось... Не будет слишком накладно, если я к ним присоединюсь?

— Нисколько, летите вместе с ними.

— Мак на этой машине, как на скрипке играет. Они со вторым пилотом могут проделать все трюки, даже если на борту будем мы с медсестрой и груз оборудования для центра. Потом он посадит самолет и представит сестру и груз, пока народ выстроится в очередь.

— Отлично. Его святейшество запустит центр, и мы отправимся в Иерусалим. Там у него запланировано кое-что другое.

В день отбытия Мак и Абдулла поднялись до рассвета. Давид руководил погрузкой «Феникса-216», который должен был отвезти потентата и его свиту в Тель-Авив. Самой сложной задачей для недавно осиротевшей погрузочной команды стала огромная свинья, которую накануне вечером доставили из Багдада.

— А что, в Святой Земле свиней не нашлось? — поинтересовался верховный командующий Мун.

Молодой русский парень, который, с благословения Давида, сам себя назначил главным, ответил:

— Покойный мистер Хикман, мир его праху, затребовал самую большую и жирную. Вот это она и есть. Или он, уж не знаю.

Парень нравился Давиду, потому что неукоснительно следовал инструкции, и позже это пригодилось, когда Ханна отправила в ангар распоряжение начать загрузку «Квази-2». Теперь, когда она была передана в подчинение Давида на время работы в Израиле, они наконец-то могли встретиться в его кабинете, не вызывая подозрений.

— Сработало как часы, — сказала Ханна. — Смотри!

Она пустила по столу копию транспортной накладной. В графе особых помет была приписка от руки:

«Настоящим уведомляется, что временно исполняющий обязанности старшего по погрузочным работам неоднократно предпринимал решительные меры по убеждению мисс Пэйлмун в необходимости сокращения общей массы груза, однако по заверению последней, что распоряжение о загрузке исходит от директора Хассида, вышеупомянутый ВРИО старшего по погрузочным работам продолжает придерживаться мнения, что борт «Квази-2» перегружен не менее чем на 20%. Если настоящий документ не будет повторно заверен вышеупомянутым директором, погрузочная команда снимает с себя любую ответственность за сохранность груза и сохранение летных характеристик вышеупомянутого борта».

— Мне нравится такой расклад. — Давид расписался на документе. — Когда мы грохнемся, расследование остановится на нашем русском приятеле. Он станет скорбящим героем — как жаль, что к его мнению не прислушались, — и наверняка получит своего старшего по погрузке. Ну а мы вместе с самолетом на пару миллионов ников и партией груза окажемся жертвой человеческого фактора. Хассид ошибся, с кем не бывает.

— Я тобой горжусь! — Ханна торжественно пожала ему руку. — Кто еще мог бы угробить меня при первом же поручении.

Она улыбнулась, но осеклась, вспомнив о Давидовой утрате.

— Все в порядке, Ханна, — сказал он. — Я сам то и дело шучу о смерти, будто ничего не помню.

Ханна вздохнула.

— Но это правда гениальный план. Могу смело это сказать, потому что я к нему имела мало отношения.

— Я тоже, — сказал Давид. — Если он сработает, то благодаря Маку и Абдулле. И Мак говорил мне, если не самому Смитти, что лучшую часть плана разработал Абдулла.

Два дня спустя пилоты прогнали предполетные проверки, и Давид с Ханной забрались в «двойку». Русский суетился вокруг и тряс головой, стараясь переубедить хотя бы Мака с Абдуллой.

— Вон начальство сидит, — ответил Мак. — Наше дело подневольное: приказали — исполняй.

— Не забудьте это, когда самолет начнет падать!

— Да ну, если бы это был вопрос жизни и смерти, я бы заартачился, — сказал Мак.

— Я умываю руки! — заявил русский. — Летите себе на кладбище.

На самом деле Ханна слегка преувеличила в накладной вес груза. Перевязанные шпагатом коробки были большими и громоздкими, но груз был отлично сбалансирован и закреплен — так, чтобы Мак мог спокойно управлять машиной с земли.

Тяжелее, чем кажется, были пассажиры. Ханна еще раз напомнила всем, что на по-

верхность могут всплыть только их чемоданы с личными вещами, а потому у каждого было по запасному чемодану.

— Следите за руками! — Мак вывел блестящий самолет на полосу. На первом же развороте он разогнал самолет и заставил его сбиться с курса. — Парню будет о чем поворчать!

Разумеется, пока он ждал разрешения на взлет, диспетчер спросил, знает ли он про приписку к накладной.

— Перегрузка? Да, я в курсе, вышка, — ответил Мак. — Под нашу ответственность.

— Сами отмените взлет, если не разгонитесь.

— Так точно.

Разгоняясь по взлетно-посадочной полосе, Мак дал самолету вильнуть и получил от вышки еще одно предупреждение на взлете.

— Вас понял! — ответил он.

Он проложил курс на Тель-Авив, но, когда они оказались на равном расстоянии до официального пункта назначения и до аэропорта «Воскресение» в Иордании, он сообщил обеим вышкам, что совершил посадку в Иордании в качестве меры предосторожности.

— На всякий случай отправим часть груза наземным транспортом.

Лия с письменным распоряжением Давида выбралась к взлетной полосе на облупившемся фургончике. Она остановилась у левого грузового отсека, и пилоты с пассажирами помогли ей погрузить в машину пару

гильотин и полконтейнера биоинжекторов. Мак настроил автотормоза и автопилоты, и четверка заползла в фургон и легла на пол. Лия отъехала и спрятала машину между двумя ангарами, откуда Мак мог по-прежнему видеть самолет.

По переносной радиостанции Мак связался с вышкой, потом с удаленного доступа вырулил самолет на полосу и поднял в воздух. Когда «Квази» пропал из виду, Мак снова связался с диспетчером, специально глуша сигнал и предупредил, что, похоже, теряет связь — и не может ли вышка связаться с вышкой Бен-Гуриона и сообщить, что он прилетит по расписанию и по-прежнему собирается устроить шоу, а потом хорошо бы им сразу разрешить посадку.

— Может, стоило снять чуть больше груза, — добавил он. — Но это ничего, я справлюсь.

— Рекомендуем отменить шоу, — сказал диспетчер.

— Повторите.

— Рекомендуем отменить шоу и выполнить стандартный заход на посадку.

— Не слышу вас, вышка.

Вышка повторила совет, но Мак выключил радио. Лия выехала из аэропорта и отправилась вместе с четырьмя якобы жертвами в Мицпе-Рамон.

— Остается держать кулаки, — сказал Мак. — Эти «квази» чего только не выделяют на автопилоте, но лететь детке все-таки

долго. Я там дал ей пару советов, как избежать турбулентности.

— Кулаки? — переспросила Ханна. — Да нам только на Бога уповать приходится. Вы, конечно, эксперт, капитан МакКаллам, но если эта штука упадет не туда, то они быстро сообразят, что на борту никого не было.

Бизон и Хаим без приключений добрались до Израиля днем раньше и зарегистрировались в «Царе Давиде». Хаиму до сих пор было явно не по себе: в портфеле он таскал два комментария к Писанию. В своем наряде он походил на мудрого старого монаха, но Бизон сомневался, сможет ли стариk повести за собой людей.

С их первой встречи, когда Хаим давал интервью для «Глобал уикли», Бизона поразила его мягкость. Хаим говорил по-английски без ошибок, но с сильным акцентом. Но его блестящий ум, энергия и жажда жизни прятались под оболочкой сдержанного, интеллигентного пожилого профессора. Сможет ли эта оболочка завоевать внимание и авторитет, необходимые Моисею последних дней? Сможет ли щуплый и тихий старичок отвести народ Израиля и святых Скорби в обетованное убежище?

Ему придется бросить вызов владыке земному, противостоять войску Антихриста, лицом к лицу столкнуться с самим сатаной. Да, Хаиму хватило силы духа замыслить и осуществить убийство Карпати, но, как он

сам признавался, в то время он не знал, с кем имеет дело.

Свои сомнения Бизон держал при себе и продолжал молиться. В этом городе ему довелось пройти столько испытаний, что он уже попросту привык быть в первом ряду при сбывающихся пророчествах.

Приветствовать потентата в Бен-Гурионе, казалось, собралась вся страна. Все замерли в ожидании событий в Израиле. Открытие центра верности — это одно, а вот увидеть, как воскресший владыка возвращается в город, где был убит, — совсем другое.

Ходили слухи, что его святейшество окончательно утреет нос твердолобым иегудаитам, попирая ногами одно из самых святых для них мест — саму Вия Долороза. Что будет, никто и представить себе не мог. Появится ли оппозиция? Будут ли протесты? Большая часть израильтян будет приветствовать своего кумира и восхищаться его бесстрашием. Сможет ли Карпати занять место Того, Кому поклонялось множество верующих, — Иисуса, Которого теперь считали его предшественником?

А потом он обратится к миру с речью из восстановленного иерусалимского храма... Рискнет ли он оскорбить две враждебные ему группировки в один день? Ни для кого не было секретом, что христиане, мессианские евреи и ортодоксальные евреи — это последние оплоты антикарпатианства. Но разве сам Карпати и преподобный Фортунато не дока-

зали обретение потентатом божественной сущности через воскресение и другие чудеса? Одно дело — мифы и легенды из древних книг, а совсем другое — своими глазами видеть, как явный мертвец возвращается к жизни, а его ближайший помощник творит чудеса. Да, вот это настоящая современная религия!

* * *

Репортаж Бизона об основных событиях дня собрал огромное число читателей как из христиан, так и карпатиан, а рассказ о первых применениях аппаратов принуждения вызвал отклик по всему миру. В обоих репортажах он ссылался на анонимных свидетелей, чтобы никто не догадался, откуда произошла утечка информации. Бизон надеялся, что даже поклонников Карпати шокирует бесчеловечность происходящего.

Казалось, весь мир устремился в Святую Землю. Цион призвал явиться верных, Хлоя через кооператив собирала пилотов и водителей, а Фортунато в то же самое время подстегивал карпатиан праздновать отважное возвращение их кумира к месту насильственной смерти.

Гражданские власти Иерусалима ухитрились найти средства и провести в городе простейшие косметические ремонтные работы.

Растяжки, знаки и клумбы с цветами появились здесь буквально за сутки. Десятая часть города, пострадавшая от последнего землетрясения, по-прежнему лежала в руинах, но глаза туристов искусно отвлекали новыми приманками. Если не приглядываться, казалось, вернулись времена празднества.

Уличные торговцы продавали прохожим пальмовые ветви — отличный способ приветствовать владыку или устлать ему путь. Ник за штуку — буквально даром! Кепки, сандалии, солнечные очки, даже пуговицы с изображением Николае. Назови — и покупай!

Тель-Авив задыхался от толп и автомобильных пробок. Все спешили к набережной, к огромному импровизированному амфитеатру, где разместят оборудование для вживления знака. Все было уже на своих местах, включая тенты для пострадавших от солнечных ожогов. Ждали только биоинжекторы и аппараты принуждения — и персонал центра. Народ уже выстроился в очередь — каждый мечтал в первых рядах свидетельствовать свою верность Николае. Часть Бизона страстно желала превратиться в Эли, или Моше, или хотя бы в Хaima, если он способен на такое. Припарковавшись в паре кварталов от центра, Бизон мечтал забыть о здравом смысле и во весь голос кричать несведущим: «Не делайте этого! Вы прощаете душу дьяволу!»

Он посмотрел на часы и ускорил шаг. На авиашоу стоило занять хорошее место:

Бизон знал, насколько зрелищным будет это шоу. По дороге к набережной он набрал номер Рэйфорда.

— Четыре минуты до визуального контакта, — объявил он. — Устроюсь в партере.

— Запоминай каждую мелочь!

— Обижаешь, папа! Такое не забудется. Они идут по расписанию?

— Уже едут. В аэропорту все прошло гладко. Беспокоятся за автопилот: нет возможности откорректировать программу, если что-то пойдет не так. Если возникнет неполадка, погибнут невинные жертвы.

— И я среди них.

— Именно. Мак связался с людьми Муна по телефону, сказал, когда его ждать, предупредил, что барахлит радио.

— Как дела в «Орле»-центральном?

— Потрясающе. Тут масса людей, которые ни разу не встречались, они приезжают и прилетают со своей частью плана — и сразу включаются в работу. Мы опережаем график, тут уже десятки вертолетов — мы сможем перевезти в Петру больных и старииков, не заставляя их идти через перевал. Насколько мы можем судить, пока нас не обнаружили, но это счастье ненадолго.

Зики так тщательно поработал над Бизоном, что он вздрогивал каждый раз, когда смотрел в зеркало. Устроившись у торговой палатки, он чувствовал себя невидимкой — как в засаде в день воскресения Эли и Моше. Отовсюду стекался народ в ожидании явле-

ния живого Николае — и тот не стал разочаровывать публику.

На отгороженную площадку с грохотом въехали шесть внедорожников, и под дикие овации толпы властелин мира вышел из машины и быстро прошел к сцене. Свита последовала за ним.

Карпати играл любимую роль, смиленно принимая почести, благодаря всех, что сбрались здесь и оказали такой теплый прием ему, преподобному Фортунато, десяти субпотентатам и сопровождающим их отцам карпацианства. Далее последовала обычная тирада о служении миру во всем мире, и о том, какой прилив сил он ощущает «после трех дней отличного сна», и о том, как он предвкушает новые свершения в Тель-Авиве и Иерусалиме.

— А теперь, — Карпати явно смаковал каждое слово, — прежде, чем перейти к сюрпризу, который мы для вас подготовили, позвольте мне представить главу нашей новой и улучшенной веры, его высокопреосвященство преподобного Леона Фортунато.

Леон немедленно преклонил колено, взял обеими руками правую руку Карпати и поцеловал ее. Встав на трибуну, он объявил:

— Позвольте мне научить вас новому гимну, посвященному тому, кто умер за нас, а ныне живет за нас.

Неожиданно чистым баритоном, не фальшивя, Леон воодушевленно и энергично запел: «Правь, Карпати, наш воскресший царь!..»

Бизона передернуло. Внутри зашевелилось знакомое предчувствие, но тут раздалось гудение и в небе появился «квази». Толпа быстро подхватила слова и простой, зажигательный мотив, и после второго песнопения Карпати начал воздавать хвалу высоким технологиям «Квази-2», который «доставит не только оборудование для центра, но и удовольствие всем нам, благодаря небольшой демонстрации возможностей современной техники, которую проведет опытный пилот моего собственного самолета капитан Мак МакКаллам. Встречайте!».

Толпа ахнула, когда реактивник на бреющем полете пронесся над городом к побережью. Бизона встревожило, что самолет летит слишком низко, но люди вокруг не сомневались, что это часть представления. Бизон всерьез испугался, что в программе автопилота произошел сбой и все закончится несчастьем.

Самолет спикировал к побережью, потом набрал скорость, взмыл над сияющим морем, дал крен на одно крыло, выровнялся, встал на другое крыло и снова спикировал к воде. Бизону показалось, что от водной поверхности «квази» отделяет не больше трех метров. Он не мог представить, что Мак задал такую рискованную программу.

Следующим номером разыгравшейся машины стал разворот на бреющем полете над головами первых лиц. Те, стараясь не терять достоинства, щурились на солнце и давили в

себе желание пригнуться. Дорогие галстуки вымпелами захлопали в поднявшемся вихре.

Когда машина ушла в свечку, как баллистическая ракета, в толпе зашептались. Даже Бизону, хоть он и знал, что самолет пуст, стало любопытно — каково быть там, в кабине? Любой подкованный зритель уже теперь понял бы, что с самолетом что-то не так. «Квази» замер в высшей точке — и пошел вертикально вниз хвостом вперед, днищем к зрителям на берегу.

В толпе болтали и посмеивались, ожидая, как самолет выровняется в самый последний момент. Даже когда на маневр не оставалось уже ни времени, ни места, зрители были уверены, что машина извернется, пролетит над морем и под аплодисменты повернет к Бен-Гуриону.

Но «квази» не извернулся. Это не был маневр свободного падения, нет, — много-миллионное чудо техники разгонялось, пар от раскаленных камер сгорания оставлял в небе длинный след. Странное положение и угол падения сносили машину к берегу чуть меньше, чем в миле от толпы.

«Квази» — и предполагаемые четыре человека на борту — врезался в берег под идеально прямым углом на почти сверхзвуковой скорости. Толпу вместе с Бизоном накрыло ошеломленное молчание. Рев реактивных двигателей вибрировал в воздухе, уже когда сам самолет превратился в колышущийся шар черно-оранжевого пламени. Тишину

сменил омерзительный скрежет удара, грохот взрыва, а за ним — рев и шипение огня.

В толпе раздался крик. Потом второй. Никто не шелохнулся. Бежать не было смысла: ни от места крушения, ни к нему. Только что самолет был тут — дорогая игрушка во всей своей красе, дразнящая надежды и желания, а теперь стал воплощением худших кошмаров — его останки исчезали, плавясь и испаряясь в бушующем пламени.

Очередная трагедия в этом полном горя мире.

Прозвучал сигнал системы оповещения, и народ начал медленно оборачиваться. Карпати вернулся и говорил с таким состраданием в голосе и так тихо, что приходилось вслушиваться в каждое слово.

— Мир вам. Дарую вам мой мир, но не мир людей. Прошу вас теперь тихо покинуть это место, почтив его как священное место упокоения четырех храбрых служителей. Центр верности будет перенесен в другое место, благодарю вас за уважение к памяти павших.

Он шепнул что-то Леону, тот встал к микрофону и распростер руки. Складки мантии сделали их похожими на крылья.

— Возлюбленные чада, это горькое событие завершает сегодняшний день и наш визит в Тель-Авив, но программа на завтра остается прежней: мы ждем вас в Иерусалиме.

Бизон поспешил к машине и позвонил Рэйфорду.

Начертание

— Корабль разбился о прибрежные скалы. Выживших быть не могло. Возвращаюсь к гласу вопиющего в пустыне.

По дороге к древнему городу Бизона накрыло странное чувство, будто его друзья действительно погибли в разбившемся самолете. Он знал, что самолет пуст, но сцена была слишком реалистичной для простой уловки. Станет она началом или концом? Надеяться, что МС не найдут времени исследовать место крушения было наивно...

Наверняка он знал лишь одно: все, что им довелось вынести за прошедшие три с половиной года, — детская игра по сравнению с тем, что их ждет теперь. Всю дорогу он молился за близких и за каждого члена отряда Скорби. Одержимый Антихрист, без сомнения, сделает все, чтобы сокрушить тех, кому завтра суждено было восстать против него.

Бизон никогда не бежал от опасности и не раз смотрел смерти в глаза. Но Николае Карпати был самим воплощением зла, и завтра Бизону предстояло оказаться на линии огня. Завтра извечная битва добра и зла за человеческие души, что ведется между раем и адом, разразится и на земле.

ЭПИЛОГ

И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю.

Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его.

Откровение 16:1—2

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Аарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ОСКВЕРНЕНИЕ

ДЕВЯТЫЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В девятой книге серии «LEFT BEHIND®» — «Осквернение» — действие вновь переносится в Иерусалим. Николае Карпати, в котором воплотился сам Люцифер, готовится осквернить иерусалимский Храм, восстановление которого когда-то ознаменовало начало семилетнего периода Скорби. Этот жест Антихриста, являющийся очередным переломным моментом библейского Апокалипсиса, заставил даже самых преданных Николае людей по-новому взглянуть на деяния правителя мира. Теперь человечество вступает в открытую войну со злом.

Заказать книгу «ОСКВЕРНЕНИЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

НАЧЕРТАНИЕ

Редактор *Н. Занозина*

Художественный редактор *А. Балашова*

Перевод *Ю. Дараган*

Консультант *А. Коныхова*

Технический редактор *О. Стоскова*

Корректор *О. Бубликова*

Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 02.12.11 г.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.

Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 13,91.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"

Logotipas Company

www.baltpoint.ru

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

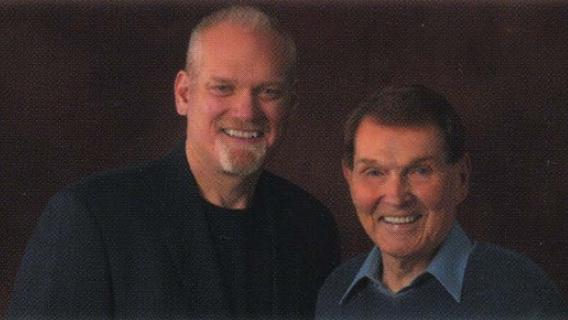
Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

**Реклама: (495) 780-5757
Продажа: (495) 780-5353
www.tainaya.ru**

НАЧЕРТАНИЕ — восьмая книга серии «LEFT BEHIND®».

Воскресший Николае Карпати, в теле которого теперь воплотился сам Люцифер, приказал клеймить своих подданных числом Зверя. Теперь члены Отряда Скорби пытаются найти способ избежать клейма.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

«Самый успешный литературный tandem всех времен и народов». **NEWSWEEK**

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идеальный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

ISBN 978-5-4224-0439-1

9 785422 404391

www.Leftbehind.ru